А. А. Прошин, А. А. Тимонин

Неоколониализм США и Южная Корея

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им.М.В.ЛОМОНОСОВА
Институт стран Азии и Африки

А.А.Прошин, А.А.Тимонин

Неоколониализм США и Южная Корея

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

П 84

Ответственный редактор
М.Н. Пак

В монографии анализируются основные направления и особенности развития экономики Южной Кореи в 1961–1979 гг., в период, когда правящие круги в целях сохранения и укрепления своей власти широко прибегали к социальной демагогии, лавированию между классами южнокорейского общества, осуществлению курса развития под лозунгом "экономика – прежде всего". Рассматривается взаимосвязь между политикой широкого привлечения иностранного капитала и курсом "индустриализации через экспорт", выявлены основные последствия подобного пути, исследуются проблемы накопления, распределения национального дохода, механизм ценообразования в Южной Корее.

П $\frac{0801000000=099}{013(02)=85}$ 68=85

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1985.

ВВЕДЕНИЕ

Политика американского неоколониализма в Южной Корее

1945 год стал поворотным в истории Кореи. На Севере страны в результате разгрома японского империализма сложились благоприятные условия для народно-демократической революции, переросшей впоследствии в социалистическую. Здесь власть взяли в свои руки трудящиеся. На Юге также имелись серьезные предпосылки для развития по пути демократии и прогресса. Налицо был подъем общедемократического движения, связанный с освобождением Кореи. В авангарде борьбы выступал рабочий класс, по инициативе которого повсеместно начали создаваться народные комитеты – революционные органы власти, опиравшиеся на трудящихся и руководимые в большинстве своем коммунистами. Всеобщим политическим подъемом была охвачена и корейская буржуазия, с первых же дней освобождения попытавшаяся перехватить у рабочего класса инициативу в руководстве общедемократическим движением. Однако до высадки на Юге Кореи американских войск перевес был явно на стороне прогрессивных, патриотических сил. Ход событий как на Севере, так и на Юге страны должен был привести к созданию единого независимого корейского государства.

8 сентября 1945 г. Южная Корея была оккупирована американскими войсками. Приход к власти американской военной администрации коренным образом изменил обстановку на Юге и положил начало осуществлению в Южной Корее новой стратегии американского империализма – неоколониализма. В течение всего периода существования Южной Кореи главной целью неоколониализма является сохранение этой страны в политической и экономической орбите капитализма. В политике правящих кругов США в отношении Южной Кореи неизменно доминировала ставка на военную силу и преобладали военно-политические аспекты. Вместе с тем в рамках этой глобальной стретегии политика американского неоколониализма претерпела значительную трансформацию, обусловленную изменением соотношения сил в противоборстве двух социальных систем в пользу социализма, особенностями социально-экономического и политического развития Южной Кореи.

В неоколониальной политике США в Южной Корее прослеживаются три основных этапа: 1945–1953 гг., 1953–1961 гг., 1961 – по настоящее время.

Первый этап[1] (1945–1953 гг.) совпал с периодом зарождения неоколониализма после второй мировой войны в условиях обострения общего кризиса капитализма, связанного с образованием мировой социалистической системы. В это время правящие круги США, поставив задачу "сдерживания и отбрасывания коммунизма", приступили к сплочению сил мировой реакции, окружению границ СССР и стран народной демократии военными базами, попытались применить в международной политике атомный шантаж. Внешняя политика США конца 40-х – начала 50-х годов характеризовалась авантюризмом, упоением экономической мощью и надеждами на военное превосходство. Американская военщина, подталкиваемая военно-промышленным комплексом, искала удобный случай продемонстрировать свою "мощь". В качестве испытательного полигона был избран Корейский полуостров, расколотый предательской политикой США на две части. В представлении американцев, как признал видный идеолог антикоммунизма У.Ростоу в своем "Антикоммунистическом манифесте", международная политика этого периода была "дуэлью великих держав", "обошедшейся без значительных военных действий на Западе ценой корейской войны на Востоке" /334, с.117/. Война в Корее, по мнению современных американских авторов, увязала европейскую и азиатскую политику США, "придав стратегии сдерживания глобальный характер" /244, с. 8/.

Поэтому американскую политику в Корее в 1945–1953 гг. можно рассматривать как многоплановую подготовку к войне против избравшей путь социализма северной части страны. Эти планы предусматривали создание марионеточного южнокорейского государства, сплочение внутренней реакции, ослабление и уничтожение демократических сил, превращение территории страны в военно-стратегический плацдарм и приспособление ее экономики к обслуживанию нужд армии. Это привело к тому, что, несмотря на быстрый рост некоторых отраслей, например военного строительства, в целом положение экономики Южной Кореи было тяжелым и уровень промышленного производства упал к 1948 г. до 20% от довоенного (1940 г.) /162, с. 27/. Подготовка к корейской войне предусматривала и расширение идеологической экспансии американского империализма, стремившегося заполнить идеологический "вакуум", образовавшийся в Южной Корее в результате разгрома прогрессивных сил и теоретического бесплодия южнокорейской буржуазии. В послании конгрессу от 7 июня 1949 г. президент США Трумэн особо подчеркнул, что "Южная Корея стала ареной испытания основательности и практической ценности идей и принципов демократии" (цит. по /314, с. 36/). В заявлении американского президента отразилось главное направление идеологического наступления неоколониализма в 40–50-е годы в Южной Корее – пропаганда антикоммунис-

тических идей западной буржуазной демократии, продиктованное еще популярными в то время среди буржуазных теоретиков колониалистскими представлениями о "цивилизаторской" миссии Запада.

Корейская война 1950–1953 гг., как известно, не принесла успеха Соединенным Штатам, хотя они непосредственно вмешались в агрессию против КНДР, послали в Корею значительные силы, привлекли к участию в интервенции под флагом ООН войска еще пятнадцати стран. Мужественное сопротивление корейского народа на фронте и в тылу американских армий, братская помощь СССР и других социалистических стран не позволили империализму уничтожить государство корейских трудящихся. Американское правительство было вынуждено подписать соглашение о перемирии. Несмотря на ограниченность театра военных действий, корейская война заняла важное место в истории как первое крупное поражение американского империализма в его стремлении нанести удар национально-освободительному движению. Полтора десятилетия спустя один из известных американских политологов, С.Дейчман, признавал, что корейская война была "ограниченной войной, но не была войной маленькой" и оказала огромное влияние на внешнюю политику США /251, с. 2/.

В результате этой войны значительно подорванными оказались производительные силы Южной Кореи. В той или иной степени были повреждены 40% промышленных зданий и 37% оборудования обрабатывающей промышленности, 50% – угледобывающего, свыше 40% – электроэнергетического. В марте 1954 г. уровень производства составлял в металлургии всего 15% от уровня 1949 г., в машиностроении – 20%, в химической и текстильной промышленности – по 35% (см. /65, с.13/). Чрезвычайные меры американских военных властей и лисынмановского режима позволили довести к 1953 г. общий объем производства до 87% от уровня 1949 г., однако проведенное восстановление носило ограниченный характер и затрагивало в наибольшей степени отрасли, производившие предметы потребления, в то время как производство средств производства должной поддержки не получало, что привело к усилению диспропорций в развитии промышленности. Если в 1953 г. отрасли легкой промышленности достигли или даже превысили уровень производства 1949 г., то металлургия смогла дать не более 37%, а машиностроение – 44%. Как отметил Б.В.Синицын, в результате войны и последующего восстановления "резче обозначился аграрно-сырьевой характер южнокорейской экономики в целом" /162, с. 31/, что привело к усилению ее внешней зависимости.

Поражение в Корее не оказало отрезвляющего влияния на американских политиков, продолжавших изобретать различные комбинации возможных "превентивных" атак на социалистические страны. В 50-е годы еще более возросло значение Южной Кореи для военной стратегии США, предусматривавшей быстрое наращивание американского "присутствия" в Восточной Азии. Был намечен так на-

зываемый "оборонный периметр США" (называемый также "дугой кризиса"), укреплявшийся военно-политическими договорами, созданием военных баз и "вооружением союзных армий" (см. /238, с. 117/). Южная Корея составила северный фланг "дуги", образуя первую линию "защиты" Японии, а по существу оставаясь плацдармом агрессии, угрожающей сразу трем странам - КНДР, СССР и КНР. Нарушив условия подписанного перемирия, США не вывели свои войска из Южной Кореи, а закрепили их пребывание там заключением 1 октября 1953 г. американо-южнокорейского "Договора о взаимной обороне".

В этих условиях неоколониалистская политика США в Южной Корее и на втором этапе (1953-1961) была по-прежнему ориентирована на милитаризацию страны. В то же время, учитывая, что в новых условиях исход противоборства двух корейских государств во многом будет зависеть от результатов их экономического развития, США выдвинули фарисейский лозунг превращения Южной Кореи в "витрину свободного мира", скрывая под ним свои военно-стратегические планы. Важно отметить, что на этом этапе отчетливо проявился двусторонний характер связи между политикой неоколониализма и развитием Южной Кореи. Милитаризация Южной Кореи под давлением США вызвала стагнацию ее экономики, стагнация привела к обострению социальных противоречий, что, в свою очередь, вынудило империализм оказывать частичное содействие развитию страны.

И в этот период лисынмановский режим, обязанный своим происхождением американскому империализму, был послушным орудием его политики. Он предоставил многочисленные льготы американскому монополистическому капиталу, растрачивая огромные средства на военные приготовления и содержание репрессивного аппарата. Подобная политика препятствовала эффективному использованию внутренних ресурсов накопления для развития производительных сил. Поэтому уровень инвестирования полностью зависел от внешних источников финансирования. При этом степень мобилизующей активности государства была высокой, оно изымало в 1954-1960 гг. в среднем 20,6% национального дохода (см. /161, с. 16/), что при низком подушевом доходе затрагивало не только прибавочный, но и необходимый продукт определенных слоев населения. Перераспределение государством национального дохода в пользу непроизводительных сфер сдерживало развитие и вело всю экономику Южной Кореи к кризису.

В результате осуществления американской политики "помощи" только за 1954-1959 гг. Южная Корея получила 1,5 млрд. долл. в виде субсидий и "займов развития" (займы составили 12,4 млн. долл.). Эта гигантская сумма была израсходована в основном на закупку американских продовольственных и потребительских товаров, и лишь небольшая часть пошла на восстановление производственной инфраструктуры, промышленности и сельского хозяйства.

Соединенные Штаты и не намеревались действительно содействовать развитию страны, о чем свидетельствовала структура распределения "помощи". Из 180 млн. долл. "помощи", полученных в 1954 г., 73,4% пошло на нужды южнокорейской армии и лишь 3,5% – на поставки промышленного оборудования, остальные средства были направлены в непроизводственные сферы /99, т. 2, с. 357/. Позднее большая часть "помощи" шла на закупку в Соединенных Штатах готовой продукции, что стимулировало американское, а отнюдь не южнокорейское производство.

Вместе с тем следует признать, что в первые послевоенные годы помощь США Южной Корее отчасти способствовала сравнительно быстрому восстановлению хозяйства. Среднегодовые темпы прироста валового национального продукта (ВНП) составили в 1954–1958 гг. 5,2%, а обрабатывающая промышленность за этот период удвоила производство, что объяснялось восстановлением и постепенным вводом в строй поврежденных во время войны предприятий. Однако восстановление довоенного уровня производства не означало сохранения прежнего отраслевого соотношения, так как в первую очередь пускались предприятия легкой промышленности, менее капиталоемкие и способные хотя бы частично заполнить рыночный дефицит товаров первой необходимости. Так, в 1956 г. тяжелая промышленность давала лишь 20% продукции всей обрабатывающей промышленности вместо 38% в 1948 г., тогда как доля легкой промышленности выросла с 62 до 80%. В 1957–1958 гг. южнокорейская промышленность по всем основным показателям достигла уровня довоенного 1949 г. Однако в дальнейшем проявились признаки застоя деловой активности и спада конъюнктуры, за которыми в 1959–1961 гг. последовали сокращение производства и длительный кризис. Произошло резкое падение прироста промышлен-

Таблица 1

Индекс производства отраслей промышленности*
(1955= 100)

Год	Добыча металлов	Добыча неметаллов	Бумажная	Химическая	Строительных материалов	Металлообрабатывающая
1956	123	79	105	78	175	140
1957	161	111	94	99	295	183
1958	178	98	92	118	315	162
1959	169	126	116	110	281	145

* Составлено по /44, 1960, с. 146/.

ного производства – с 19% в 1954–1957 гг. до 9,8% в 1958–1961 гг.

Замедление темпов роста или спад затронули почти все отрасли промышленности, кроме изготовляющих потребительские товары (см. табл. 1). Прирост ВНП в 1958–1961 гг. составил всего 4,8% при приросте населения 2,8%. Подушевой национальный доход практически не возрастал – 77 долл. в 1957 г., 80 – в 1958 г. и 82 – в 1959–1962 гг. (см. /220, с. 19/). Застой производства сопровождался ростом цен вследствие быстро растущей инфляции.

Экономический кризис 1959–1961 гг. в наиболее резкой форме выявил и обострил противоречие между сравнительно высоким уровнем развития капиталистических производственных отношений и слабостью производительных сил, причем их рост сдерживался субъективистской политикой лисынмановского режима, за спиной которого стоял американский империализм. Аграрная реформа 1949–1951 гг., несмотря на ее половинчатость, практически ликвидировала в Южной Корее помещичье землевладение, уничтожила арендную систему. Основной производственной единицей в деревне стало мелкотоварное крестьянское хозяйство, что неизбежно усиливало развитие капиталистических отношений, концентрацию капитала. Однако этот процесс происходил крайне медленно. Ему препятствовали в первую очередь конкуренция американских сельскохозяйственных товаров, поставлявшихся в Южную Корею по так называемому "закону № 480", усиление налогового бремени, значительно сокращавшее фонд накопления крестьянских хозяйств и затруднявшее применение новой техники и прогрессивных методов землепользования. Не стимулировало роста сельскохозяйственного производства и слабое развитие промышленности, оказавшейся не в состоянии дать крестьянину товары в должном ассортименте и количестве, не говоря уже о качестве, и поглотить высвобождавшуюся в результате разложения крестьянства рабочую силу.

Следует учесть и следующее обстоятельство. Промышленность считалась восстановленной до уровня 1949 г., который, в свою очередь, составлял лишь пятую часть от промышленного производства начала 40-х годов. Таким образом, из сферы промышленного производства были исключены, с одной стороны, значительная масса рабочей силы, а с другой – известное количество разорившихся или свернувших дела предпринимателей. Между тем экономический кризис еще более сократил сферу занятости и деловой активности, увеличив армию безработных и полубезработных почти до 40% самодеятельного населения. Спад экономической конъюнктуры препятствовал также применению капиталов, образовавшихся у бывших помещиков при получении выкупов за землю; возникла значительная группа лиц, нажившихся состояние на спекуляции американскими товарами и желавших вложить его в производство. В

этой связи в самых различных слоях южнокорейского общества росла неудовлетворенность положением дел в стране, обращавшаяся непосредственно против лисынмановской диктатуры. Имелись и другие экономические причины широкого недовольства правлением Ли Сын Мана, например пренебрежение его режима к проблемам развития социальной инфраструктуры. Так, за годы войны было разрушено около 1,2 млн. жилых домов, однако восстановление их и постройка новых шли крайне медленно, в 1960 г. было сдано всего 12,8 тыс. домов (см. /51, с. 416/). В то же время постоянно становились известными факты коррупции, обогащения чиновников и членов правительства за счет государственной казны и т.д.

Нарастание социально-экономических противоречий и трудностей придало особую силу волнениям, вспыхнувшим после фальсификации результатов выборов президента и вице-президента 15 марта 1960 г. Эти политические события, названные "апрельской революцией", результатом которых было свержение лисынмановской диктатуры, имели глубокие корни в социально-экономической обстановке, сложившейся в стране к началу 60-х годов.

Свержение марионеточного режима Ли Сын Мана нанесло удар по военно-политическому господству США в Южной Корее. Несмотря на пребывание американских войск и увеличение "помощи", проамериканский режим рухнул, не сумев оказать сопротивления напору народных масс.

Весной 1960 г. в условиях мощного общедемократического подъема в стране силы южнокорейской реакции и иностранный империализм не решились заменить прогнивший лисынмановский режим открыто тоталитарной формой правления. Крах так называемой первой южнокорейской республики под нажимом демократических и антиимпериалистических сил заставил реакцию пойти на уступки, коснувшиеся некоторых формальных сторон буржуазного строя, выразившиеся в переходе от диктатуры "президента-монарха" к парламентской системе правления. Были сняты ограничения на политическую деятельность, следствием чего стало появление на политической арене многочисленных партий либеральной буржуазии. На смену мрачным временам лисынмановского господства пришел период так называемой второй республики (июль 1960 г. - май 1961 г.), знаменовавший собой одновременно "расцвет" и крушение идей западной либеральной демократии в Южной Корее.

Имеются сведения о том, что еще до прихода к власти правительства Чан Мёна южнокорейская реакция и американский империализм вынашивали планы военного переворота (см. /332, с. 148/). Поэтому можно предположить, что правые силы в период второй республики попытались сделать все возможное, чтобы вызвать экономический и политический кризис режима Чан Мёна и использовать его в качестве предлога для установления реакционной диктатуры, тем более что бездарный политик Чан Мён и его реакцион-

ная, организационно слабая Демократическая партия были наиболее подходящими фигурами в этой игре.

Как и следовало ожидать, последовал отказ американцев финансировать разрекламированный Чан Мёном пятилетний план экономического развития Южной Кореи (1961–1965), что привело к провалу всех экономических мероприятий режима. Вмешательство США не позволило также сократить расходы на содержание огромной армии, хотя демократы во время предвыборной кампании летом 1960 г. обещали это сделать. Под давлением США был вдвое понижен официальный курс хвана (с 650 до 1300 хванов за один доллар). Не были выполнены также обещания лидеров Демократической партии стимулировать деятельность мелких и средних предпринимателей, ликвидировать ростовщическую задолжность крестьян, уничтожить безработицу и жилищный кризис, упорядочить налоговую систему, устранить контроль правительства над профсоюзами. Более того, для части населения налоги возросли, положение трудящихся значительно ухудшилось.

Престиж правительства еще больше упал после проведения муниципальных выборов 29 декабря 1960 г. Эти выборы ничем не отличались от лисынмановских. Правящая верхушка снова прибегла к насилию, подкупу избирателей, жульническому подсчету голосов. Коррупция, взяточничество и другие злоупотребления, против которых выступали лидеры Демократической партии во время предвыборной кампании, процветали и при новом режиме.

Стремление широких народных масс к утверждению подлинной демократии, а также к освобождению от иностранной зависимости и к л видации раскола страны стало почвой для объединения всех патриотических и прогрессивных сил Южной Кореи. Постепенно все демократические силы начали сплачиваться в борьбе за решение этой триединой задачи. Всю Южную Корею всколыхнуло предложение правительства КНДР от 14 августа 1960 г. решить проблему мирного объединения Кореи без вмешательства извне, путем проведения всеобщих свободных выборов. В ответ на это в Южной Корее возник ряд организаций, начавших борьбу за национальное объединение. К сожалению, организационная и идеологическая слабость рабочего класса привела к тому, что главенствующую роль в таких организациях играли деятели буржуазно-националистического толка. При активном содействии американских идеологов в этой среде большое распространение получили идеи нейтрализма[2]. Согласно им объединение Кореи должно было привести к созданию общественно-политического строя, руководство которого не имело бы четко выраженного классового характера. Активную роль в нейтралистском движении играли мелкобуржуазные реформистские партии Южной Кореи – Социалистическая массовая партия, Партия демократического обновления и еще 17 других партий и организаций. Под руководством буржуазно-националистических партий были созданы массовые общественные организации, участники которых также находились

под большим влиянием идей нейтрализма, проповедовавшихся лидерами этих партий. К нейтралистским организациям можно отнести также Лигу национальной независимости, основанную в начале ноября 1960 г. на базе Сеульского университета. В декабре 1960 г. в Сеуле был создан Центральный совет по вопросам национальной независимости и единства. 9 января 1961 г. там же возник Фронт национального единства. 19 апреля 1961 г., в день первой годовщины апрельского восстания, на сеульском стадионе состоялся 100-тысячный митинг, в котором участвовали представители рабочих, крестьянства, интеллигенции. Участники митинга приняли декларацию, осуждавшую правительство Чан Мёна. На митинге было также решено провести в мае 1961 г. в Пханмунджоме встречу студентов Севера и Юга.

В этот же период обострились антиамериканские настроения. Их вспышку вызвало подписание сеульскими властями 8 февраля 1961 г. "Корейско-американского экономического и технического соглашения", еще более усилившего зависимость Южной Кореи от США. Одно из наиболее внушительных выступлений состоялось в Сеуле 19 февраля 1961 г. Более 3 тыс. представителей трудящихся, работавших на американских военных объектах в Сеуле, Инчхоне, Пупхёне и Пхачжу, приняли участие в демонстрациях и митингах у здания американского посольства. Рабочие требовали уважения национальных прав и достоинства, протестовали против оскорблений со стороны американского персонала. 14 февраля 1961 г. Социалистическая массовая партия и другие мелкобуржуазные реформистские партии и организации создали Комитет совместной борьбы против корейско-американского экономического и технического соглашения, напоминавшего корейцам "договор о протекторате", навязанный японским империализмом в 1905 г. Движение против унизительного соглашения, по существу, было направлено и против правительства Чан Мёна, не способного проводить политику, отвечающую интересам корейского народа. Характерной чертой демократического движения, начавшегося в обстановке экономического и политического банкротства режима Чан Мёна, стала возросшая активность рабочего класса. Только с апреля по сентябрь 1960 г. произошло 1509 демонстраций с участием более 770 тыс. человек, треть выступавших составляли рабочие (см. /142, с. 124/). За этот же период было 485 стачек, в которых участвовало 340 тыс. человек /99, т.2, с.379/. Трудящиеся повсеместно начали явочным порядком утверждать свое право на демократические свободы - свободу слова, печати, митингов, собраний и забастовок. За последние четыре месяца 1960 г. в Южной Корее произошло 222 забастовки. Из них 141 закончилась полным или частичным успехом рабочих. Весной 1961 г. пролетариат Южной Кореи все чаще выдвигал политические требования и лозунги. К этому времени интересы рабочего класса начали приобретать характер общенациональных.

Таким образом, обстановка в Южной Корее весной 1961 г. ха-

рактеризовалась подъемом демократического движения, вызванного недовольством широких слоев населения антинародной политикой правительства Чан Мёна, стремлением к мирному объединению родины и освобождению от неоколониальной зависимости. С апреля 1960 г. по апрель 1961 г. в Южной Корее произошло свыше двух тысяч выступлений с общим количеством участников около 1,2 млн. человек. Это вызывало растущее беспокойство правящих кругов Южной Кореи, и уже весной 1961 г. были усилены репрессии против прогрессивных и демократических сил, реакция перешла к открытым действиям. 23 марта 1961 г. крайне правыми был создан Подготовительный комитет по мобилизации правых организаций против коммунистических элементов, включавший 61 антикоммунистическую группировку. Вскоре к власти в Южной Корее пришла военщина.

Развитие Южной Кореи в годы второй республики в условиях "политического плюрализма" подтвердило, что ни одна из форм буржуазной демократии не несет подлинного демократизма. В то же время ни либеральная, ни любые другие формы западной демократии не являются гарантией от перехода буржуазии к реакции. Кризис буржуазной демократии обусловлен ее социально-экономическим и политическим содержанием. В условиях кризиса буржуазной демократии и слабости прогрессивных сил наиболее вероятным является переход буржуазии к более реакционным формам государственного управления. В Южной Корее подобная эволюция завершилась военным переворотом 16 мая 1961 г. и установлением в стране военной диктатуры во главе с генералом Пак Чон Хи. Захват власти южнокорейской военщиной произошел в тот период, когда Соединенные Штаты начали переход к новому, третьему этапу неоколониальной политики, главным содержанием которого стало применение методов коллективного неоколониализма и создание "самообеспечивающихся" режимов в Южной Корее и ряде других афро-азиатских стран. Новая колониальная политика США в отношении Южной Кореи строилась на принципах стратегии "новых рубежей", разработанной в начале 60-х годов идеологами администрации Дж. Кеннеди. Глобальная внешнеполитическая программа "новых рубежей" пришла на смену бесплодной доктрине "сдерживания коммунизма" и предусматривала, по определению американских идеологов, утверждение руководящей роли США в социально-экономических процессах развивающихся стран путем создания "здоровой и расширяющейся экономики для всего некоммунистического мира", что на деле означало форсированный рост капиталистических производственных отношений. Социально-экономическая программа стратегии "новых рубежей" была детально разработана в рамках доктрины "перехвата" революции, представлявшей собой, по определению В.Ф.Ли, "программу профилактики социальных революций путем стимулирования некоторых верхушечных буржуазных реформ в развивающихся странах" /127, с. 374-376/.

Новый экономический курс в отношении развивающихся стран,

в том числе и Южной Кореи, предусматривал: постепенный отказ от традиционного негативного подхода империализма к становлению госкапиталистического сектора и обрабатывающей промышленности; предоставление экономической помощи на основе стратегического планирования в целях долговременного и глубинного воздействия на социально-экономические процессы; превращение помощи США решающий внешний регулятор мобилизации внутренних накоплений и инвестиций молодых государств в целях улучшения позиций местного капитала; проведение такого гибкого курса в области помощи, который обеспечил бы значительное расширение и увеличение роли частных инвестиций в процессе социально-экономического развития афро-азиатских стран /127, с. 374-376/.

Рекомендованные правительством Кеннеди меры "стабилизации" экономики развивающихся стран включали также государственное кредитование средних промышленных предприятий, налоговую реформу, частичное расширение системы просвещения и здравоохранения. Эти рекомендации носили явный антидемократический характер и предусматривали экономию на продовольственных субсидиях и расходах на социальные нужды, замораживание заработной платы и проведение ряда других мероприятий с целью удержания прибылей иностранного и местного капитала на максимально высоком уровне. Подобный метод наибольшей аккумуляции местных ресурсов и капиталов в интересах капиталистического накопления был назван неоколониалистами "принципом самопомощи", который позднее был трансформирован сеульскими властями в концепцию "самообеспечивающейся экономики".

Новая политика американского империализма выразилась также в усилении давления на Японию, с тем чтобы она разделила часть бремени США по поддержанию существующих в Южной Корее порядков, и в постепенной замене института "помощи" (как безвозмездных субсидий) предоставлением государственных и коммерческих займов.

Таковы вкратце основные аспекты неоколониалистской политики США в Южной Корее, сложившиеся к моменту прихода к власти режима Пак Чон Хи.

Глава 1

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЮЖНОЙ КОРЕИ (1961–1979 гг.)

Экономическая политика военного режима

Военные, захватившие власть в Южной Корее в мае 1961 г., не имели четкой политической программы, в их идеологических воззрениях преобладали национализм и антикоммунизм. В целях сохранения и укрепления своей власти они с самого начала прибегли к социальной демагогии и лавированию между основными классами южнокорейского общества. Относительная легкость крушения предыдущих режимов показала, что ориентация исключительно на внешние силы и верхушку общества не обеспечивает устойчивости власти, так как обострение политических и социальных конфликтов обусловливалось внутренними причинами. Руководители хунты полагали, что успешная экономическая политика могла бы компенсировать слабость их политической и идеологической программ. Развивая экономику страны, они хотели укрепить и расширить социальную опору своего режима и ослабить недовольство народа. Как отмечал американский исследователь Ф.Болдуин, "военный переворот 1961 г. привел к власти людей... считавших, что эффективные действия в сфере экономики преодолеют антипатии к ним как узурпаторам" /353, с. 20/.

Военная хунта своей экономической политикой стремилась завоевать симпатии различных слоев населения. Ее представители резко критиковали тех, кто, используя свои связи с прежними правительствами, составил состояние на махинациях с американской "помощью" и государственными дотациями. Военная хунта обещала расследовать источники обогащения более двухсот крупных дельцов и наказать их (это обещание, как и многие другие, осталось, конечно, невыполненным). 25 мая 1961 г. был принят закон, освобождавший крестьян от выплаты долгов по ростовщическим процентам, превышающим пятую часть суммы займа. Эти долги обязалось выплатить государство, а крестьяне получали возможность возме-

щать их государству с рассрочкой на семь лет из 12% годовых. Несколько позже была объявлена программа стабилизации цен на сельскохозяйственные продукты и увеличен процент выплат по банковским вкладам, что стимулировало приток в банки свободных средств и облегчало получение кредитов. Эти шаги помогли режиму завоевать поддержку со стороны крестьянства, составлявшего в 1961 г. 58% населения Южной Кореи.

К 1962 г. были сформулированы основные положения экономической политики, провозглашенные под лозунгом "экономика прежде всего". Основным направлением развития Южной Кореи стало всемерное поощрение частной инициативы и укрепление национального частнокапиталистического уклада, о чем глава хунты генерал Пак Чон Хи заявил в одном из первых "программных произведений", названном "Путь нашей нации" /320, с. 229/. Созданию благоприятных условий для развития частного предпринимательства должна была способствовать система "управляемой капиталистической экономики", объявленная главным принципом экономической стратегии нового режима /65, с. 18/. И хотя в рамках "управляемой" системы предусматривалось установление "прямого или косвенного контроля в ключевых отраслях экономики" /320, с. 229/, этот контроль сеульский режим использовал в первую очередь для укрепления позиций местной буржуазии. Скрывая связь с крупным капиталом, Пак пытался оправдать усиление экономической роли государства заботой о "благополучии мелкого и среднего бизнеса", за счет представителей которого новый режим рассчитывал расширить свою социальную опору. Взяв на себя руководящую роль в экономических вопросах и провозгласив сохранение частной собственности и свободы предпринимательства, военные заявили о стремлении к "самообеспечивающейся экономике".

Главной частью их экономической политики стала пятилетняя программа развития (1962-1966). Хотя она не носила директивного характера, имевшиеся в руках режима рычаги воздействия на экономику позволяли ему, не стесняя "свободы предпринимательства", проводить намеченный курс. Программа ставила следующие основные задачи: расширение экспорта, поддержка средних и мелких предприятий, освоение энергоресурсов, сооружение ряда промышленных объектов. И хотя в настоящее время южнокорейская пропаганда подчеркивает неразрывную связь идей долгосрочного развития, якобы единой нитью связавших все пятилетние программы /65, с. 22-25/, в действительности в первом плане едва просматривались наметки будущей модели развития, а от некоторых его положений в дальнейшем вообще отказались. В частности, в нем было заявлено о необходимости усилить протекционизм, а между тем с 1965 г. режим начал политику "либерализации" импорта. Намечалось также развитие экспорта за счет увеличения добычи ископае-

мых и их переработки, хотя в дальнейшем рост экспорта шел исключительно за счет продукции обрабатывающей промышленности.

Если рассмотреть первые экономические мероприятия режима Пак Чон Хи, то становится очевидным его заигрывание с мелкой буржуазией. "Поднять народные массы до уровня средних слоев" /320, с. 225/ – этим демагогическим лозунгом новые сеульские власти пытались завоевать симпатии у народа, стремясь расширить свою социальную базу в первую очередь за счет преобладающего слоя населения – мелкой буржуазии города и деревни. Кроме уже упомянутых мер – освобождения крестьян от уплаты чрезмерных процентов по долгам, стабилизации цен на сельскохозяйственные товары, – следует отметить усиленную капиталистическую кооперацию крестьянских хозяйств. Хотя программа кооперирования была объявлена еще в 1957 г., к 1960 г. существовало только 8 тыс. кооперативов, к 1964 г. их было уже 21,5 тыс., причем они охватывали 93% всех дворов /42, с. 333/. Для лучшего кредитования крестьянских хозяйств Сельскохозяйственный банк Южной Кореи был слит с Центральным правлением кооперативов. Для поддержки мелкого бизнеса в 1961 г. был создан Промышленный банк, дававший краткосрочные кредиты мелким и средним предпринимателям под сравнительно небольшие проценты.

Одновременно хунта старалась сохранить и усилить поддержку со стороны военных и служащих государственного аппарата, представлявших основную опору режима. Несмотря на заинтересованность в сокращении правительственных расходов, хунта повысила на 50% оклады чиновникам, а жалованье военным (офицерский состав) у величила вдвое. В результате доля правительственных расходов в ВНП возросла с 17% в 1960 г. до 25% в 1962 г. /236, с. 55/. Перечисленные мероприятия режима носили сугубо тактический характер, в частности были призваны обеспечить победу на президентских выборах 1963 г., которые Пак Чон Хи выиграл лишь благодаря поддержке поверившего ему сельского населения.

Менее удачными были попытки стимулировать рост экономики. Выполнение пятилетней программы развития находилось под угрозой срыва из-за неудавшейся мобилизации внутренних ресурсов накопления. Так, несмотря на объявленную 10 июня 1962 г. денежную реформу, предусматривавшую деноминацию валюты и блокирование банковских счетов, вместо ожидаемого роста частных сбережений до 10% ВНП они упали с 5,2% (1962 г.) до 3,8% (1964 г.). Еще менее удачными оказались попытки повысить эффективность налогообложения, особенно прибылей предприятий. Крупный капитал попросту игнорировал все усилия военного режима, укрывая большую часть доходов. Налог с прибыли платили лишь 0,5% зарегистрированных предприятий, в их числе 60% корпораций, остальные же отказывались, ссылаясь на плохую конъюнктуру и бесприбыльность операций /236, с. 64/.

Провал мероприятий по мобилизации внутренних ресурсов зна-

чительно ослаблял позиции режима Пак Чон Хи, основным пропагандистским лозунгом которого было заявление о стремлении способствовать экономическому развитию страны. В условиях продолжавшегося спада внутриэкономической конъюнктуры нужны были конкретные меры, подтверждавшие действенность экономической политики режима и его право оставаться у власти. Правительство Пака оказалось перед необходимостью пересмотра основных концепций, заложенных в первом плане развития, ибо неудачи экономической политики в начале 60-х годов в сфере накопления ставили под угрозу само существование режима.

Решение проблемы накопления в Южной Корее

В первые годы своего правления военные провозгласили идеалистическую программу немедленного улучшения положения во всех сферах экономики без выделения приоритетных направлений, выдавая это за наиболее верный и короткий путь к созданию "общества всеобщего благоденствия". Такой вариант развития требовал огромных первоначальных затрат.

Сеульские власти пытались решить проблему с помощью финансовой поддержки со стороны США и мобилизации внутренних ресурсов. Однако в начале 60-х годов Соединенные Штаты уже не планировали увеличение субсидий Южной Корее. Более того, они не обещали достаточного финансового обеспечения программы развития и в виде государственных кредитов, подталкивая режим к привлечению в страну частного капитала на коммерческой основе, а также в форме прямых вкладов в экономику. Одновременно правительство Пак Чон Хи убедилось, что оно не имеет эффективных рычагов воздействия на экономику с целью мобилизации внутреннего накопления. Эти неудачи показали, что в экономике неприменимы армейские методы управления, простое волеизъявление начальства или приказ не решают проблем. Дело не только в том, что имущие классы в тот период не желали предоставить свой капитал в распоряжение государства, связывать его в производственной сфере в условиях неопределенной конъюнктуры. При чрезвычайно низком подушевом национальном доходе и потреблении, характерных в то время для Южной Кореи, верхние границы возможной интенсификации внутреннего накопления были настолько низки, что даже успех этой политики не позволил бы получить достаточных средств. Изменить такое положение сеульские власти смогли, лишь обратившись к внешним источникам финансирования.

Это решение имело четко выраженный социальный аспект. Обещая народу создание независимой экономики и повышение жизненного уровня, режим Пак Чон Хи был крайне заинтересован в быстром росте экономики, особенно промышленного сектора. Поскольку для раннего этапа создания промышленной базы характерен экстенсив-

ный тип роста производства с повышенной капиталоемкостью создаваемых объектов, то существует прямая связь между интенсификацией накопления и темпами прироста экономики. Режим зависел от темпов роста, темпы роста зависели от наличия ассигнований.

Таким образом, Пак Чон Хи и его окружение попали в затруднительное положение, подобно другому диктатору, о котором Маркс писал: "Миссия этого человека, надо прямо признать, была полна затруднений противоречивого характера, ибо он был принужден выступать одновременно и как грабитель и как патриархальный благодетель всех классов. Он не мог давать одному классу, не отнимая у другого, он не мог удовлетворять свои собственные нужды и нужды своей клики без грабежа обоих классов" /2, с.27/. Поскольку Пак Чон Хи и в своей идеологии, и в политике всегда пытался выступать именно в роли "благодетеля" всей нации, то у него оставалось только одно решение - широкое использование внешних источников накопления.

В 1961-1962 гг. сеульский режим принял ряд законов, предоставивших иностранному капиталу многочисленные привилегии, в том числе значительное снижение налогообложения, гарантию вывоза прибыли, ответственность государства за платежеспособность южнокорейских контрагентов. Хотя эти законы создавали исключительно благоприятные условия для предприятий, основанных целиком или с долевым участием иностранного капитала, дополнявшиеся дешевизной и бесправным положением рабочей силы, значительного притока капитала извне не последовало. Если в 1959-1962 гг. Южная Корея получила 72,7 млн.долл. государственных и коммерческих займов, а также инвестиций (причем последних было всего 2,1 млн.долл.), то в 1963 г. - 68,7 млн.долл., из них всего 5,4 млн. в виде инвестиций /236, с. 214/.

Такое положение объяснялось тем, что американский капитал был мало заинтересован в южнокорейском рынке, а для буржуазии других капиталовывозящих стран - Великобритании, Западной Германии, Франции - Южная Корея казалась не только отдаленным рынком, но и находящимся целиком под влиянием США. Японские же фирмы, желавшие вложить средства в южнокорейскую промышленность, не могли сделать этого из-за отсутствия дипломатических отношений между Южной Кореей и Японией.

Положение изменилось с переходом к так называемой политике "индустриализации через экспорт", открывшей перед западными монополиями совершенно иные перспективы: к условиям дешевого производства в Южной Корее добавлялись выгоды практически неограниченного сбыта. Мероприятия южнокорейского режима, обозначившие этот переход, относятся к середине 60-х годов и оцениваются буржуазными экономистами как "поворотный пункт" в развитии страны /254, с. 238/. Основными шагами в этом направлении стали девальвация воны в 1964 г., устранение ограничений на импорт и принятие системы поощрения экспортного производства в 1965 г.

Важное экономическое значение, в том числе и для решения проблемы накопления, имела нормализация отношений с Японией (1965 г.), послужившая началом интенсивного притока японского капитала и открывшая японский рынок для южнокорейского экспорта. По условиям нормализации Япония обязывалась выплатить Южной Корее в течение десяти лет 300 млн. долл. в качестве компенсации за ущерб, причиненный стране в период колониального господства, предоставить государственный заем в 200 млн. долл. и открыть коммерческий кредит на 300 млн.долл. Наконец, все многочисленные законы, регулировавшие деятельность иностранного капитала в Южной Корее, были сведены в один "Закон о привлечении иностранного капитала" (1965 г.).

Мероприятия, осуществленные южнокорейским режимом в 1964–1965 гг., привлекли внимание иностранных держателей капитала к Южной Корее как месту выгодного помещения свободных средств. Если за 1954–1963 гг. приток иностранного капитала составил всего 120 млн.долл., то в 1964 г. Южная Корея получила 99,4 млн.долл. займов и инвестиций, в 1965 г. – уже 177 млн. долл., и с каждым годом объем получаемого капитала возрастал. Именно с 1964 г. наметилась устойчивая тенденция к повышению нормы инвестирования, а к 1966 г. она превысила 20%, т.е. достигла уровня, обеспечивающего достаточно быстрый прирост ВНП. При этом доля внешнего финансирования постоянно снижалась, пока не достигла среднего уровня в 40%. Однако в действительности внешнее финансирование играло решающую роль, что проявилось и в прямой зависимости между суммой поступлений иностранного капитала и темпами прироста валового национального продукта. В 1969 г. иностранные займы и инвестиции составили максимальную для 60-х годов сумму в 560,3 млн.долл., в том же году южнокорейская экономика достигла рекордного роста в 15,9%; в 1973 г. было получено извне 856,2 млн.долл., а прирост ВНП составил 16,5% (среднегодовой прирост ВНП за 1961–1973 гг. был равен 9,8%) /198, с. 108; 236, с. 124; 65, с. 355; 63, 1976, с.130–132/.

Однако действительное влияние иностранного капитала на процесс роста южнокорейской экономики не может определяться его долей в накоплениях. Во-первых, в отличие от внутренних сбережений внешние накопления почти целиком реализуются в сфере промышленного производства и обеспечивающих ее отраслях, что можно видеть даже на примере государственных займов и коммерческих кредитов. К июлю 1972 г. Южная Корея получила 2,86 млрд.долл. различных займов. Из них на развитие сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства пошло всего 126 млн.долл., 1,22 млрд.долл. нашли применение в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, а из более чем 1,5 млрд.долл., реализованных в других отраслях, около 697 млн. было направлено на развитие электроэнергетики, связи и строительства /45, с. 155/. Во-вторых, примене-

ние иностранного капитала давало возможность наращивать основные фонды за счет более современных машин и оборудования, открывало доступ к новой технологии и в значительной степени способствовало утверждению передовых методов производства. В-третьих, в условиях господства частного предпринимательства иностранный капитал, распределяемый по государственным каналам или под контролем государственных органов, усиливал влияние государства как планового начала на процесс развития.

Все эти факторы увеличивали эффективность применения иностранного капитала, способствовали ускорению и, при известных условиях, качественному улучшению развития экономики. Однако важно отметить, что оборотной стороной широкого обращения к внешним источникам накопления становится усиление финансовой зависимости, рост внешнего долга, все увеличивающиеся выплаты по процентам и пр., являющиеся прямым отрицательным следствием такого пути финансирования индустриальных преобразований. Возможным последствием этого становится гипертрофированное развитие отдельных отраслей, не отвечающее интересам общественного производства. Именно такие негативные явления имеют место в Южной Корее.

Нет необходимости останавливаться на этом вопросе подробно, поскольку он достаточно полно освещен в монографии С.С.Суслиной "Экспансия иностранного капитала в промышленность Южной Кореи" (М., 1979). В книге специально рассмотрены условия и источники получения иностранного капитала, а также последствия обращения к этому источнику финансирования. Здесь же лишь укажем, что неконтролируемый приток иностранного капитала в Южную Корею на невыгодных для нее условиях прямо связан с неустойчивым социальным положением южнокорейского режима, вынужденного преодолевать периоды ухудшения конъюнктуры любой ценой, предпочитая, по выражению обозревателя гонконгского журнала "Фар истерн экономик ревью", "увеличение притока заемного капитала росту экономики и повышению уровня занятости" /378, 1976, № 36, с. 36/. В результате быстро рос внешний долг Южной Кореи и выплата процентов по нему, что до сих пор является тяжелым бременем для экономики страны.

Когда мы говорим о финансовой зависимости Южной Кореи, то имеется в виду не только абсолютный рост получаемого извне капитала и долговых выплат. Нельзя забывать, что эта зависимость существует еще и потому, что в получении капиталов Южная Корея ориентируется всего на два источника – США и Японию. К концу 1973 г. на долю США приходилось 40% всех полученных Южной Кореей средств, на долю Японии – 32% (коммерческих займов соответственно 31 и 26%, государственных – 61 и 21%, инвестиций – 27 и 67%) /258, т. 1, с. 233/. В 1975 г. эти страны дали 30,9% и 10,5% государственных займов, 38 и 14,4% коммерческих займов, 18,5 и 51,4% инвестиций /63, с. 130–132/. От них же Южная Корея получила по 4 млрд.долл. для финансирова-

ния очередной программы развития (1977–1981 гг.). И хотя к настоящему времени резко возросла дипломатическая и экономическая активность Южной Кореи в Европе и на Ближнем Востоке с целью получения капиталов от Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и нефтедолларов арабских стран, США и Япония остаются основными кредиторами страны, что по-прежнему дает им возможность выборочным предоставлением кредитов и инвестиций влиять на развитие экономики Южной Кореи в выгодном для них направлении.

Несмотря на то что внешнее финансирование продолжает играть важнейшую роль в процессе накопления, доля внутреннего накопления по мере роста экономического потенциала Южной Кореи все-таки непрерывно возрастала. Хотя в относительном выражении эта доля стабилизировалась на уровне 60–65% валовых капиталовложений, абсолютные размеры внутреннего накопления увеличивались с 14,75 млрд. вон в 1962 г. до 817,9 млрд. вон в 1973 г. (в постоянных ценах 1970 г.) /65, с. 347/.

Быстрый рост внутренних накоплений объясняется тремя причинами. Во-первых, повышение в ходе развития подушевого национального дохода увеличивало в равной мере и фонд потребления, и фонд накоплений. Однако политика государства в сфере налогообложения, ценообразования и т.д. вела к тому, что фонд накопления рос быстрее и в относительных и в абсолютных цифрах. Наконец, развитие Южной Кореи шло по капиталистическому пути и означало рост и расширение капиталистического уклада (в виде госкапитализма и частнохозяйственного сектора), вытеснявшего или подчинявшего докапиталистические уклады, а также утверждение законов капиталистического воспроизводства. "Между тем как при всех старых хозяйственных режимах производство возобновлялось каждый раз в том же виде и в тех же размерах, в которых шло раньше, – в капиталистическом строе это возобновление в том же виде становится *невозможным*, и законом производства становится *безграничное* расширение, вечное движение вперед" /16, с. 156/. Распространение этого закона на докапиталистические уклады ведет к росту капитализации не только прибавочного, но нередко и известной доли необходимого продукта. Вовлечение докапиталистических укладов в процесс товарного обращения создает потенциальную возможность перераспределения произведенного продукта в пользу более производительного капиталистического уклада.

Если сравнить изменение подушевого ВНП и соотношения между фондами накопления и потребления, то их прямая взаимозависимость в ходе развития становится очевидной. Рост ВНП Южной Кореи позволил резко увеличить долю фонда накопления и улучшить общую структуру финансирования развития. Если в годы первой пятилетней программы подушевой ВНП вырос с 87 до 126 долл. и фонд накопления составил в среднем 8%, то в 1973 и 1975 гг. соответствующие показатели были равны 313 и

532 долл., 21 и 18% /258, т. 1, с. 42; 69, с. 144; 65, с.342/. По приросту потребления на душу населения Южная Корея обогнала в конце 60-х – начале 70-х годов практически все развивающиеся страны.

Однако увеличение фонда накопления не происходило пропорционально в различных укладах. Это связано с тем, что сосуществование укладов не бывает "мирным", оно происходит в непрерывной борьбе, одним из результатов которой становится перераспределение производимого прибавочного продукта. Исход этой борьбы в пользу более прогрессивного капиталистического уклада вызван не только его высшей производительностью, но и действием внеэкономических административных рычагов, создающих неэквивалентность межукладного обмена. Хотя в Южной Корее капитализм прочно занял ведущее место, докапиталистические уклады – главным образом мелкотоварный – преобладают по числу хозяйственных единиц и количеству занятых и играют значительную роль в накоплении (на стадии сбережения). Однако далее начинает работать механизм перераспределения, сфера действия которого очерчивается, с одной стороны, размерами прибавочного продукта этих укладов, с другой – минимально возможной ценой необходимого продукта, складывающейся из издержек производства плюс стоимость воспроизводства рабочей силы (в которую входит и содержание семьи мелкого собственника). Ежегодное разорение значительного количества мелких хозяйств показывает, что практически сфера действия этого механизма приближена к нижней границе и часто жизнеспособность хозяйственных единиц мелкотоварного уклада связана с вынужденным уменьшением потребностей товаропроизводителя и его семьи.

Подробно рассмотреть ход этих процессов невозможно, так как границы укладов определить трудно, а буржуазная наука не знает такого понятия. Южнокорейская статистика делит накопляемые средства по секторам: "государственный" (или "правительственный"), "корпоративный" (или "деловой" – business) и "индивидуальный". Если первые два сектора охватывают соответственно госкапиталистический и частнокапиталистический уклады, то последний является смешанным и включает как капиталистические предприятия неакционерного типа, так и все прочие виды хозяйств. Таким образом, индивидуальный сектор охватывает часть крупных и средних, и всю массу мелких и мельчайших заведений, и потому в социально-экономическом плане носит заведомо приблизительный характер.

Рассмотрим табл. 2, показывающую соотношение секторов в ходе развития. Как мы видим, структура внутреннего накопления в Южной Корее все более принимает вид, характерный для капиталистических стран, т.е. постепенно повышается значение частнохозяйственного сектора. Однако заметно большой остается и роль государства, еще в недавнем прошлом преобладавшего в накоплении; и

Таблица 2

Распределение сбережений по секторам*, %

Вид сбережений	1963 г.	1969 г.	1975 г.	1981 г.
Внутренние накопления	100,0	100,0	100,0	100,0
Государственные	53,0	50,7	29,3	23,5
Частные	47,0	49,3	70,7	76,5
в том числе:				
корпоративные	31,54	13,5	54,5	50,8
индивидуальные	15,46	35,8	16,2	25,7

* Рассчитано по /44, 1970, с. 91; 68, с. 110, 111/.

в последующие годы оно давало примерно четверть накопляемых ресурсов.

Высокая доля государственного накопления объясняется доходами от непосредственного владения государством средствами производства и от различных торговых и промышленных монополий, но еще более – прямым участием его через систему финансов и фискальный аппарат в перераспределении создаваемого продукта. В целом доля государственного потребления конечного общественного продукта даже возрастает – в 1972 г. бюджет составил 26,5% ВНП, в 1975 г. – 26,8%, к 1981 г. этот показатель был увеличен почти до 28%, в то время как в начале 60-х годов он был значительно ниже – 15% ВНП в 1963 г. и 11% – в 1964 г. /63, 1974, с. 113; 69, с. 116, 117; 236, с. 55/. Тем самым внутренние ресурсы, мобилизуемые южнокорейским государством, достигают уровня этого показателя в промышленно развитых капиталистических странах, хотя в Южной Корее практически отсутствует принятая на Западе система социального обеспечения и страхования, на долю которой приходится заметная часть аккумулируемых средств.

Поэтому в Южной Корее большая нагрузка ложится на другие источники накопления, находящиеся в распоряжении государства, и прежде всего на систему налогообложения. Ее решающую роль признают и сами южнокорейцы, прямо называя налоги "основным источником правительственных доходов" /63, 1974, с. 118/. Причем значение этого источника все время возрастало: если в 1962 г. налоги дали 63,5% бюджетных доходов, то в 1966 г. – 65,9%, а в 1971 и 1976 гг. они составили 74,1% и 74,5% /65, с. 348; 69, с. 117/. Столь большое место в бюджете Южной Кореи налоги занимают из-за слабости прочих источников государственного накопления, главными из которых являются доходы от предпринимательской деятельности государства. Государственный сектор в экономике из национализированных японских предприятий и ряда вновь

построенных заводов, фабрик и электростанций, оказал и продолжает оказывать значительное влияние на развитие промышленности страны, однако он дает весьма скромные доходы. Государство владеет предприятиями в ключевых сферах промышленности и инфраструктуры и видит главную задачу в том, чтобы поддерживать расширение производства в отраслях, потребляющих их продукцию и принадлежащих частному капиталу. Это осуществляется путем систематического занижения цен на товары госсектора. Поэтому доля доходов государства от предпринимательской деятельности непрерывно падает. Только за 1970–1974 гг. правительственные доходы от владения собственностью и от государственных предприятий упали с 2,7% до 1,3% национального дохода. Если, например, в бюджете 1978 г. налоги давали свыше 64%, то государственные предприятия – всего 8% /407, 05.10.1978/.

Возможным источником прироста накопления могло бы стать сокращение непроизводительных расходов, прежде всего военных и административных, составляющих значительную часть бюджета Южной Кореи. Здесь уместно вспомнить, что Южная Корея имеет самую большую в капиталистическом мире, после США, армию мирного времени. Как отмечалось в отчете одного международного банка, имеющего дела с Южной Кореей, "содержать такую армию и в то же время индустриализовать страну – почти невозможная задача" /378, 1972, № 25, с. 57/. Действительно, в 1962–1968 гг. военные расходы составляли 40,1–30,6% всех внутренних доходов, а в 1977 г. и в 1978 г. были равны 34,5 и 35,4% бюджета /221, с. 16, 17; 407, 15.09.1976; 05.10.1977/. В то же время административные расходы составили в 1974–1975 гг. около 15%, в 1978 г. – 10–11% бюджета. Таким образом, эти две статьи поглощают половину бюджета Южной Кореи. Такой ценой народ страны платит за милитаристскую политику сеульских властей.

Система налогообложения получает все большее развитие, причем она носит ярко выраженный неравноправный классовый характер, направлена на защиту интересов буржуазии и имущих слоев в ущерб интересам трудящихся. Приведенные в табл. 3 данные показывают, что доля прямых налогов сохраняется приблизительно на одном уровне при уменьшении удельного веса наиболее прогрессивного подоходного налога, направленного на изъятие части доходов имущих слоев. Резко снизилась доля таможенных пошлин и сборов, хотя внешняя торговля многократно возросла (объем подлежащего обложения экспорта вырос с 86,8 млн.долл. в 1963 г. до 4988,5 млн.долл. в 1975 г., импорта – соответственно с 421,8 до 7151 млн.долл.), что является следствием поощрения производства на экспорт и льгот иностранному капиталу. В то же время увеличились доходы от косвенных налогов (акцизов), получаемых главным образом от завышения цен на товары широкого потребления и потому охарактеризованных В.И.Лениным как налоги на бедных /19, с. 262/.

Таблица 3

Соотношение различных видов налогообложения в формировании государственного бюджета,* %

Год	Удельный вес налогов в бюджете	Соотношение налогов (все = 100)			
		подоходный налог	прочие прямые налоги	акцизы	таможенные пошлины и сборы
1962-1966	68,2	30,06	16,06	32,94	20,94
1967	70,3	36,7	12,5	33,6	17,2
1971	76,2	26,4	17,4	43,4	12,8
1975	76,8	24,9	20,2	41,0	13,9

* Составлено по /45, 1973, 1974, 1976/.

Столь быстрый рост косвенного обложения объясняется тем, что уровень доходов значительной части населения Южной Кореи слишком низок, чтобы стать объектом подоходного обложения. Хотя южнокорейские статистические обследования охватывают обычно лишь лиц наемного труда, оставляя в стороне многочисленные группы полузанятых, безработных и т.д., они показывают, что доходы большей части рабочих едва достигают или ниже официального прожиточного минимума и еще более снижаются быстрым ростом цен вследствие инфляции. Поэтому государство неоднократно пересматривало систему налогообложения, будучи вынужденным освобождать совсем или снижать прямые налоги с многих категорий налогоплательщиков. Так, 14 января 1974 г. был издан чрезвычайный закон о снижении налогов для лиц низкооплачиваемых категорий. Подоходный налог полностью отменялся для лиц с доходом менее 50 тыс. вон (125 долларов) в месяц /378, 1974, № 4, с. 15/. Всего же новый закон освободил от подоходного налога свыше 90% лиц наемного труда.

После введения закона правительство решило компенсировать потери увеличением налогов на пустующие земли, на приобретение дорогих домов и повышением тарифного обложения ввоза предметов роскоши: атомобилей, ювелирных изделий, дорогой мебели, а также алкогольных напитков. Это дало возможность преподнести новый закон, свидетельствовавший о понижении жизненного уровня трудящихся, как "заботу о перераспределении социальных благ". Однако рост инфляции уже к 1976 г. потребовал нового изменения подоходного обложения, от налогов были освобождены лица с доходом 90 тыс. вон и менее и снижена ставка налогов с доходов в размере от 100 до 500 тыс. вон /389, 1976, № 48, с. 10/.

В то же время система взимания налогов с доходов свидетельствует о защите государством интересов буржуазии, чьи доходы растут гораздо быстрее, чем уплачиваемые с них налоги. Отсутствие обложения всей собственности и капитала и замена его обложением доходов дают возможность некоторым уклоняться от уплаты путем утаивания доходов и других махинаций. Другие налоги, например на наследство, на реализацию капитала и т.п., дают самые ничтожные поступления. Мягки законы по отношению к лицам, имеющим крупные доходы, что обычно мотивируется их "повышенной склонностью к сбережениям": применяемая здесь прогрессивная шкала подоходного налога ограничена 50%, используется шедулярный принцип обложения и т.д. Чрезвычайно велики льготы корпоративному сектору. Ставки налога с корпораций ниже сравнительно незначительных подоходных налогов с юридических лиц и составляют всего 16,5–27% при 42–50% в промышленно развитых капиталистических странах и 35–50% во многих развивающихся государствах.

Еще более благоприятный налоговый режим создан для предприятий с участием иностранного капитала, что значительно сокращает возможности накопления, тем более что буржуазия всячески старается избежать налоговых выплат. Как отметил уже упоминавшийся американский исследователь Г.Браун, до 1966 г. налоги с прибыли уплачивали лишь 60% корпораций и 0,5% некорпорированных предприятий. И позднее, например в 1971 г., фирмы уплатили лишь 65% налогов /378, 1972, № 3, с. 50/. И все же поступления от прямого обложения растут вследствие расширения промышленных предприятий, торговых операций и прочих объектов обложения.

В целом из-за ограниченности доходов трудящихся и стремления государства путем снижения налогов стимулировать накопление капитала у класса буржуазии возможности налогообложения используются далеко не полностью. Вся сумма собираемых налогов лишь к 1966 г. превысила 10% от ВНП, а в 1970–1971 гг. составила 15,5–15,6% /236, с. 308, 309; 56, 1974, с. 885/. В 1976 г. это отношение повысилось до 18,3% и только к 1981 г. возросло до 21%, но все же осталось ниже, чем в развитых капиталистических странах /69, с. 120, 121/.

Поэтому важным способом перераспределения национального дохода в Южной Корее стали дефицитное финансирование и кредитные системы, роль которых непрерывно возрастает по мере развития денежного рынка. Хотя в целом задача кредитно-банковской системы гораздо шире, чем пополнение государственного бюджета, и состоит в аккумуляции свободных денежных средств населения для финансирования экономического развития, мы можем говорить о ней как о части сектора накопления, так как южнокорейскому государству принадлежат крупнейшие банки страны и оно приложило немало усилий для развития этой системы. Южнокорейский режим контролирует деятельность финансовых учреждений, выступает

инициатором создания банков развития, кредитных организаций, фондовой биржи и т.д.

В целом для денежно-кредитного рынка Южной Кореи характерно быстрое развитие. Денежные средства в обращении увеличились с 17,6 млрд. вон в 1962 г. до 42,9 млрд. в 1966 г.; в 1970 г. составили 133,7 млрд., а в 1975 г. - 507,2 млрд.вон. Депозитные ресурсы выросли соответственно с 21,8 млрд. в 1962 г. до 674,6 млрд. вон в 1975 г. Сумма займов, выданных банковскими институтами, в 1975 г. составила 3934,4 млрд. вон против 43,2 млрд. в 1962 г. /69, с. 120, 121; 63, 1976, с. 111, 112/. Характерно, что главными источниками ссудного капитала являются частный и иностранный секторы (соответственно 60,2% и 41%), в то время как государственный и корпоративный имеют отрицательный баланс /65, с. 350, 351/. Это показывает финансовую слабость крупного капитала, его низкую способность к самофинансированию. Всего же к февралю 1976 г. общая сумма вкладов в южнокорейские банки составила 2884,8 млрд. вон, из них 1145 млрд. сбережений. Распределение вкладов раскрывает две характерные черты южнокорейского денежного рынка. Так, 79,8% сбережений были положены на сроки менее года, что отражает сложность накопления в условиях быстрой инфляции. 78,9% всех вкладов были сделаны в Сеуле, Пусане, Тэгу /389, 1976, № 16, с.19/. Это свидетельствует, во-первых, об их полном преобладании в промышленном отношении над другими городами страны, а во-вторых, о большем развитии капитализма в городах и о слабости фонда накопления крестьянских хозяйств.

Рост государственных расходов (прежде всего из-за агрессивности внешнеполитического курса) и финансирование проектов экономического развития привели к постоянному дефициту госбюджета, имеющему тенденцию к увеличению. Дефицит бюджета был равен 44,6 млрд. вон в 1966 г., 178,5 млрд. в 1972 г., 386,2 млрд. вон в 1976 г. Поэтому важнейшей частью политики южнокорейского режима было так называемое дефицитное финансирование, т.е. эмиссия бумажных денег, превышающая потребности обращения - мера, отражающая конфликт между слабостью накопления и растущим спросом самого государства и экономики на денежные ресурсы. Дефицитное финансирование является средством принудительного изменения соотношения между фондами потребления и накопления. Однако, как отмечают советские экономисты, дефицитное финансирование по самой своей природе противоречиво - будучи направлено на ускорение процесса развития, оно чревато в то же время опасностью расстройства денежного обращения, а через него всей экономики / 151, с. 154/. Неравномерный рост товарных цен ведет к переливанию чистого продукта в отрасли с более высокими ценами, нарушает нормальное распределение капиталов между сферами и отраслями общественного хозяйства, повышает неэквивалентность обмена между укладами, городом и деревней, вызыва-

ет инфляцию. В Южной Корее инфляция приняла особенно острые формы. В 1965 г. общий уровень цен превышал этот же показатель 1960 г. в 2,2 раза, в 1970 г. цены выросли по сравнению с 1965 г. в 1,5–1,7 раза /63, 1974, с. 147/. Наивысший рост цен был отмечен в 1974–1975 гг. в связи с энергетическим кризисом – соответственно 44,6% и 20,6%. Вызываемое инфляцией расстройство экономики, а также обострение социальных отношений ограничивают использование государством метода дефицитного финансирования.

Другим важным каналом влияния государства на процесс накопления стал механизм ценообразования – одна из частей отношений распределения общественного продукта. На ранних стадиях индустриализации важнейшую роль играло перераспределение чистого продукта между сельским хозяйством и промышленностью в пользу последней. Действие механизма ценообразования происходило следующим образом. Рост производительности труда в промышленности значительно обгонял рост производительности в сельском хозяйстве и соответственно менялось соотношение создаваемых в указанных отраслях материального производства стоимостей. Так, только за 1965–1968 гг. выработка продукции на одного занятого в промышленности выросла с 1708 до 2174 долл., или на 21,4%, а в сельском хозяйстве – с 623 до 671 доллара, или на 7,7% /228, с. 46/.

Разница в производительности труда свидетельствует о том, что в этих отраслях господствуют различные уклады и, значит, законы воспроизводства. Законом капиталистической промышленности является регулярное расширение производства путем капитализации прибыли, поэтому цены промышленных товаров не могут быть

Таблица 4

Динамика индексов цен на товары, продаваемые и приобретаемые крестьянством Южной Кореи*
(1965 = 100, 1970 = 100)

Обмениваемые товары	1961г.	1966г.	1969г.	1972г.	1976г.
Вся продаваемая сельскохозяйственная продукция	47,1	106,0	162,4	148	338
в том числе зерно	50,7	105,1	162,5	–	–
Все приобретаемые товары и услуги	55,5	112,2	167,2	130	299
в том числе удобрения и скот	57,1	111,7	173,7	136	315

* Составлено по /44, 1970, с. 318, 319; 71, 1976, с.238/.

ниже капиталистических издержек производства плюс средняя прибыль на авансированный капитал. В сельском хозяйстве господствует мелкотоварное хозяйство с простым воспроизводством, поэтому мелкий товаропроизводитель довольствуется ценой, равной его издержкам производства, т.е. созданная крестьянином стоимость может выразиться в меньшем денежном доходе. Существование в течение долгого времени такого соотношения в обмене между городом и деревней показано в табл. 4.

Таким образом, до начала 70-х годов условия торговли между промышленностью и сельским хозяйством складывались не в пользу землевладельцев, способствовали переливанию чистого продукта в город, давая возможность ускоренного капиталонакопления в промышленности. Оборотной стороной этой политики был застой в сельскохозяйственном производстве, вынудивший южнокорейский режим в 70-е годы принять меры к подъему сельского хозяйства и изменить прежде всего условия обмена между городом и деревней. Но к тому времени аграрный сектор не был уже ведущей отраслью экономики, и проблема финансирования промышленности решалась иными средствами.

Рассмотрение причин ускорения темпов развития экономики Южной Кореи в 60-е годы позволяет сделать следующие выводы. Политика неоколониализма в этой стране отвечала прежде всего глобальным военно-стратегическим планам империализма, однако она не могла не принимать во внимание объективные социально-экономические процессы развития южнокорейского общества. Влияние политики неоколониализма и государства на экономику Южной Кореи представляет, по существу, вопрос взаимодействия надстройки и базиса. Ф.Энгельс писал: "Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении - тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития - тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих" /13, с.417/.

Эти слова во многом объясняют экономическое положение Южной Кореи в 60-70-е годы, действительную роль таких факторов, как "помощь" США и других империалистических государств или экономическая политика сеульских властей. Вполне очевидно, что империализм, преследующий в Южной Корее военно-политические интересы, оказался вынужденным содействовать развитию страны для сохранения своих позиций, а также из опасения движения народных масс, из необходимости противопоставить хоть какой-то положительный результат успехам КНДР, наконец, вследствие крушения своей прежней политики, игнорировавшей экономическое развитие,

что и привело к краху проводника его интересов диктатора Ли Сын Мана. Столь же вынужденным явилось и стремление Пак Чон Хи и его окружения возглавить экономическое развитие, поскольку они понимали, что в данных условиях это единственная гарантия сохранения власти.

Непосредственно ускорение темпов экономического развития было связано с решением проблемы накопления путем привлечения иностранного капитала в виде государственных и коммерческих займов и прямых инвестиций. Использование иностранного капитала, с одной стороны, дало возможность увеличить промышленное производство, открыло доступ к современному оборудованию и новейшей технологии. С другой – оно имело многочисленные отрицательные последствия: резко возрос внешний долг Южной Кореи и суммы ежегодных выплат по процентам, иностранный капитал внедрился в экономику страны. Зависимость от внешних источников финансирования отражалась на качестве роста, приводя к структурным диспропорциям и позволяя неоколониализму влиять на развитие экономики Южной Кореи.

Однако по мере роста национального дохода страны увеличивались возможности внутреннего финансирования. Важную роль в мобилизации внутренних ресурсов играла политика государства, в частности в сфере налогообложения, обеспечивавшая опережающий рост фонда накопления. Эта политика, предоставлявшая многочисленные льготы иностранному и местному крупному капиталу, носила ярко выраженный классовый характер. Создавая наиболее благоприятные условия для ускоренного накопления и концентрации капитала, южнокорейский режим способствовал капиталистическому развитию страны. Вместе с тем авторитарность режима, его опора на армию и бюрократию вызывали высокий уровень непроизводительных расходов южнокорейского государства, вследствие чего сохранялось решающее значение внешнего финансирования.

Особенности развития капитализма в Южной Корее в период индустриализации

Как мы говорили выше, характер развития экономики Южной Кореи во многом предопределялся структурой накопления, его реализацией, поскольку вкладчиков капитала менее всего интересовали пропорции роста, эффективность общественного производства и другие макроэкономические показатели, соблюдение которых позволило бы создать сбалансированный хозяйственный механизм. Местная и иностранная буржуазия стремилась к получению максимальных прибылей, а правящий режим заботился лишь о поддержании высоких темпов роста экономики. В первой пятилетней программе развития говорилось о так называемой "самообеспечивающейся экономике", однако она не имела ничего общего с подлинной экономической не-

зависимостью и самостоятельностью, а означала лишь отказ от безвозмездной помощи, переход к кредитованию страны на чисто коммерческой основе. Достижение быстрого роста и решение других чисто экономических проблем выдвигалось в качестве главной цели южнокорейского общества, которой должны быть подчинены все его усилия, и стало основой для националистической пропаганды и социальной демагогии.

В политическом отношении проводимый экономический курс, направленный на достижение высоких темпов роста, способствовал укреплению социальной опоры сеульского режима, его легализации после путча в мае 1961 г. Лихорадочные усилия по расширению производства, спекулятивное оживление внешней и внутренней торговли заметно повлияли на отношение буржуазии (особенно мелкой, составляющей большинство городского населения) к режиму, снискали ему поддержку. Даже беднейшие слои, для которых перспектива полуголодной жизни без работы сменилась надеждой найти место на одном из новых или расширяющихся предприятий, попали под влияние обещаний "процветания нации" и лозунгов о "достижении самообеспечения". Как отмечал американский ученый Ю.Ким, в этот период "экономическое развитие превратилось в идеологию дня, на смену дискуссиям о "классовой борьбе" и "свободе прессы", которые велись в прошлом представителями интеллигенции, пришли дискуссии об оптимальном использовании ресурсов, структуры капиталовложений, роста ВНП и т.д." /296, с. 271, 272/.

Однако в экономическом отношении предложенный метод развития привел к своеобразным результатам. Получив возможность регулировать рост экономики, правящий режим сосредоточил усилия на достижении максимальных макроэкономических показателей исключительно количественного, а не качественного значения. Основными критериями развития стали высокая норма роста ВНП, показатели увеличения экспорта, общей стоимости вывоза, темпы расширения промышленного производства, сумма полученных займов и особенно прямых инвестиций (как показатель доверия иностранных бизнесменов к экономике Южной Кореи и, следовательно, к политике режима) и т.д. Итогом неверного определения целей развития стали структурные диспропорции между главными отраслями материального производства – сельским хозяйством и промышленностью, между первым и вторым подразделениями индустриального производства, усиление зависимости от мирового рынка при специализации на производстве в основном потребительских товаров, испытывающих острую конкуренцию и имеющих низкий коэффициент эластичности спроса.

Такое государственное регулирование экономики и ее быстрый рост не могли заложить основ экономической самостоятельности страны. Поддержка прежде всего капиталистического сектора привела к смещению критериев эффективности роста от более широких (в рамках всего общественного хозяйства) к более узким, специфи-

ческим для данного уклада, которые, как известно, сводятся к прибыли. Это было прямым следствием влияния на развитие Южной Кореи неоколониалистской политики империалистических государств и экономического курса сеульского режима, который сами южнокорейцы определяли как "ориентированный на экспорт посредством значительной иностранной помощи, базирующийся на модели несбалансированного роста и имеющий целью количественное расширение" /258, т. 1, с. 1/.

При рассмотрении роста промышленного производства в 60–70-е годы необходимо выделить две стороны, два аспекта этого процесса, относящиеся и к развитию всей экономики в целом. Этот рост был связан с количественными и качественными изменениями в промышленности, с подъемом ее на новую ступень как преобладающей отрасли материального производства. Но такой скачок в развитии производительных сил сопровождался изменением и производственных отношений, вызреванием капиталистического способа производства и соответствующими общественными изменениями. Для того чтобы понять особенности южнокорейского капитализма, выделить его общие и специфические черты, необходимо подробнее рассмотреть оба этих аспекта.

Расширение промышленного производства происходило в 60–70-е годы очень быстро и определяло темпы роста экономики в целом. За десять лет (1967–1976) индекс производства обрабатывающей промышленности вырос по сравнению с 1970 г., принимаемым за 100, в 5,2 раза – с 54,7 до 284,6, а по основным отраслям он выглядел так: пищевая – с 54,8 до 238,6 (в 4,4 раза), текстильная – с 44,1 до 341 (почти в 8 раз), производство промышленных товаров – с 30,2 до 291 (в 9,6 раза), металлургия – с 42,9 до 620,9 (в 14,5 раза), металлообработка – с 81,6 до 358,8 (в 4,4 раза), электромашиностроение – с 50,5 до 1231,7 (в 24,4 раза) /71, 1976, с. 229/. В 1967 г. Южная Корея производила 68,4 тыс. т хлопчатобумажной ткани, а в 1976 г. – 174,6 тыс. т, цемента соответственно 1,88 млн.т и 11,87 млн.т, сталепродуктов – 224,4 тыс. т и 2,7 млн.т /71, 1976, с. 221/. Быстро росло также потребление промышленной продукции. Так, за 1962–1973 гг. потребление нефти на душу населения увеличилось в 14 раз, химических удобрений в 6, цемента – в 9 раз. В то же время Южная Корея значительно отставала по этому показателю от большинства развитых капиталистических и даже некоторых развивающихся стран. В 1969 г. в Южной Корее потреблялось на душу населения всего 35 кг стали, а в США – 682, в Японии – 603, в Мексике – 76 кг; потребление хлопчатобумажной пряжи в Южной Корее составляло около 10 кг, а в США – 22, в Голландии – 20 кг /258, т. 1, с. 301–303/.

Эти данные свидетельствуют об опережающем росте экспортных отраслей, в том числе и в тяжелой индустрии, как наиболее перспективных и потому привлекательных для частного капитала. Следует

отметить, что деление южнокорейской промышленности на экспортные и неэкспортные отрасли довольно условно, так как почти в каждом виде промышленного производства есть предприятия, работающие и на внешний, и на внутренний рынок, а иногда на оба сразу. Однако есть отрасли, с самого возникновения существующие как экспортные, – радиоэлектроника, автосборка и др. Льготы, предоставляемые государством экспортерам, ведут к тому, что неэкспортные предприятия (и отрасли, где они преобладают) имеют сравнительно неблагоприятные условия производства и сбыта продукции, медленнее накапливают капитал и также медленно приобщаются к научно-техническому прогрессу. Гонконгский журнал "Фар истерн экономик ревью" отмечал в связи с этим, что "южнокорейская экономика двойственна: есть одна часть, снабженная иностранными фондами и работающая на экспорт на современном оборудовании, и есть другая, бóльшая часть, существующая при ограниченных капиталовложениях, использующая старые методы и изобилие труда" /378, 1973, № 8, с. 39/. Таким образом, это деление отмечает социально-экономические различия, существующие в промышленности Южной Кореи, а также разницу в используемых методах производства, – с одной стороны, крупные и средние капиталистические предприятия, основывающиеся на относительно широкомасштабном машинном производстве, с другой – мелкокапиталистические и кустарно-ремесленные, широко использующие ручной труд и устаревшую технику.

Но и в экспортном секторе много предприятий, технический уровень которых очень низок, особенно по сравнению с иностранными конкурентами. Так, южнокорейские экономисты отмечают, что в производстве удобрений, фанеры, цемента и текстиля средний размер местных предприятий несколько выше среднемирового, но в большинстве отраслей тяжелой индустрии размеры предприятий значительно отстают, что ведет к низкой капиталовооруженности и, следовательно, производительности труда /258, т.1, с. 17, 18/. Наши подсчеты, сделанные на основе статистических данных Экономической комиссии ООН по Азии и Дальнему Востоку (ЭКАДВ), показывают, что в ходе развития большинства отраслей южнокорейской промышленности пока преобладают экстенсивные факторы, обеспечивающие расширение производства за счет ввода в строй новых мощностей и привлечения новых контингентов рабочей силы (табл. 5).

Как видно из табл. 5, капиталовооруженность труда возрастала значительно быстрее, чем выпуск продукции, причем в большинстве отраслей снижалась доля условно чистой продукции, что свидетельствует о падении эффективности капитала и о преобладании количественных факторов роста. Следует отметить, что хотя южнокорейская статистика производительности труда противоречива, но в общем показывает ее быстрый рост, составивший в 1961–1968 гг. в среднем 12,8% /258, т.1, с. 21/. Причем в обрабатывающей

промышленности она возросла в 1967–1972 гг. в 2,8 раза, а стоимость оборудования на одного занятого увеличилась в 3,4 раза, что также свидетельствует о снижении эффективности капитала /258, т. 1, с. 248, 249/. Таким образом, развитие не сопровождалось ростом влияния капиталосберегающих факторов, что вело к относительному повышению затрат капитала на выпуск единицы продукции, требовало все больших капиталовложений для поддержания достигнутых темпов расширения промышленного производства. Поэтому особые преимущества в ходе развития получило крупномасштабное производство, имеющее не только повышенную норму, но и большую массу прибавочной стоимости в расчете на одного занятого,

Таблица 5

Факторы роста промышленного производства (1970–1973)*, %

Отрасль	Рост валового выпуска продукции	Рост производства условно чистой продукции	Рост постоянного капитала	Рост занятости
Вся обрабатывающая промышленность	2,8	2,5	5,4	1,25
Отрасли:				
пищевая	2,8	1,8	5,5	1,07
текстильная	2,1	1,7	6,2	-0,05
швейная	3,0	3,2	8,2	1,32
кожевенная	10,3	8,7	26,0	1,37
обувная	3,4	2,8	2,2	-
деревообрабатывающая	3,1	3,5	2,0	1,43
химическая	2,0	1,9	5,1	-0,1
нефтеперерабатывающая	2,7	2,1	4,2	-
металлургия	4,2	5,1	20,9	1,35
металлообрабатывающая	2,4	2,4	3,3	1,18
машиностроительная	3,4	3,3	7,4	1,19
электромашиностроительная	4,3	4,2	4,0	1,7
в том числе радиоэлектроника	6,4	5,8	8,0	-
транспортное машиностроение	2,0	2,5	10,5	1,29

* Рассчитано по /71, 1976, с. 224, 231, 232/.

т.е. больший фонд накопления. Это способствовало ускорению концентрации капитала и появлению в отдельных отраслях монополистических групп.

Но что лежало в основе роста экспортного сектора Южной Кореи? Ведь никакими естественно-природными монополиями страна не обладала, а, как известно, международный обмен предполагает существование у торгующих сторон определенных сравнительных преимуществ, возникающих в сфере производства, но реализуемых посредством обмена. В работах буржуазных экономистов в качестве такого преимущества выдвигаются факторы, влияющие на внешнюю торговлю, - девальвация, кредитные льготы экспортерам, таможенная политика. Подобный подход является отражением кейнсианских теорий регулирования капиталистической экономики государством. Однако ссылка на эти факторы не может подходить для данного случая, так как названные меры служат лишь выравниванию условий производства и сбыта. Так, девальвация дает стране-экспортеру лишь временные преимущества в обмене, да и то при условии значительного сокращения импорта /80, с. 123/, чего в Южной Корее не было, а влияние благоприятного для производителей экспортных товаров налогового и кредитного климата ограничивается пределами другого государства. В Южной Корее эти льготы компенсируют экспортерам потери от колебаний цен на внешних рынках, продажи товаров ниже стоимости, при выходе на новые рынки. Номенклатура южнокорейского экспорта не включает к тому же никаких остродефицитных для торговых партнеров товаров.

Преимущество, используемое Южной Кореей в процессе международного обмена, заключается в высоком качестве и низкой стоимости рабочей силы. Благодаря этому южнокорейская промышленность имела в 1966 г. почти вдвое меньше постоянного капитала на одного занятого, чем в других азиатских странах, - 1167 долл. против 2267, производя в то же время больше продукции на единицу вложенного капитала, при этом самый низкий показатель постоянного капитала на одного занятого был в отраслях, давших за 1963-1970 гг. 86% прироста экспорта /236, с. 163, 164/. Высокие рабочие качества южнокорейского пролетариата подтверждает и проведенное в 1966 г. обследование, показавшее, что продолжительность рабочей недели в Южной Корее наибольшая среди капиталистических стран, оплата составляет 1/8-1/6 заработной платы японского рабочего, а производительность труда по двадцати основным видам продукции отстает от уровня Японии всего только на 30% /378, 1971, № 11, с. 52/. Это и создавало основу конкурентоспособности южнокорейских экспортных товаров, привлекало в экспортный сектор иностранный капитал, давало возможность понимания органического строения капитала, а следовательно, сохранения высокой нормы и массы прибавочной стоимости. Таким образом, если учесть, что сырье и оборудование для экспортного сектора также по большей части ввозилось извне, то не будет преуве-

личением сказать, что Южная Корея вывозила овеществленный труд своих рабочих. При таких условиях конкретная форма вывоза может легко видоизменяться, что дает возможность широкой диверсификации, облегчающей поиск рынков сбыта. Конкуренция на внешних рынках неизбежно ведет к расширению ассортимента товаров, к росту производительности труда, в том числе и за счет повышения технической оснащенности, а следовательно, к повышению квалификации рабочих, что закладывает основу для создания все более сложных видов производства.

Именно поэтому экспортный сектор Южной Кореи постоянно включает в себя все новые отрасли. Как уже отмечалось, фактически в экономике страны невозможно выделить так называемые "экспортные отрасли", так как отрасли, целиком работающие только на внутренний рынок или только на вывоз, в Южной Корее найти трудно. Однако такие отрасли, как текстильная, радиоэлектроника, судо- и автомобилестроение (развившиеся в последние годы), все же бóльшую часть своей продукции производят на вывоз, так что их можно считать "экспортными", имея при этом в виду вышесказанное. Поэтому под экспортным сектором мы подразумеваем предприятия и фирмы в разных отраслях, пользующиеся предоставляемыми экспортерам льготами (хотя в крупных объединениях - "чэболь", включающих и экспортные и неэкспортные фирмы, подобные доходы перераспределяются) и особым покровительством государства, благодаря чему условия накопления, производства и сбыта резко отличаются от таковых у предприятий и фирм, работающих в основном на внутренний рынок.

Характерной чертой развития южнокорейской промышленности в 60-е годы было ее сосредоточение в трех крупнейших городах - Сеуле, Пусане и Тэгу. Так, Сеул превратился в непропорционально огромный центр урбанизации, где на 0,6% территории страны проживает 20% ее населения и сосредоточено 25% промышленных предприятий /258, т. 1, с. 248, 249/. Три названных городских центра и прилегающие к ним районы производят до 70% всей промышленной продукции Южной Кореи. Столь высокая концентрация промышленности объясняется их близостью к морским портам, наличием в этих городах хорошей транспортной сети, большими людскими ресурсами, относительной дешевизной снабжения электричеством, газом, водой и т.д., в то время как строительство предприятий в отдаленных районах потребовало бы дополнительных вложений в производственную инфраструктуру, в строительство домов для рабочих, в транспортировку грузов и т.д.

Подобное бесплановое размещение производительных сил рождало многочисленные проблемы. Отсутствие предприятий и, следовательно, работы в других провинциях вело к значительным различиям в уровне жизни. Так, в середине 60-х годов подушный ВНП в Сеуле и Пусане составлял 218 и 177 долл., а в сельскохозяйственных провинциях 84-98 долл. Это вызывало миграцию в города,

порождало там излишнюю скученность населения и связанные с ней социальные проблемы. Высокая концентрация промышленных предприятий на небольших территориях, к тому же перенаселенных, создавала опасный уровень загрязнения окружающей среды, что при отсутствии должного санитарно-медицинского контроля было чревато эпидемическими заболеваниями. Поэтому с конца 60-х годов стали приниматься меры к выводу части предприятий в другие районы. Была начата организация так называемых "промышленных зон", где предполагалось концентрировать предприятия с родственным производством. Одновременно правительство проводило там работы по созданию производственной инфраструктуры. Однако перемещение предприятий требовало значительных расходов, и их владельцы отказывались от переезда. Правящему режиму пришлось проводить политику "кнута и пряника" - совмещать разного рода угрозы и средства давления (например, отказ в кредитах) с введением особо благоприятного финансового климата для "промышленных зон".

В настоящее время существуют 24 такие "зоны", где расположены производства в основном с экспортной направленностью. Как уже было сказано, все "зоны" обладают значительными льготами: имеют более дешевую землю, более выгодные условия кредитов, освобождение от таможенных тарифов, обслуживаемые государственными компаниями коммуникации.

Однако до сих пор "промышленные зоны" оказывают незначительное влияние на равномерность размещения производств, поскольку по большей части располагаются недалеко от крупных портов и входят, таким образом, в соответствующие индустриальные районы Сеула, Пусана и Тэгу. Это породило еще одну особенность южнокорейского капитализма. Если в других странах развитие капиталистического производства сопровождалось (и это было характерным признаком) стремительным расширением транспортной сети, то в Южной Корее вследствие особенностей размещения производительных сил этого не наблюдалось. В то же время несколько улучшились качественные характеристики транспортной сети, возросла ее пропускная способность. Так, длина железных дорог увеличилась в 1966-1975 гг. с 3063 до 3144 км (южнокорейцы приводят иные цифры - с 5049 до 5631 км), т.е. всего на 2,6%, однако за тот же период грузооборот вырос с 5,16 до 9,23 млрд. т/км, а пассажирооборот - с 8,67 до 13,13 млрд. чел/км, или соответственно на 80 и 51,5% /71, 1976, с. 233, 234; 387, 1976, № 3, с. 20/. Значительно увеличился и подвижной состав. Те же процессы характерны для развития сети автомобильных дорог, длина которых увеличилась на 30% - с 34 476 до 44 905 км, причем доля шоссейных дорог возросла с 6 до 22,3% всех дорог, а количество автомобилей выросло почти в 4 раза.

Особенности экономического роста Южной Кореи видны и на примере электроэнергетики, отразившей многие противоречия капиталистического развития страны. Почти полностью монополизиро-

ванное государством, подстегиваемое ростом промышленности и городов, производство электроэнергии росло быстро: с 367 тыс. кВт в 1961 г. до 4,7 млн.кВт в 1975 г., т.е. в 13 раз, однако потребление росло еще быстрее – с 1,2 млрд. до 16,63 млрд. кВт.ч (в 15 раз) /387, 1976, № 3, с. 19/. При этом в планах определения источников электроэнергии были допущены значительные просчеты, состоявшие прежде всего в переориентации энергетики на потребление импортируемого жидкого топлива. Как известно, строительство гидроэлектростанций (ГЭС) занимает больше времени и обходится значительно дороже создания равных по мощности теплоэлектростанций (ТЭС). Но южнокорейский уголь обладает низкой теплотворной способностью, и при существовавших в 60-е годы международных ценах на нефть ТЭС на угле были признаны малорентабельными. Однако в погоне за немедленной выгодой общественно-хозяйственные перспективы были отброшены и производство электроэнергии теплоэлектростанциями в 1962-1973 гг. росло на 23,1% в год, а гидроэлектростанциями только на 5,8% /65, с. 197/. К 1973 г. доля ГЭС в производстве электроэнергии упала с 33% до 8,7%. В то же время доля угля в производстве электроэнергии уменьшилась с 75% в 1967 г. до 4% в 1973 г., а доля нефти поднялась до 80% /258, т. 2, с. 71/. Подобная структура топливно-энергетического баланса стала главным источником трудностей южнокорейской экономики во время топливного кризиса.

Распределение электроэнергии отражает разрыв в уровне производительных сил между промышленностью и сельским хозяйством – промышленность потребляет свыше 90% энергии, а сельское хозяйство всего 1% (в 1975 г. электричеством пользовались лишь 64,8% сельских домов) /63, 1976, с. 154/. Сосредоточение потребителей электроэнергии в нескольких промышленных центрах вызвало характерную картину роста электросети – в то время как длина линий передач возросла в 1961-1975 гг. довольно незначительно – с 6232 до 9122 км, протяженность распределительных линий выросла более чем в семь раз – с 9,17 до 67,4 тыс. км /387, 1976, № 3, с. 19/.

Таким образом, хотя развитие производственной инфраструктуры и обеспечило удовлетворительную базу для роста промышленности, однако и здесь, особенно в развитии электроэнергетики, мы видим то же, что и в политике накопления, – подчинение планового принципа стихии капиталистического рынка. Государство вносило не столько регулирующее начало, сколько оказывало стимулирующее влияние, т.е. оно не определяло пути развития, а следовало в своей политике за складывающейся конъюнктурой. Названная особенность характерна для всего процесса экономического роста Южной Кореи, и именно это отсутствие перспектив планирования, близорукость решений обусловили те трудности, с которыми столкнулась эконо-

мика страны в начале 70-х годов и которые не преодолены до сих пор.

Другим следствием подобной политики государства стало нарушение пропорций роста промышленности, полное преобладание легкой индустрии над отраслями первого подразделения. Отрасли легкой промышленности являются менее капиталоемкими, обеспечивают более быстрый оборот и отдачу капитала, позволяют, вследствие своей трудоемкости, получать повышенную норму прибыли при использовании достаточно квалифицированной и дешевой рабочей силы. Поэтому в ходе экономического развития установилось преобладание отраслей второго подразделения. Оно приняло настолько значительный характер, что к началу 70-х годов стало рассматриваться официальными лицами в Южной Корее как нежелательное явление. Однако эта опасность была осознана в Южной Корее не ранее, чем были приняты протекционистские меры против южнокорейских товаров легкой промышленности на рынках США и Японии, после чего стало ясно, что конкуренты не позволят Южной Корее безгранично расширять вывоз в этом направлении. Возникла необходимость в диверсификации экспорта, ставшая одной из причин того, что уже в третьей пятилетней программе развития (1972-1976) были предусмотрены опережающие темпы роста отраслей тяжелой промышленности. Еще более категоричным в этом отношении стал четвертый план (1977-1981). Если в 1966 г. соотношение между отраслями первого и второго подразделения составило 35,8 : 64,2, в 1972 г. - 33,8 : 66,2, то в 1975 г. оно было равно 42,4 : 57,5, а на 1981 г. было запланировано соотношение 49,5 : 50,5[1]. Фактически удельный вес первого подразделения рос с опережением плана и уже в 1980 г. превысил 50%, но в последние годы он опять понизился, и, несмотря на некоторые различия по годам, в 1981-1984 гг. остается на уровне 49%.

В 60-70-е годы рост экспорта был неразрывно связан с увеличением выпуска товаров легкой промышленности. Доля продукции обрабатывающей промышленности за 1962-1973 гг. повысилась в экспорте с 27% до 88%, а товары только текстильной и пищевой отраслей составили в 1974 г. 55,5% стоимости экспорта /45, 1974, с. 130/. В 1975 г. стоимость южнокорейского экспорта была равна 5427 млн.долл., 88,3% ее пришлось на товары обрабатывающей промышленности, из них 58,8% - на продукцию легкой промышленности, в том числе 34,5% не текстиль /387, 1976, № 2, с. 21/.

Уже сама структура расширяемых отраслей давала возможность сохранения быстрых темпов роста. Например, 69% увеличения вывоза за 1963-1970 гг. пришлось всего на пять видов продукции - пряжу, ткани, одежду, фанеру, сборку радиоэлектронной аппаратуры и ее частей. Все это были трудоемкие производства, имевшие низкое техническое строение: доля постоянного капитала на одного занятого была в этих отраслях значительно ниже, чем по про-

мышленности в целом, и много ниже, чем в соответствующих отраслях государств-конкурентов /236, с. 164/.

Поэтому низкое органическое строение капитала обеспечивало при существующих в Южной Корее низкой стоимости рабочей силы и антирабочем трудовом законодательстве высокую норму прибавочной стоимости. Предмет производства – потребительские товары – обеспечивал быструю оборачиваемость вложенных средств, а вместе они гарантировали повышенные прибыли. Наконец, само производство товаров на экспорт происходило при крайне благоприятных условиях, многочисленных льготах и преференциях со стороны государства. Все это, вместе взятое, стимулировало обширный приток частного и кредитованного капитала в отрасли легкой промышленности, вело к их быстрому росту. Иностранные кредиты и прямые инвестиции играли наиболее важную роль, давая возможность осуществлять накопление постоянного капитала и расширять производство на достаточно высоком техническом уровне. Так, в текстильной промышленности в 1974 г. по сравнению с началом 60-х годов число веретен и прядильных машин увеличилось в хлопкопрядении с 462 тыс. штук и 10 тыс. соответственно до 1038 тыс. и 44 тыс. штук, а среднее число веретен на одно предприятие достигло 70 тыс. при среднемировом для этой отрасли уровне в 50 тыс. штук. В прядении шерсти при еще более быстром расширении производства число веретен составило 18 тыс. штук на предприятие при среднемировом уровне в 10 тыс. штук /62, с. 228-230/.

Отрасли тяжелой промышленности находились в ином положении. Прежде всего их производство ориентировалось в основном на внутренний рынок и потому имело худшие условия капиталонакопления. Кроме того, расширение производства в старых или создание новых отраслей наталкивалось на возраставшую конкуренцию импортных товаров. В этой связи следует отметить, что в буржуазной корееведческой литературе можно встретить утверждение о том, что в Южной Корее наряду с экспортными отраслями успешно развиваются и импортзамещающие, что быстрый рост южнокорейской промышленности стал возможен в значительной степени благодаря импортзамещению. И поскольку установление и отмена таможенных тарифов составляет прерогативу государства, то это утверждение является замаскированной апологией экономической политики южнокорейского режима. Особенно отчетливо эта концепция отразилась в докладе южнокорейского экономиста Сон Ин Сана на конференции по проблемам развивающихся стран, состоявшейся в Нью-Йорке в 1975 г. /254, с. 238-241/. Поэтому данный вопрос требует некоторого уточнения. Как известно, импортзамещение проходит две стадии: замены товарами внутреннего производства импортных потребительских товаров и затем замены импорта товаров производственного назначения. Первая стадия характерна для всех развивающихся стран, в том числе и для Южной Кореи, почти полностью

отказавшейся от импорта товаров массового потребления. Южная Корея сама ныне специализируется на производстве и вывозе таких товаров.

Вторая стадия гораздо важнее, так как именно она ведет к достижению экономической самостоятельности, хотя, конечно, нет ни необходимости, ни возможности добиваться полного замещения импортных товаров производственного назначения, автаркии. Южная Корея остановилась в начале этой стадии, о чем свидетельствуют данные, приводимые южнокорейскими экономистами. Так как импортзамещение тесно связано с протекционизмом, мы можем видеть на основе структуры таможенных тарифов, какие отрасли защищались и культивировались государством. В начале 70-х годов в Южной Корее лишь 12% производимых товаров имели номинальный тариф свыше 50%, но меньше 100% (товары, производившиеся как для внутреннего потребления, так и на экспорт) и 18% товаров были защищены более чем 100%-ным тарифом, остальные 70% продукции имели номинальный тариф 0-50%, т.е. практически испытывали свободную конкуренцию импортных товаров /254, с. 241/. Южнокорейский экономист пытался сослаться на то, что это были в основном товары "сельскохозяйственного и минерального происхождения, увеличение внутреннего производства которых было ограничено природой" /254, с. 241/. Однако товары "сельскохозяйственного и минерального происхождения" составляли в начале 70-х годов не более 15% выпускаемой в Южной Корее продукции, следовательно, основная часть промышленных товаров неэкспортного назначения производилась в неблагоприятных для сбыта условиях. И наоборот, экспортные товары имеют, на случай заминок во внешнеэкономической конъюнктуре, защищенный внутренний рынок. Например, если продукция деревообрабатывающей промышленности, одежда, ткани, пряжа, электроника, в больших количествах вывозимые США, Великобританией, Швецией, Японией, имеют номинальный тариф в полтора-два раза ниже эффективного, то Южная Корея - во столько же раз выше, особенно для электроники.

Соотношение тарифных ставок показывает, что на втором этапе политика импортзамещения пришла в противоречие со стремлением к расширению экспорта - основой нынешней "модели развития" Южной Кореи. Импортзамещение на данной стадии требует высоких защитных пошлин на ввоз товаров производственного назначения, количественного ограничения импорта для поощрения внутреннего производства, которое, будучи более дорогим, отрицательно скажется на темпах расширения и конкурентоспособности экспорта. Южная Корея не может противопоставить росту цен в этом случае повышение качества экспорта, ее товары пробивают себе дорогу под девизом "плохо, но зато дешево".

Таким образом, задача создания полного воспроизводственного комплекса не соответствует интересам южнокорейской буржуазии, вложившей капиталы в экспортные отрасли, а также интересам са-

мого правящего режима, стремящегося к сохранению высоких темпов роста. Поэтому развитие национальной промышленности, непосредственно обеспечивающей воспроизводственный процесс, и прежде всего машиностроения, было принесено в жертву развитию отраслей, выполняющих то же самое через внешний обмен, т.е. опосредованно. Недальновидность такого курса вынуждены признавать и южнокорейские, и западные специалисты. Например, профессор экономического факультета сеульского университета Корё Со Сан Чхоль прямо указывал, что подобная политика "имеет тенденцию препятствовать развитию внутренних импортзамещающих отраслей и углублять внешнюю зависимость экономической структуры" /258, т. 1, с.213/.

Вместе с тем в Южной Корее государство пытается предпринять определенные усилия к прекращению ввоза некоторых видов продукции и сокращению стоимости импорта. Основным критерием успеха этих мероприятий считается уменьшение в импорте доли обработанных изделий в пользу необработанного сырья. Такая политика базируется на том, что, в сущности, главным предметом экспорта Южной Кореи является овеществленный труд рабочих. С самого начала проведения экспортной политики развитие трудоемких отраслей не было связано с созданием полного производственного цикла. Многие из них и сейчас осуществляют либо частичную переработку сырья, либо сборку продукции из готовых импортированных частей, но зато это самые трудоемкие операции, на которые приходится бо́льшая часть "добавленной стоимости" (value added) – показателя, аналогичного применяемому в советской экономической науке показателю "условно чистой продукции". Поэтому, хотя в целом доля сырья в импорте почти не меняется – 55,6% в 1963 г., 55% в 1972, 57,2% в 1975 г., соотношение необработанного и обработанного сырья изменилось за те же годы в пользу первого – 44,4 : 56,6; 52,3 : 47,7; 60,2 : 39,8[2] /258, т. 2, с. 55; 63, 1976, с.118/.

В качестве примера именно такого импортзамещения можно привести создание южнокорейской нефтеперерабатывающей промышленности. В начале 60-х годов Южная Корея ввозила около 1,1 млн. килолитров нефтепродуктов. По мере роста спроса на них и возрастания их импорта был построен и неоднократно расширялся Ульсанский нефтеперерабатывающий комплекс и нефтеочистительные предприятия в Есу и Инчхоне. После их создания соотношение нефтепродуктов с сырой нефтью в импорте неуклонно уменьшалось, и с 1971 г. ввоз первых практически прекращен, хотя их потребление уже в 1973 г. выросло до 16,5 млн.кл. В 1975 г. нефтеперерабатывающие мощности Южной Кореи в полтора раза превысили внутренний спрос.

Однако следует заметить, что развитие нефтепереработки вслед за ростом спроса на ее продукцию было вынужденной мерой, так как расширение спроса стимулировалось государством и было вызвано крупным просчетом планирующих органов южнокорейского режима – переводом энергетики страны с угля на нефть.

Поэтому энергетический кризис нанес серьезный ущерб экономике страны, резко ухудшив ее платежный баланс, дефицит которого вырос с 300 млн.долл. в 1973 г. до 2 млрд. долл. в 1974 г., вызвал пересмотр плановых наметок в сторону сокращения роста отраслей тяжелой индустрии. Этот пример показывает ограниченность и недальновидность экономических решений сеульского режима, а также служит доказательством того, что импортзамещение и вообще соблюдение отраслевых пропорций не рассматривались в качестве первоочередных задач, так как формирование процесса воспроизводства не только не носило научно-планового характера, способствующего созданию самостоятельной экономики с развитой производственно-технической базой, а служило корыстным интересам иностранной и южнокорейской буржуазии. Складывание же отраслевых пропорций в промышленности происходило стихийно и определялось не общехозяйственным значением данной отрасли, а условиями оборота капитала, т.е. совокупностью рыночных факторов.

Вместе с тем, как говорилось выше, в целом доля отраслей тяжелой индустрии уже достаточно велика, что широко используется южнокорейской пропагандой, выводящей из изменений соотношения подразделений обрабатывающей промышленности перспективу "независимой" экономики. Но если разобраться, что стоит за цифрами, то становится ясной лживость подобных утверждений. Хотя перенос акцентов в 70-е годы на тяжелую промышленность составил, несомненно, новую фазу развития экономики Южной Кореи, все же эти изменения не выходят за рамки прежней стратегии "экспортного развития".

Ряд причин, способствующих росту тяжелой индустрии, можно назвать внешними, связанными с деятельностью иностранного капитала или с колебаниями внешнеэкономической конъюнктуры. Во-первых, монополии развитых капиталистических государств давно уже стремятся к перемещению некоторых производств в развивающиеся страны, чтобы затем экспортировать свою продукцию под их флагом. Это происходит в связи с тем, что многие государства имеют избирательную тарифную систему, предусматривающую пониженные ставки для товаров развивающихся стран. При этом иностранные монополии создают в избранном государстве не полный цикл производства, а лишь наиболее трудоемкие его элементы, в которых важна не столько высокая квалификация рабочей силы, сколько ее низкая стоимость. Таким образом, подобное перемещение становится выгодным вдвойне – и по условиям более дешевого производства, и по условиям сбыта. По этой причине Южная Корея стала обладательницей целого ряда отраслей промышленности – автомобилестроения, судостроения, радиоэлектроники и т.д., но во всех южнокорейские рабочие производят главным образом сборку из готовых частей, монтаж оборудования и пр. Так, для автомобилей в Южной Корее выпускаются лишь шины и цилиндры двигателей, а все остальное поступает из США и Японии. В судостроении боль-

шая часть двигательного и навигационного оборудования, особенно для крупных судов, также ввозится из-за границы.

Во-вторых, некоторые отрасли по условиям производства выгоднее создавать непосредственно в Южной Корее, так как здесь практически отсутствует контроль за загрязнением окружающей среды. Создавая так называемые "грязные отрасли", иностранный капитал попросту избавляется от дополнительных расходов на очистные сооружения. Это относится прежде всего к создаваемым или частично оплачиваемым японским капиталом предприятиям черной и цветной металлургии, чью продукцию Япония потом импортирует.

В-третьих, рынок сбыта товаров легкой промышленности расширяется значительно медленнее, чем рынок для продукции первого подразделения. Это верно прежде всего для промышленно развитых капиталистических стран, получающих свыше 80% южнокорейского экспорта. Только переход к вывозу продукции отраслей тяжелой индустрии может обеспечить Южной Корее прежние темпы увеличения стоимости экспорта. Все больший спрос на такую продукцию предъявляет и быстро растущий внутренний рынок. По подсчетам южнокорейских экономистов, по мере роста дохода спрос на все товары промышленного назначения растет в полтора-два раза быстрее, чем на потребительские /258, т.1, с. 300/. Подобная рыночная конъюнктура диктует вполне определенную экспортную политику, тем более что потребительские товары испытывают острую конкуренцию со стороны продукции не только развитых, но и развивающихся стран.

Имеются и внутренние факторы роста тяжелой индустрии. Прежде всего индустриализация вызвала огромный спрос на строительные материалы, прокат черных металлов, пиломатериалы и прочее, чем и дала толчок росту соответствующих отраслей, причем промышленность стройматериалов была в основном обеспечена местным сырьем. Неудивительно, что, например, мощности по производству цемента удваивались каждые 4-5 лет - 464 тыс.т в 1960 г., 1 млн.т в 1964 г., 3,57 млн.т в 1968 г., 8,17 млн.т в 1973 г. и 11,89 млн.т в 1975 г. Ряд строительных фирм, накопивших большой опыт, имеющих дешевые собственные материалы и рабочие руки, вышли на мировой рынок и успешно конкурируют с наиболее известными американскими и японскими фирмами.

Кроме того, попытки режима превратить крестьянство в свою опору требовали удовлетворения нужд деревни, улучшения условий жизни и производства. В силу специфики землевладения и землепользования южнокорейское крестьянство не предъявляло большого спроса на сельскохозяйственные механизмы, но особенно нуждалось в химикатах - удобрениях, гербицидах и т.д. Поэтому химическая промышленность с начала 60-х годов пользовалась особым покровительством государства, а производство удобрений выросло с 13 тыс.т в 1960 г. до 190 тыс.т в 1966 г., и в 1973 г. достигло 1,5 млн. тонн. Позднее стало развиваться и сельскохозяйственное машиностроение, основную продукцию которого составляют насосы для ирригационных систем и механические культиваторы.

Росту некоторых отраслей тяжелой промышленности способствует перевод части прибылей из экспортного сектора. Чаще всего это бывает связано с существующей тенденцией к образованию промышленных объединений монополистического типа. Почти все объединения такого характера включают как предприятия легкой промышленности, в том числе и экспортные, так и предприятия тяжелой индустрии. В зависимости от колебаний конъюнктуры на внешнем и внутреннем рынках они используют накопленные средства и производственный опыт в новых отраслях, и нередко такими отраслями являются металлообработка, машиностроение, химическая промышленность и пр.

Существуют и некоторые сдерживающие моменты в развитии тяжелой промышленности, связанные с самой стратегией "экспортного развития" и привлечением иностранного капитала. Многие отрасли промышленности, вывозящие свою продукцию, ориентированы на повышение валютных доходов и самоснабжение средствами производства и сырьем через внешний обмен. Таким образом, самостоятельность экономики превращается в самостоятельность отраслей, межотраслевые связи слабеют, что прежде всего сказывается на тяжелой промышленности и перспективах ее роста. Однако это, в свою очередь, ведет к применению в процессе производства все большего количества импортных товаров, на что и уходит часть валютной выручки. Положение усугубляется еще и тем, что проникновение иностранного капитала в страну ведет к нежелательным изменениям направления товарных потоков, так как зарубежные фирмы Южная Корея интересует не столько как возможный рынок сбыта, а скорее как рынок дешевой рабочей силы. Например, филиалы японских корпораций лишь 52,4% своей продукции реализуют в пределах Южной Кореи и используют в производстве всего 34,4% местных материалов /358, 1977, № 1, с. 79/.

Ясно, что подобная политика не способствует превращению южнокорейской промышленности в единый, целостный экономический организм. Не случайно некоторые южнокорейские экономисты ставят вопрос о расширении мощностей тяжелой промышленности. Директор Центра экономических и технических исследований Ким Ен Вон писал, что "для построения самоснабжающейся системы воспроизводства мы нуждаемся в развитии тяжелой и химической индустрии" /258, т. 1, с. 21/. Однако при этом южнокорейский экономист имел в виду снабжение лишь сырьем, а не оборудованием, и призывал к овладению всем процессом обработки сырья, отказу от получения его в виде полуфабрикатов. Например, синтетические материалы для производства искусственных тканей Ким Ен Вон предлагал не импортировать, а получать на месте из привозной нефти, и т.д. Однако Южная Корея не обладает многими исходными видами сырья, и в большинстве отраслей зависимость от его импорта увеличивалась, причем, как показывает табл. 6, наиболее быстрыми темпами этот процесс шел в промышленных отраслях, перера-

батывающих сырье, – в химической и металлургической. Но и в отраслях, получающих исходное сырье из самой Южной Кореи (например, текстильной), эта зависимость сокращается лишь настолько, насколько это возможно при сохранении импорта оборудования. Так, развитие нефтехимии значительно уменьшило зависимость от импорта использующих ее продукцию текстильной и резиновой отраслей, а развивающаяся местная металлургия ослабила зависимость металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Но, хотя это и благоприятствовало развитию отдельных отраслей, зависимость экономики в целом, хотя и на ином уровне, сохранялась и усиливалась.

Таблица 6

Поотраслевой рост зависимости от импорта*, %

Отрасль	1960 г.	1963 г.	1966 г.	1970 г.
Пищевая	12,2	11,4	7,2	10,9
Текстильная	24,3	21,2	19,9	19,0
Легкая промышленность в целом	15,0	21,0	21,2	22,9
Химическая	24,9	20,2	27,2	30,5
Металлообрабатывающая и металлургия	13,5	16,2	17,4	24,2

* Составлено по /258, т. 1, с. 30/.

Усилению указанной зависимости способствует и то, что Южная Корея импортирует на только сырье и оборудование, но и целиком полагается на импорт научных знаний, в том числе и практически применяемых, и технологии. И это положение еще долго будет оставаться неизменным. Причина этого прежде всего в том, что капиталовложения Южной Кореи в сферу научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) являются крайне незначительными по сравнению с соответствующими расходами ее торговых партнеров и других развитых стран не только по абсолютной величине (что естественно для небольшой страны), но и относительно, в процентах к ВНП и в пересчете на душу населения или на число исследователей (см. табл. 7).

Хотя после 1965 г. вложения в НИОКР росли довольно быстро – на 30% в год, их уровень по отношению к ВНП оставался низким – 0,37% в 1973 г., 0,38% в 1974 г., и даже к концу 70-х годов он не достиг половины процента, в то время как в

США он равен 3,1%, в Японии – 2,1% /387, 1976, № 3, с. 43/. Уровень в 1% планируется в Южной Корее не ранее 1986 г. /387, 1976, № 3, с. 43/. В целом, незначительные по объему исследовательские работы, ведущиеся в южнокорейских научных

Таблица 7

Расходы на НИОКР в Южной Корее и некоторых развитых странах*

Вид расходов	США 1966–1968 гг.	Япония 1969 г.	Великобритания 1967 г.	Южная Корея 1971 г.
Расходы на НИОКР (млн.долл.)	251,0	25,9	23,1	0,34
Расходы на НИОКР, % к ВНП	2,8	1,5	2,4	0,4
Число исследователей на 1000 человек	27,0	17,0	10,0	1,7
Расходы на одного исследователя, долл.	439,4	165,0	408,1	52,2

* Составлено по /258, т. 2, с. 157–160/.

центрах, относятся обычно к области фундаментальных наук, не имеющих выхода в сферу промышленности, и не оказывают влияния на ее качественный уровень. Поэтому Южная Корея приобщается к техническому прогрессу путем заимствования техники и технологии из промышленно развитых стран.

Это происходит в основном не путем импорта технической документации, так как научный и промышленный потенциал Южной Кореи не позволяет ей самой налаживать производство (местная буржуазия этим и не интересуется, предпочитая получать прибыль посредством усиленной эксплуатации рабочих), а путем ввоза готовых машин и оборудования, производственных комплексов с отлаженной технологией. Вплоть до последнего времени поставляемые из-за рубежа предприятия сдавались "под ключ", т.е. при их строительстве все материалы поставлялись, а линии проверялись фирмой-поставщиком без всякого участия южнокорейской стороны, получавшей сразу готовое к производственной деятельности предприятие. Эта практика наносила серьезный ущерб интересам южнокорейских предпринимателей, и с 1975 г. вышел ряд законов, обязавших иностранные фирмы использовать в строительстве частично и местные материалы /378, 1976, № 18, с. 28/. Однако процесс сдачи объектов

остался прежним, что, естественно, тормозит приобретение опыта южнокорейскими специалистами.

В то же время и сами южнокорейские предприниматели не стремятся к введению новейшей технологии, удовлетворяясь постепенным обновлением производственного оборудования путем импорта машин. Так, в 1977 г. из 24 тыс. фирм обрабатывающей промышленности только 151 была связана с Корейской патентной организацией /389, 1977, № 45, с. 21/.

Такое положение стало беспокоить южнокорейских специалистов, о чем свидетельствует, например, появившаяся в 1976 г. статья президента Корейского института науки и технологии Хан Сан Чжуна, высказавшего опасения по поводу медленного освоения знаний в области промышленной технологии /374, 1976, т.3, № 3, с. 355, 356/. Хан признал, что новая технология осваивается Южной Кореей не путем самостоятельных научных исследований, а путем привлечения иностранного капитала. Сравнивая это положение с соответствующей политикой Японии (излюбленный прием южнокорейских экономистов), он с тревогой отмечал отставание Южной Кореи и указывал, что даже при южнокорейском экспорте в 10 млрд.долл, ее импорт "ноу-хау" составит всего 1000 случаев, или 1/10 от японского импорта "ноу-хау" в 1967 г., когда Япония достигла такой же стоимости вывоза. В 1967 г. Япония уплатила за патенты 240 млн.долл., или 0,2% ВНП, а Южная Корея в 1975 г. – всего 0,1% стоимости ВНП /374, 1976, т. 3, № 3, с. 355/. Это положение не изменилось до сих пор, хотя Южная Корея достигла стоимости вывоза в 10 млрд.долл. еще в 1977 г.

Эти цифры показывают главное отличие роста экономики Южной Кореи от такого же процесса в Японии, а именно его несамостоятельный характер. Так, Южная Корея не сумела решить вопрос самоснабжения сырьем многих отраслей индустрии, и прежде всего черной и цветной металлургии (хотя минеральные ресурсы для этого имеются), не смогла наладить собственное производство современных машин и оборудования, способных конкурировать с импортируемыми. Технический и технологический уровень южнокорейской промышленности очень низок, малопроизводителен, вреден для рабочих и окружающей среды. По уровню промышленного загрязнения Южная Корея находится на одном из первых мест в мире. Как признают западные корреспонденты, "страна утренней свежести" превращается в "страну утреннего смога".

Хотя многими чертами экономика Южной Кореи напоминает японскую в 50-е годы, что обычно многозначительно подчеркивается южнокорейскими экономистами, это сходство не затрагивает основного – перспектив роста. В то время как Япония интенсивно развивала науко- и трудоемкие производства с относительно малым потреблением сырьевых материалов, что позволило ей в полной мере воспользоваться результатами НТР и выйти на второе место в капиталистическом мире, Южная Корея, не имеющая достаточных на-

учно-инженерных кадров и не пытающаяся развивать, хотя бы путем импорта технологии, самостоятельные отрасли производства, обречена на использование пусть новой, но морально устаревшей техники, на научную, технологическую, производственную зависимость от промышленно развитых капиталистических стран.

Несмотря на значительный рост промышленного потенциала Южной Кореи в 60-70-е годы и связанное с ним изменение характера экономики, превращение ее из аграрной в индустриально-аграрную, внешнеэкономическая зависимость страны не только не ослабла, но еще более возросла. Об этом свидетельствует анализ процесса воспроизводства на всех его стадиях. На стадии накопления до сих пор сохраняется решающее влияние внешнего финансирования, на стадии производства южнокорейская промышленность целиком зависит от импорта сырья, оборудования и технологии, реализация продукции также связана с внешними рынками. Причем на всех трех стадиях основными партнерами остаются США и Япония. Таким образом, возрастание зависимости было обусловлено именно промышленным развитием Южной Кореи, его несамостоятельным характером, подчиненным интересам иностранного капитала, правящего режима и местной буржуазии.

Форсированный экономический рост Южной Кореи привел к серьезным структурным изменениям в социально-экономических отношениях, и прежде всего к быстрому укреплению частнохозяйственного капиталистического уклада. Он, конечно, играл немаловажную роль и до 60-х годов, господствуя в разных формах в финансах, торговле и сфере услуг, но в промышленности ему сопутствовали многочисленные кустарно-ремесленные заведения мелких товаропроизводителей, вытеснявшиеся крайне медленно. При застойном положении экономики Южной Кореи и узости внутреннего рынка крупное машинное производство - единственная адекватная капитализму техническая база - было невыгодно, поэтому крупные, а также средние капиталистические предприятия были зачастую представлены низшими формами капитала в виде производства на дому и мануфактуры. Это был тот самый этап развития капитализма, при котором, как писал В.И.Ленин, "капитал овладевает сначала производством на старом основании, подчиняет производителя, технически отсталого" /15, с. 510/. На этом этапе капитал имел перед мелким производителем только преимущество крупного и налаженного производства, но близость их технического уровня не создавала решающих предпосылок для его победы.

Лишь с появлением в 60-е годы условий для широкомасштабного производства, рассчитанного на экспорт, началось повсеместное внедрение машин, создавшее условия для быстрого роста промышленного капитала. Используя бо́льшую производительность и меньшую стоимость единицы продукции, капиталистический уклад начал быстро вытеснять мелкотоварное и даже мелкокапиталистическое производство.

За 1963–1972 гг. количество средних и крупных предприятий (с числом занятых 50–199 и свыше 200 человек) увеличилось с 6,8% до 11,8% всех промышленных предприятий, а среднее число занятых на одном предприятии возросло с 21,9 до 41 человека, при этом средняя стоимость продукции одного предприятия выросла с 9,1 до 94,5 млн. вон / 258, т. 1, с. 356/. Так постепенно, используя иностранные кредиты и другие благоприятные факторы, крупные предприятия модернизировали производство и оттеснили в число аутсайдеров не только мелкие, но и средние капиталистические предприятия, а число их быстро увеличивалось – с 237 в 1963 г. до 833 в 1972 г. /258, т. 1, с. 356/. Если в 1960 г. количество крупных предприятий с числом занятых свыше 200 человек и капиталом в обращении свыше 50 млн. вон составляло 0,9% всех промышленных предприятий, то в 1966 г. оно возросло до 1,7%, а в 1973 г. достигло 4,5%. Доля этих предприятий в стоимости промышленной продукции возросла от 33,2% в 1960 г. до 54,1% в 1966 г. и составила 73,1% в 1973 г. /212, с. 49/. О полном преобладании крупного капитала в промышленности свидетельствуют данные, приведенные южнокорейским еженедельником "Кориа ньюсревью", где указывалось, что в 1975 г. в Южной Корее было 925 крупных предприятий, в 25 раз меньше, чем мелких и средних, но их общий оборот составил 5784,96 млрд. вон против 2555,6 млрд.вон у средних и мелких, и эти крупные предприятия создали чистой стоимости 2022,4 млрд. вон против 923,4 млрд. и имели занятых 823,3 тыс. человек против 679,96 тыс. /389, 1977, № 40, с. 21/. Эти данные подтверждают полное преобладание крупного капитала в промышленности и по доле в выпуске продукции, и по производительности труда.

Данные южнокорейских экономистов показывают завоевание крупным производством преобладающих позиций в промышленности Южной Кореи (см. табл. 8). За десять лет (1963–1972) производительность труда росла в разных группах предприятий неравномерно, и если ранее мелкие заведения имели почти такую же производительность, как средние, и всего на треть отставали от крупных предприятий, то к 1972 г. производительность занятых в мелком производстве была втрое меньше, чем в крупном, и почти вдвое, чем в среднем. Такое же соотношение существовало в отгрузке продукции. Однако размеры заработной платы в мелком производстве по сравнению с крупным не изменились, а в среднем даже возросли. Таким образом, по норме и массе прибавочной стоимости крупные предприятия значительно опережали все остальные.

Быстрая концентрация крупного капитала и постепенное вытеснение более слабых конкурентов является одним из основных законов капиталистического производства. Характерной чертой этого процесса в Южной Корее стало раннее появление монополистического капитала. Проявление монополистических тенденций связано с тем, что, поскольку внутренний рынок Южной Кореи относительно невелик,

он может быть захвачен небольшим числом компаний, предприятия которых достигли оптимального уровня производства данной продукции. Вытесняя с рынка конкурентов, эти компании имеют возможность назначать монопольную цену и получать, таким образом, сверхприбыль. В 1976 г. производство более чем 127 видов продукции было монополизировано одной или двумя-тремя фирмами. Уже с конца 60-х годов, когда ряд фирм добился доминирующего положения на рынке, была отмечена прямая зависимость между степенью монополизации и ростом цен на товары. Основываясь на данных южнокорейских экономистов, мы получили следующие цифры: на семь видов товаров существовала полная монополия, и их цены возросли в среднем за 1967-1971 гг. на 13,7%, производством четырех видов товаров занимались три компании, поднявшие цены за тот же период на 5,2%, еще семь видов товаров производилось пятью компаниями, и цены на них возросли на 4,6% /258, т. 1, с. 45-50/.

Ускоренная концентрация капитала не сразу охватила все отрасли промышленности. По мере складывания комплекса воспроизводства, базирующегося на международном обмене, различия в условиях производства и сбыта привели к тому, что в некоторых отраслях стал доминировать крупный капитал, а в других по-прежнему преоб-

Таблица 8

Соотношение крупного, среднего и мелкого производства (в %, в расчете на одного занятого, индекс базируется на крупных предприятиях)*

Предприятия	Производство условно чистой продукции		Заработная плата		Отгрузка продукции	
	1963г.	1972г.	1963г.	1972г.	1963г.	1972г.
Мелкие (5-49 человек)	66,8	33,4	60,7	60,5	61,6	37,0
Средние (50-199 человек)	71,6	60,8	77,1	85,1	89,7	62,4
Крупные (свыше 200 человек)	100	100	100	100	100	100

* Рассчитано по /258, т. 1, с.355-357/.

ладали мелкие предприятия. Так, производство предметов потребления росло быстрее и было связано с деятельностью крупного капитала, а производство средств производства обеспечивалось мелким капиталом. Этот процесс может быть проиллюстрирован данными из табл. 9.

Таблица 9

Изменение индекса производства для отраслей в целом и для мелких предприятий* (1965 г. = 100)

Название отрасли	Отрасли в целом (1969 г.)	Мелкие предприятия (1969 г.)
Пищевая	308,3	176,3
Текстильная	366,9	233,6
Деревообрабатывающая	427,9	192,6
Химическая	370,3	236,8
Нефтехимическая	345,3	160,9
Металлургия	297,8	268,3
Металлообрабатывающая	250,2	171,1
Машиностроение	169,3	160,3
Электромашиностроение	454,5	216,2

* Составлено по /44, 1970, с. 198, 199, 215/.

Как мы видим из табл. 9, начиная с середины 60-х годов во всех отраслях, считающихся в основном экспортными, – текстильной, пищевой, электромашиностроительной – рост производства на мелких предприятиях значительно отставал от темпов роста отрасли в целом. То же можно сказать об отраслях, развиваемых государством, – химии и нефтехимии. В металлургии и машиностроении, наоборот, рост отрасли определялся ростом мелкого производства. Соответственно происходили и изменения в поотраслевой производительности труда. За 1962–1972 гг. производство условно чистой продукции на одного занятого возросло в текстильной промышленности в 3,9 раза, химии и нефтехимии – соответственно в 7,1 и 22,8 раза, а в машиностроении – всего в 1,2 раза /258, т. 1, с.297/. К 1972 г. стоимость продукции машиностроения составила всего 8,8% продукции всей обрабатывающей промышленности. Причина такого отставания видна при сравнении капиталовооруженности труда – в машиностроении стоимость оборудования на одного занятого составила в 1968 г. 177 тыс. вон, тогда как в текстильной промышленности она равнялась 407 тыс. вон, в химии и нефтехимии – по 1560 и 1646 тыс. вон /44, 1970, с. 252–255/.

Преобладание мелкого капитала способствовало отставанию машиностроения. А слабость этой отрасли при одновременном расширении промышленного производства, требующего оборудования во все больших масштабах и лучшего качества, стала одной из решающих причин усиления экономической зависимости Южной Кореи. Анализи-

руя состояние отраслей южнокорейского машиностроения, журнал "Кориа бизнес" неоднократно отмечал их слабость, недостаточную производительность, низкую концентрацию капитала /387, 1976, № 6, с. 4/. Наиболее важные отрасли машиностроения – производство текстильного оборудования и металлообрабатывающих машин – также отличались низким уровнем техники и технологии. Предприятия, производящие металлообрабатывающие станки, составляли к концу 70-х годов 17,1% всех машиностроительных предприятий, занимали 13,3% рабочих, однако на их долю приходилось всего 8,7% условно чистой продукции машиностроения.

Отмеченная выше концентрация производства и капитала сопровождалась ростом экономического и политического влияния южнокорейских промышленно-финансовых объединений (чэболь), возникших в Корее еще в колониальный период. Экономическая политика правительства Пак Чон Хи способствовала усилению чэболь, что привело к углублению монополистических тенденций в экономике Южной Кореи. В 1963 г. в стране насчитывалось около 500 бизнесменов, имевших предприятия с числом занятых свыше 200 человек и капиталом в обращении не менее 50 млн. вон /359, 1970, № 6, с. 23/. Наибольшие средства были сконцентрированы в шести чэболь, производивших 40% всей промышленной продукции. Каждая из этих корпораций контролировала ряд предприятий и компаний в различных сферах экономики и располагала капиталом от 3 до 12 млрд. вон. В 1965 г. в Южной Корее было уже свыше десяти таких объединений, а в 1974 г. их насчитывалось около пятидесяти, не считая еще около 400 различных крупных фирм /370, 1976, № 5, с. 471/.

Усилению позиций и росту крупного капитала во многих отраслях экономики активно способствовал курс правящего режима на расширение внешней торговли. Так, пытаясь повысить эффективность внешнеторгового обмена, режим принял ряд мер по укрупнению торговых фирм. В 1975 г. в сфере внешней торговли имелось около 2013 фирм, из них лишь 15 экспортировали товары более чем на 50 млн.долл. каждая (общая стоимость вывоза в этом году составила 5081 млн.), а всего они контролировали 22,6% экспорта. При этом 919 фирм имели оборот не выше 1 млн.долл. /387, 1976, № 1, с. 37/. В тот период в торговых операциях преобладали мелкие фирмы – с объемом сделок менее 5 млн.долл., дававшие 62,7% всего экспорта и 70,5% импорта /387, 1976, № 1, с. 37/. Естественно, что преобладание мелких фирм с незначительным капиталом стало препятствием на пути расширения экспортной торговли, и режим решил на базе ряда крупнейших компаний создать так называемые "генеральные торговые корпорации" (ГТК), взяв за образец японские "торговые дома".

Политика поощрения крупного капитала в торговле под прикрытием решения экспортных проблем явилась характерным примером поддержки сеульскими властями крупной буржуазии, так как внешне-

торговые компании обычно являются филиалами корпораций, занятых в производстве экспортной продукции (это относится к 60% всех внешнеторговых фирм). Это прежде всего характерно для торговых компаний, получивших статус ГТК, поскольку все они являлись дочерними компаниями наиболее мощных чэболь. Например, "Самсон мульсан" (экспорт 226,3 млн., капитал 2,5 млн.долл.) входит в самую крупную чэболь "Самсон", имеющую текстильные, пищевые, машиностроительные и многие другие предприятия, благодаря чему она контролирует 44% южнокорейского экспорта текстиля, 28,5% экспорта пищепродуктов, 12,5% машиностроительной продукции. Другая торговая компания, "Дэву Индастриэл" (экспорт 170,8 млн., капитал 10 млн.долл.), входит в чэболь, имеющую капитал свыше 15 млн.долл. и более 2 тыс. рабочих в легкой промышленности, электронике, ряде отраслей тяжелой индустрии /387, 1976, № 1, с. 37–41/.

Льготы, получаемые крупным капиталом в сфере экспортного производства и торговли, позволяют ему постоянно расширять границы приложения капитала. В настоящее время многие крупные фирмы активно стремятся к овладению смежными с традиционными для них отраслями для того, чтобы снизить издержки производства, обеспечить равномерное поступление сырья и сбыт готовой продукции и по возможности установить монопольные цены. Например, фирмы, занятые в производстве мебели, строят деревообрабатывающие предприятия. Другие, используя капитал, накопленный в экспортном производстве, осваивают новые высокоприбыльные отрасли. Так, чэболь "Интернэшнл", основанная еще в 1949 г. и получившая известность как экспортер обуви, теперь выпускает кухонную посуду, поршни для двигателей внутреннего сгорания, хлопчатобумажную пряжу, картон и т.д. Узость внутреннего рынка Южной Кореи, предъявляющего довольно ограниченный спрос на многие товары, а также наличие собственных предприятий во многих отраслях, позволяющее оперативно перемещать капитал в зависимости от складывающейся конъюнктуры, дают возможность чэболь контролировать рынок, получать сверхприбыли путем установления монопольных цен. Поэтому крупный капитал извлекает значительную выгоду и в период усиления инфляции, неблагоприятно отражающейся не только на потребителях, но и на мелких предприятиях.

Одной из наиболее характерных черт южнокорейского капитала, и прежде всего крупного, является его тесный союз с иностранными монополиями. Эта связь проявляется в двух основных формах – получении кредитов под интересующие иностранные фирмы проекты и в совместных предприятиях. Кроме того, ряд иностранных промышленных компаний и банков ведут дела в Южной Корее самостоятельно, не привлекая местный капитал ни в качестве партнера, ни в качестве своеобразной "национальной вывески". Поскольку проблема деятельности иностранного капитала в Южной Корее достаточно полно освещена в советском корееведении, мы не будем подроб-

но останавливаться на этом вопросе, а отметим лишь некоторые моменты.

Всего за 1962–1977 гг. в Южную Корею для осуществления 866 проектов поступило 1025 млн.долл. прямых инвестиций, 65% которых были сделаны японскими фирмами, 17% – американскими /389, 1978, № 8, с. 20/. При этом самостоятельные вложения иностранных фирм идут почти исключительно в сферу услуг, торговли и финансов, а с материальным производством связано всего 33 проекта из 171 /389, 1977, № 29, с. 17/. В то же время 800 совместных предприятий иностранного и южнокорейского капитала целиком сосредоточены в экспортном производстве и вывезли в 1975 г. товаров на 894 млн.долл., что составило 17,6% всего экспорта /389, 1977,№ 45, с. 23/. Выбирая партнера для совместного выполнения какого–либо проекта, иностранные фирмы предпочитают иметь дело с крупным капиталом, что позволяет им успешно завоевывать и внутренний рынок Южной Кореи. Так, из 204 фирм, попавших в 1976 г. под действие антимонополистических законов, 32 полностью или частично принадлежали иностранцам.

Со своей стороны, южнокорейские крупные фирмы не открывают предприятий в новых отраслях промышленности без поддержки иностранного партнера, способного предоставить кредиты, технологию, оборудование и знание рынка, что позволяет менее опытному южнокорейскому капиталу не только получать добавочные прибыли, но и быстро осваиваться в новой сфере. Практически все вновь построенные различными чэболь предприятия, особенно в тяжелой индустрии, частично финансируются иностранным капиталом. Чэболь "Самсон" имела в конце 70–х годов 20 предприятий, из них пять (в электронике, металлургии, производстве стройматериалов) совместных с иностранным капиталом, а чэболь "Накхи" – девять подобных предприятий /389, 1977, № 13, с. 13/. Тесные связи между местным и иностранным капиталом помогают южнокорейским бизнесменам (особенно промышленной элите) усвоить современные приемы организации управления, а главное – появляются совместные интересы как в самой стране, так и в ряде перспективных для экспорта районах, например на Ближнем Востоке. Крупная южнокорейская буржуазия становится частью космополитического класса крупной буржуазии, чьи владения простираются по всем странам капиталистической системы.

Вместе с тем, охотно идя на сотрудничество с иностранным капиталом в новых сферах, южнокорейская буржуазия пытается не допускать его в отрасли, давно освоенные, и здесь ей помогает государство. Поскольку благоприятный инвестиционный климат в Южной Корее привлекает не только крупные, но и средние и даже мелкие иностранные фирмы, против них были предприняты ограничительные меры. Минимальный инвестиционный барьер был поднят к 1974 г. с 20 до 500 тыс. долл., за исключением ряда экспортных отраслей, где он остался на уровне 100 тыс.долл. Однако уже в 1975 г.,

испытав снижение притока инвестиций, режим снизил инвестиционный барьер и сделал для мелких вкладчиков ряд лазеек в обход закона, не препятствуя, таким образом, свободе конкуренции между южнокорейским и иностранным мелким и средним капиталом. К 1984 г. в большинстве отраслей промышленности Южной Кореи минимальный объем инвестиций для иностранного капитала установился на уровне 50 тыс. долл.

Новый этап капиталистического развития Южной Кореи, охвативший 60–70-е годы и происходивший путем так называемой "индустриализации через экспорт", позволил преодолеть узость внутреннего рынка страны и стимулировать приток иностранного капитала, что содействовало ускорению темпов экономического роста. Однако необходимо отметить, что этот рост базировался на беспощадной эксплуатации южнокорейских рабочих. В Южной Корее сложился своеобразный процесс воспроизводства, нормальное осуществление которого невозможно без посредства внешнего рынка. Участие Южной Кореи в международном капиталистическом разделении труда заключается в том, что она специализируется на производстве потребительских товаров и продукции промежуточного назначения, а сырье и оборудование и для экспортного, и для внутреннего производства импортирует. Поэтому расширение промышленного производства в Южной Корее в целом усиливает зависимость страны от основных торговых партнеров, каковыми являются США и Япония. В результате некоторые отрасли южнокорейской промышленности превращаются в элементы производственного цикла соответствующих отраслей США и Японии, что является прямым следствием неоколониалистской политики втягивания Южной Кореи в систему хозяйственных связей капиталистического мира.

Экономический рост Южной Кореи в 60–70-е годы привел к укреплению капиталистических отношений. При этом главной экономической опорой сеульского режима стал национальный частнокапиталистический уклад, в котором ведущую роль заняло крупное капиталистическое производство. Развитие промышленности, позволившее проявиться преимуществам крупнокапиталистического производства и способствовавшее концентрации капитала, привело в силу особенностей внутреннего рынка к раннему появлению монополистических тенденций и росту в Южной Корее монополистического капитала. В то же время в Южной Корее значительно усилились позиции иностранного капитала, укрепились его связи с местной буржуазией. Указанные особенности капиталистического развития Южной Кореи предопределили характер социально-классовых изменений, произошедших в этой стране в 60–70-е годы.

Глава 2

СОЦИАЛЬНО-КЛАССОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ В 1961–1979 гг.

Изменения в социальной структуре южнокорейского общества

Капиталистическое развитие Южной Кореи не только превратило ее из аграрной в индустриально-аграрную страну, но и вызвало перемены в социально-классовой структуре общества, а следовательно, в расстановке классовых сил, культуре, идеологии широких масс населения. Важно отметить, что с развитием производительных сил молодой южнокорейский капитализм взращивал и все присущие ему как способу производства и системе антагонистических общественных отношений противоречия.

Последствия капиталистического развития Южной Кореи для населения были чрезвычайно многообразны и включали изменение социального статуса, возросшую возможность найти работу, но главное – общее повышение доходов и потребления. Подушный ВНП в Южной Корее вырос с 83 долл. в 1967 г. до 535 в 1975 г. и 864 долл. в 1977 г. Марксистская наука не придает самостоятельного значения этому показателю, рассматривая его только в совокупности с другими социальными характеристиками, однако буржуазные социологи строят на нем свои классификации стран по уровню развития. Так, по шкале известных американских социологов Г.Кана и Э.Винера стадии развития государства делятся сообразно величине ВНП на душу населения следующим образом: 1) "предындустриальное общество" – 50–200 долл.; 2) "частично индустриальное" или "переходное" – 200–600 долл.; 3) "индустриальное общество" – 600–1500 долл. и далее до высшей стадии "постиндустриального общества" /279/.

По этой шкале Южная Корея сначала помещалась на низшей, "предындустриальной" стадии, в 1975 г. она почти преодолела вторую, в 1977 г. прочно укрепилась на стадии "индустриального общества". По мнению Г.Кана и Э.Винера, этой стадии должны соответствовать следующие социальные показатели: 1) распределение занятых по отраслям производства в определенных пропорциях;

2) изменения в бюджетных расходах семей. Согласно указанной схеме, в "индустриальном обществе" в зависимости от его близости к следующей стадии 60–10% занятых должно быть сосредоточено в сельском хозяйстве и рыболовстве, 30% в промышленности, 10–60% в производственной и социальной инфраструктуре. Соответственно семейные расходы на питание должны быть в пределах 60–20% бюджета, на одежду – 10–20%, на прочее (жилье, мебель, транспорт, бытовые и культурные нужды) – 30–60%.

Подобная классификация весьма условна и не совсем логична даже в собственных рамках. Например, по этой концепции США должны быть на высшей стадии "постиндустриального общества", однако по структуре семейного бюджета они далеко от нее отстают /98, с. 282/. В то же время, взятые в рамках одной социальной системы – капитализма, эти стадии отчасти характеризуют степень его развития.

Как мы указали выше, согласно используемым западными учеными показателям, Южная Корея к середине 70-х годов достигла стадии "индустриального общества", стадии среднеразвитого капитализма. Так, доля занятых в сельском хозяйстве снизилась в 1963–1973 гг. с 63,1 до 50, а в 1976 г. составила 42,9%; доля занятых в промышленности увеличилась за этот же период с 8,7 до 16,3% и достигла в 1976 г. 25% (с учетом строительных рабочих); доля занятых в инфраструктуре изменялась незначительно – 28,2% в 1963 г., 33,7% в 1973 г., 32,1% в 1976 г. Всего экономически активное население возросло почти вдвое – с 7,7 млн. человек в 1963 г. до 13,06 млн. в 1976 г., резко увеличилась доля занятых по отношению ко всему населению – с 29,2 до 36,4% /258, т. 1, с. 303; 71, 1976, с. 22/. Это является характерным признаком развития капиталистических общественных отношений, так как при капитализме в процесс труда широко вовлекаются женщины и дети как более дешевая рабочая сила.

Труд при капитализме становится более производительным и интенсивным и, соответственно, требует более быстрого и качественного восстановления и воспроизводства рабочей силы, что вносит изменения в уровень и структуру потребления. Так, в 1967–1973 гг. доходы городского населения увеличились в 2,2 раза, а сельского – в 3,2; заработки в обрабатывающей промышленности возросли в 1966–1976 гг. в 9,6 раза (номинально) /258, т. 1, с. 69; 71, 1976, с. 233/. В структуре потребления расходы на питание относительно снизились и составили в 1973–1974 гг. около 51%, хотя само потребление продовольствия возросло с 2100–2200 калорий на душу населения в начале 60-х годов до 2400–2500 калорий к началу 70-х; расходы на одежду поглощали свыше 13% бюджета, на жилье, отопление и освещение – около 13%, на транспорт и социально-культурные нужды – 23% /45, 1976, с. 154/. Вместе с тем данная структура расходов не удовлетворяла некоторых важных потребностей, оставляя, в частности, мало возможностей для полу-

чения образования. Примечательно, что до 1975 г. средний доход в деревне был ниже городского и составлял по отношению к нему в 1967 г. всего 60,1%, а в 1973 г. 87,1%, причем урсвень доходов крестьянства непостоянен и сильно зависит от погодных условий.

Более высокий уровень доходов в городах явился важной причиной миграции сельского населения. Этому немало способствует ограниченность земельного фонда при значительном аграрном перенаселении. Число мигрантов резко возрастало после неурожаев (например, в 1967–1968 гг.) и достигало 250–500 тыс. человек в год /378, 1972, № 3, с. 50/. Эти люди направлялись в промышленные районы в надежде найти работу. Уже в 1966 г. свыше 56% населения Сеула и свыше 25% населения Пусана были уроженцами других провинций. Особенно сильный отток населения происходил из провинций Южная Кёнсан, Северная Кёнсан, Северная Чхунчхон, которые потеряли соответственно 17, 10 и 9% жителей. Мигрировало наиболее трудоспособное население, имевшее бо́льшую возможность найти работу в городах. Исследования, проводившиеся в 1965–1970 гг., показали, что основная масса мигрантов была в возрасте 14–35 лет, причем мужчины в возрасте около 25 лет составляли 60% всех мужчин-мигрантов, женщины 17–25 лет – 45% всех женщин /382, 1974, т. 3, № 1, с. 131/. В результате доля лиц в возрасте 20–49 лет в общем числе занятых в сельском хозяйстве снизилась за 1963–1973 гг. с 67,7 до 60,7%. Наряду с резким "постарением" сельского населения заметно возросла доля работающих женщин – за тот же период с 36,6 до 42,5% /258, т. 2, с. 10/.

В социальном плане экономическое развитие Южной Кореи было адекватно росту капитализма и более широкому использованию наёмного труда как его основы. Однако капиталистический наемный труд, будучи намного производительнее прочих видов труда, может занимать по сравнению с ними более скромное в количественном отношении место, не соответствующее его значению и роли в экономике, как это и происходило в Южной Корее.

Анализ соотношения форм труда в Южной Корее, данные о котором приводятся в табл. 10, показывает, что доля наемного труда возрастала довольно быстро, вытесняя прежде всего труд "самостоятельный", т.е. ремесло и мелкое предпринимательство. Опорой этой формы труда, так же как и "семейного" труда", является сельское хозяйство, где их сохранение обеспечивается системой мелкого землевладения; в городе они быстро вытеснялись крупным и средним капиталистическим предпринимательством и, следовательно, наемным трудом.

Таблица 10

Соотношение форм труда в Южной Корее*

Категории работников	1966 г.		1974 г.	
	тыс.	%	тыс.	%
Все экономически активное население	7963	100,0	12080	100,0
"Самостоятельные" работники	3225	40,5	4030	33,3
"Семейные" работники	2173	27,3	3070	25,4
Наемные рабочие	2565	32,2	4980	41,3

* Рассчитано по /44, 1970, с. 60; 71, 1976, с. 223/.

По данным "Хангук тхонге", в 1966 г. в Южной Корее было 7,96 млн. человек экономически активного населения, что совпадает с данными других южнокорейских источников; однако "UN Statistical Yearbook 1976" называет другую цифру – 9,07 млн. человек.

Приводимые в табл. 11 данные о соотношении форм труда по отраслям экономики показывают происходившее в 60–70-х годах вытеснение мелкого предпринимательства – более быстрое в промышленности, медленное в сельском хозяйстве и инфраструктуре. В промышленности особенно быстро вытеснялся "семейный" труд, представляющий наиболее архаичную форму – домашнее ремесло. Высокий удельный вес "самостоятельной" занятости в инфраструктуре связан с внесением сюда торговли – главного занятия мелкого буржуа. В 1966 г. в торговле было занято 578 тыс. из 803 тыс. "самостоятельных" работников и 104 тыс. из 143 тыс. "семейных", в 1974 г. соответственно 1081 из 1318 тыс. и 365 из 409 тыс. Однако преобладание наемного труда в важнейших отраслях материального производства (кроме сельского хозяйства), наряду с другими признаками – концентрацией капитала, монополизацией производства и сбыта ряда важнейших товаров, позволяет говорить о достаточно высокой степени развития капиталистических отношений в Южной Корее к середине 70-х годов. Рост наемного труда, хотя и не очень значительный, происходил и в сельском хозяйстве, но там развитие капиталистических отношений, как мы увидим ниже, искусственно сдерживалось.

Таблица 11

Соотношение форм труда по отраслям экономики*

Категории работников в различ . отраслях	1966 г.		1974 г.	
	тыс.	%	тыс.	%
Сельское хозяйство и прочее				
все занятые	4554	100,0	5584	100,0
"самостоятельные" работники	2213	48,6	2312	41,4
"семейные" работники	1899	41,7	2570	46,0
наемные работники	442	9,7	702	12,6
Промышленность				
все занятые	1056	100,0	2062	100,0
"самостоятельные" работники	208	18,0	380	18,4
"семейные" работники	131	12,4	100	4,9
наемные работники	717	69,6	1582	76,7
Инфраструктура и административный аппарат				
все занятые	2359	100,0	3950	100,0
"самостоятельные" работники	803	34,0	1318	33,4
"семейные" работники	143	6,0	409	10,3
наемные работники	1413	60,0	2223	56,3

* Рассчитано по /44, 1970, с. 60; 71, 1976, с. 223/.

Изменения в условиях труда и быта южнокорейского населения отразились и на самой основе обществе – семье. Так, в 60–70-е годы значительно снизилась рождаемость, что активно поощрялось государством. Если в 1961 г. норма роста населения составляла 3%, то в начале 70-х годов она упала до 1,7% /65, с. 49/. В то же время вследствие улучшения питания и санитарно-гигиенических условий увеличилась продолжительность жизни, возрастная структура общества стала ближе к соответствующим показателям развитых стран – с несколько уменьшенной долей младших возрастов и повышенной долей лиц пожилого возраста. Даже в среде более консервативного сельского населения средний размер семьи уменьшился в 1963–1973 гг. с 6,33 до 5,98 человек /258, т. 1, с. 8/. В городе же обычной стала семья с одним-двумя детьми. Стремление молодежи отойти от традиционного жизненного уклада, образа жизни родителей, найти место, более отвечающее их запросам, утвердиться в жизни привело к увеличению возраста вступающих в

брак. За 1955–1970 гг. средний возраст вступавших в брак увеличился у мужчин с 24,5 до 27,1 года, у женщин с 20,4 до 23,3 лет /374, 1975, т. 2, № 3, с. 307/.

Южнокорейские социологи были единодушны в своих оценках изменений, произошедших в семье. Так, Ли Чжа Бён отмечал, что семьи становятся более "демократичными", когда правом принятия важных решений обладают несколько членов семьи, но в то же время менее прочными, отходят от традиционных норм. Основой семьи становится связь "муж–жена" вместо традиционной связи – подчинения "отец–сын", семья замыкается в себе, теряет контакты с родственниками, "нуклеаризуется" (от nucleus – ядро). Другой автор, Ким Дэ Хван, связывает это с проблемой "отцов и детей", разрывом между моральными ценностями, на которых воспитывались разные поколения /258, т. 1, с. 72/. Старшие – приверженцы традиционных отношений, подчинения старшим и почитания их (т.е. конфуцианской системы), младшие воспитаны в духе "западного либерализма". Ким Дэ Хван заявил, что отвергнуты "основы основ" корейской культуры – "большая семья, авторитет старших и эмоциональная сторона человеческих отношений", их заменили индивидуализм, либерализм и прочие "ценности" так называемого "свободного общества" /258, т. 1, с. 73/. Следствием этого явился рост духа конкуренции, соперничества, стремления к престижному положению в обществе, к обладанию модными и дорогими вещами и т.д., индивидуализм превратился в ярко выраженный эгоизм.

Однако в трактовке причин социальных перемен в Южной Корее буржуазные социологи расходятся. Ким Дэ Хван видел их исключительно в внешних потрясениях, заставивших корейское общество адаптироваться к новым условиям, таких, как вторая мировая война, корейская война, расширение контактов с западными государствами. Ли Чжа Бён, хотя и не сумел связать социальные изменения с переменами в классовой структуре, тем не менее правильно сводил их к причинам экономического порядка. Например, говоря о распространении "нуклеарной" семьи, он называл ее большую мобильность, отсутствие связи между структурой семьи и занятиями ее членов (отсюда и падение "семейной" занятости), повышенную приспособляемость к новым условиям и т.д. /374, 1975, т. 2, № 3, с. 310/. Ли Чжа Бён отметил, что перечисленные факторы дают "нуклеарной" семье значительные преимущества перед патриархальной большой семьей, последним оплотом которой остается сельское хозяйство и деревня, где еще сохраняются экономические основы ее существования. Но и там позиции патриархальной семьи уже подорваны. В ходе опроса, проведенного в 1978 г. в группе из тысячи крестьянских хозяйств, выяснилось, что 46,6% крестьян предпочитают именно "нуклеарную" семью и лишь 47,7% – традиционную. Однако это примерное равенство обманчиво, так как оказалось, что решения в 80% семей принимались мужем и женой, а их родителями – лишь в 10%. Всего 50,8% опрошенных одобряли почитание старших и ста-

рые обычаи, а 46,9% высказались за современные браки и "свободную любовь" /389, 1978, № 16, с. 9/. Даже не абсолютизируя результатов этого опроса, нельзя не признать значительных перемен в южнокорейской деревне, вызванных исчезновением материальных основ прежнего образа жизни.

Распространение сравнительно небольших мобильных семей и психологии индивидуализма с новой системой ценностей было обусловлено ростом капиталистических отношений, и прежде всего охватило те классы и социальные группы, в существовании и развитии которых эти отношения проявлялись, – различные слои буржуазии, интеллигенцию, бюрократию. Поэтому и идеалом новой системы становился типичный представитель буржуазного мира – независимый индивид-потребитель. Этот идеал сложился в значительной степени под влиянием средств пропаганды США – литературы, прессы, радио, кино, телевидения – и потому носил многие черты "американского образа жизни". Пропагандировавшийся для поддержания "идеалов свободного мира" в годы лисынмановского режима, этот образ, укрепившись в сознании многих южнокорейцев, пришел в противоречие с реальными условиями и перспективами – диктатурой Ли Сын Мана, отсталостью страны, нищетой населения. Таким образом, чисто буржуазные воззрения и идеалы, заимствованные извне, оказали в отсталой социально и экономически Южной Корее известное революционизирующее воздействие на массы, прямо противоположное ожидавшемуся.

Несмотря на авторитарность южнокорейского государства, следует признать, что в 60–70-е годы буржуазная идеология находила здесь достаточно благодатную почву, – и не только потому, что режим Пак Чон Хи пытался воспользоваться временами ширмой демократии, но и потому, что связанный с экономическим развитием рост доходов и потребления создал своеобразную атмосферу всеобщего движения, непрестанных изменений, порождал надежды и иллюзии даже у представителей низших общественных классов.

Поэтому только рассмотрение материального положения основных классов южнокорейского общества дает возможность объяснить некоторые процессы и явления, наблюдавшиеся в политической жизни и идеологии этих лет. И хотя в современной Южной Корее ведущую роль играет город, промышленность и соответственно буржуазия и пролетариат, начать анализ следует, на наш взгляд, с крестьянства – самого многочисленного класса Южной Кореи, из которого вышла значительная часть рабочих, мелкой буржуазии, военнослужащих, бюрократии и интеллигенции.

Положение основных классов и социальных групп и их отношение к правящему режиму

Ко времени военного переворота 1961 г. крестьянство не только составляло абсолютное большинство населения и занятых, не только создавало почти 2/3 валового продукта – оно поставля-

ло основной контингент для южнокорейской армии, поддержавшей Пак Чон Хи. Именно поэтому прежде всего в интересах крестьянства были проведены первые мероприятия хунты – отмена долгов ростовщикам, ускоренная кооперация, закупка зерна в период сбора урожая и др. Режим Пак Чон Хи стремился создать в деревне свою социальную базу, рассчитывая подкупить крестьянство мелкими подачками, использовать его политическую неразвитость и разобщенность. Однако потребности экономического развития вынуждали режим, как было показано выше, сосредоточить усилия на создании индустрии и проводить политику в интересах классов, связанных с промышленностью, в ущерб сельскохозяйственному производству. В то же время путем демагогических маневров Пак Чон Хи пытался сохранить контроль над деревней.

Почему же, взяв курс на экономическое развитие, военный режим не принялся за преобразование сельского хозяйства, осложнив отношения с самым многочисленным классом страны? Во-первых, потому, что сельское хозяйство в плане быстрого увеличения объема производства и эффективности капиталовложений не выдерживало сравнения с возможностями промышленности. Во-вторых, система землевладения и землепользования в Южной Корее в начале 60-х годов нуждалась в коренных преобразованиях, которые потребовали бы либо огромных затрат, либо свободного роста капиталистических отношений в деревне, что привело бы к усилению классовой дифференциации и социальной неустойчивости. Режим же стремился к консервации социального положения крестьянства для укрепления своей социальной базы. И наконец, несмотря на численное преобладание, по влиянию на общественно-политическую жизнь страны крестьянство уступало классам и социальным слоям города. Не случайно Ф.Энгельс характеризовал крестьянство как "политически малоактивный элемент" /11, с. 467/.

До определенного этапа было возможно развитие промышленности при застое в сельском хозяйстве и даже рост индустрии за счет деревни – до тех пор, пока сеульский режим не стал испытывать нужду в поддержке со стороны крестьянства в противовес окрепшим классам города, вступившим в борьбу между собой за власть. Этот новый этап наступил в начале 70-х годов, когда в результате "октябрьских реформ" была усилена личная власть Пак Чон Хи, что обострило нападки демократических деятелей и оппозиции на режим. Кроме того, высокий уровень индустриального развития Южной Кореи вступил в противоречие с отсталостью аграрного сектора общественного хозяйства.

Основной чертой аграрной структуры Южной Кореи, во многом обусловившей отсталость сельского хозяйства, стала ограниченность фонда пахотных земель. К началу 70-х годов использовались практически все пригодные к обработке площади, занимавшие 23,5% территории страны. Площадь обрабатываемых земель с 30-х годов почти не увеличилась – тогда она составляла 3,013 млн. чонбо, в

1968 г. – 3,103 млн. Между тем число хозяйств после аграрной реформы 1949–1951 гг., во время которой были разделены помещичьи земли, выросло на 43%, вследствие чего средний размер надела упал с 3 до 2,2 акра (с 1,2 до 0,9 га) и продолжает снижаться /233, с. 63/. Меры, осуществленные хунтой сразу после захвата власти, привели к некоторому увеличению числа хозяйств – с 2,35 млн. в 1960 г. до 2,59 млн. в 1967 г., однако после засухи 1967–1968 гг. разорение крестьян привело к сокращению числа хозяйств до 2,48 млн. в 1971 г. и 2,28 млн. в 1975 г. /63, 1976, с. 137/.

Распределение земли в Южной Корее таково, что почти исключает возможность организации рентабельного хозяйства. Так, в 1971 г. из 2,48 млн. хозяйств 470 тыс. имели значительно меньше 1 га, 1,21 млн. хозяйств – около 1 га (67,7% всех хозяйств), а 645 тыс. – участки размером 1–2 га. В целом 93,7% хозяйств имели участки, не превышавшие 2 га, – минимально возможного, даже по мнению южнокорейских экономистов, надела для ведения рентабельного хозяйства /258, т. 1, с. 159/. Рассчитано также, что наименьшая площадь участка для успешного применения механизмов составляет 1,08 га, т.е. 2/3 крестьянства лишены такой возможности. Да и владельцам более крупных площадей трудно применять механизмы из-за того, что надел обычно разбит на несколько (иногда до 17) мелких кусочков, разбросанных в разных концах полей одной деревни, вследствие чего на одной квадратной миле бывает до 2000 таких "участков". Кроме того, наделы площадью свыше 2 га имеют всего 6,3% хозяйств. Такова официальная южнокорейская статистика. Однако, по данным западных буржуазных авторов, дело обстоит несколько иначе. Они указывают, что хотя максимально допустимое земельное держание составляет 3 га, некоторые сельские богачи, регистрируя землю на родственников, сосредоточили в своих руках до 15 га земли. Поэтому, хотя официально считается, что 34,5% беднейших хозяйств владеют 11,4% земли, а богатейшие 1,5% – до 7% земли, последние держат вдвое больше – 15% /353, с. 284, 285/. По этим же сведениям, несмотря на запрет аренды, 7% крестьян были безземельными арендаторами, а 23,5% арендовали часть обрабатываемых земель, при этом плата за аренду составляла 30–50% урожая.

В целом основа сельского хозяйства – мелкие и слабые хозяйства, не имеющие ни средств, ни условий для осуществления прогрессивных методов производства. Испытывая постоянную нужду в деньгах, владельцы этих хозяйств бо́льшую часть урожая продавали сразу же после уборки (свыше 60%), в период, когда предложение зерна было повышенным, а цены соответственно низкими, причем лишь крупные хозяйства продавали урожай сами, остальные же находились в зависимости от многочисленных посредников. Наличие последних характерно для низшей стадии развития рынка, они представляют собой значительный слой спекулянтов, использующих се-

зонные колебания цен. Эти колебания цен – минимальных после сбора урожая, максимальных в начале лета – достигали 50%, однако крестьянин-производитель зерна продавал его посредникам часто даже ниже минимальных цен, так что всю прибыль получали торговцы и незначительная часть богатейших крестьян, имевших возможность придерживать зерно до лучших времен.

Подобные условия способствовали быстрому разорению наиболее слабых хозяйств, так как денежное хозяйство несло гибель мелкому крестьянскому производству, способному к устойчивому существованию лишь при господстве натурального хозяйства /11, с. 467/. В Южной Корее конца 60-х годов в среднем 45% доходов и 50% расходов крестьянства имели денежную форму /44, 1970, с. 170, 171/. Между тем уже долю в 40% В.И.Ленин характеризовал как высокую /17, с. 147/. Можно полагать, что в сельском хозяйстве Южной Кореи в 60-е годы имелись условия для быстрого и полного вытеснения слабых хозяйств, перехода к капиталистическому фермерскому производству, основанному на применении наемного труда и прогрессивных методов хозяйствования. Однако для этого должна была произойти пролетаризация деревни, крестьянство как класс должно было исчезнуть, ибо в развитом капиталистическом обществе, по замечанию В.И.Ленина, оно не является классом, а делится на буржуазию и пролетариат /14, с. 289/.

Между тем военные, напуганные ростом демократического движения после апреля 1960 г., стремились сохранить крестьянство в качестве своей опоры, для чего им был нужен прежде всего монолитный класс, не раздираемый противоречиями. В этом наглядно проявился мелкобуржуазный экономический романтизм руководителей хунты: способствуя развитию капитализма в Южной Корее, они пытались ограничить его городскими кварталами, сохранить докапиталистическую деревню. В то же время они не могли не симпатизировать "крепкому хозяину" и надеялись путем различных полумер – денежных кредитов, отпуска удобрений по льготным ценам, стабилизации цен на сельхозпродукцию – укрепить каждое хозяйство, превратить его в мелкокапиталистическое и обойти, таким образом, социальные законы. Эта политика проводилась более или менее последовательно с 1961 г.

Важнейшим средством поддержания мелкого производства в Южной Корее, причем не только в земледелии, но и в промышленности, стала кооперация. Она не являлась нововведением военных, планы кооперирования крестьянства были разработаны и широко пропагандировались еще в 1957 г., когда был образован Сельскохозяйственный банк для кредитования кооперативов. Однако к 1960 г. было создано лишь 8 тыс. кооперативов. Разработав для них ряд льгот, хунта довела число кооперативов в деревне к 1964 г. до 21,5 тыс., охватив 93% крестьянских дворов. Кооперативы были преимущественно снабженческо-сбытовыми и кредитными, являясь одновременно формой экономического и политического контроля за

крестьянством /42, с. 333, 334/. Сельскохозяйственный банк был слит с правлением Национальной федерации сельскохозяйственных кооперативов (НФСК); НФСК получила монопольное право на распределение и продажу химических удобрений. Принадлежащие правительству заводы уже к 1963 г. давали 40% необходимых азотных удобрений, а в настоящее время Южная Корея почти полностью обеспечивает себя удобрениями. С середины 60-х годов правительством были подняты закупочные цены на удобрения, одновременно понижены отпускные цены для крестьянства и этот разрыв в 10% покрывался государственными программами субсидирования сельского хозяйства. Поскольку в тот период среднегодовое потребление удобрений составляло 160 кг на га, то основные выгоды от этого получили не беднейшие крестьяне, которые закупали, по замечанию американского экономиста Г.Брауна, один-два мешка, а те, кто имел крупные наделы, требовавшие много удобрений /236, с. 127-129/. Эти факты показывают, что и кооперация не может остановить процесса дифференциации крестьянства.

Но ряд мероприятий режима наносил ущерб крупному крестьянству и был выгоден мелкому и среднему. Так, в целях сохранения низкой заработной платы рабочим сеульские власти "замораживали" цены на сельскохозяйственные продукты, и они росли гораздо медленнее цен на промышленные товары. Кроме того, практиковались правительственные закупки зерна в период сбора урожая с последующей продажей его в весенне-летние месяцы. Поскольку государственные закупочные цены значительно выше цен оптовых покупателей-частников, а продажные цены, наоборот, ниже, это позволяло стабилизировать цены, сохранять доходы мелких и средних хозяйств, но снижало выгодность земледелия для тех хозяйств, которые сами продавали свою продукцию. Так, правительство закупало после сбора урожая до трети всего продаваемого в это время риса и 15-18% всего риса, продаваемого за год, а также 29% неочищенного и 70% очищенного ячменя /236, с. 113/.

Поскольку в этот период зерно продавали главным образом беднейшие хозяйства, государственные закупки были им выгодны, ущерба от понижения цен на рынке они не несли, так как непосредственно с ним не были связаны. В 1965 г. государственные цены на ячмень были выше рыночных на 40%, причем правительство закупило 25% всего ячменя; в 1969 г. государственные цены составили 144 долл. за тонну, а рыночные - 105 /236, с. 118, 123/. Само же государство имело положительный баланс от операций с зерном, так как получало крупные доходы от продажи дешевого импортного зерна; в 1969 г. цены на ячмень на мировом рынке составили всего 55 долл. за тонну.

Таким образом, политику южнокорейского государства по отношению к деревне нельзя оценить однозначно, ее единственной несомненной целью и результатом можно считать приостановку процесса быстрого разложения крестьянства. Причем перечисленные выше ме-

роприятия были в этом плане важнейшими, но далеко не единственными. Они позволяли сохранять даже довольно мелкие хозяйства как производственные единицы и несколько повышать валовое производство продукции; однако уровень накоплений оставался слишком низким и большинство хозяйств не могли модернизировать производство. Достаточно сказать, что к 1969 г. средний уровень накоплений в денежной форме составлял всего 3% от денежного дохода /44, с. 170, 171/. Поэтому неудовлетворительными оставались и социально-бытовые условия жизни крестьянства, служившие одним из важнейших мотивов миграций.

Новый поворот в аграрной политике сеульского режима был связан с так называемым "движением за новую деревню" ("сэ маыль ундон"), организованным по инициативе правящего режима в начале 70-х годов.

"Движение за новую деревню" (ДНД) было вызвано следующими причинами. Во-первых, готовясь к дальнейшим шагам по упрочению своей единоличной власти, Пак Чон Хи нуждался в укреплении социальной базы режима. Именно поэтому движение было организовано так, чтобы превратить каждую деревню в дисциплинированную, если не сказать военизированную, низовую ячейку правящей партии. Не случайно на первое место среди задач ДНД было поставлено "духовное обновление"[1]. Даже на ежегодных курсах агротехнической подготовки крестьян, проводившихся в рамках этого движения, которые должны были охватить два миллиона человек, лекции по повышению квалификации занимали лишь 40% учебного времени, а остальные 60% посвящались усиленной националистической пропаганде /382, 1974, т. 3, № 1, с. 77/. Недаром официальные издания Южной Кореи характеризовали движение "сэ маыль ундон" как "политическую философию лидерства президента Пак Чон Хи, воплощенную в конкретное действие" /62, с. 260/.

Во-вторых, прежние меры обеспечивали рост доходов крестьянства больше за счет улучшения снабженческо-сбытового аппарата, чем путем изменений в производстве; а между тем сельское хозяйство нуждалось именно в коренном улучшении методов землепользования, уменьшении доли ручного труда и т.д. Наконец, отсталость сельского хозяйства, не обеспечивающего страну продовольствием, обостряла экономические проблемы и, в частности, была одной из причин хронического дефицита платежного баланса.

Мы не будем подробно останавливаться на всех экономических мероприятиях, связанных с кампанией "сэ маыль ундон". Упомянем лишь основные. К ним относятся программа расширения площади обрабатываемых земель, обновление ирригационных систем, переустройство земель и поощрение производственной кооперации. Государство способствовало налаживанию внутреннего производства сельскохозяйственных механизмов, внедрению новых высокопродуктивных сортов растений, расширению числа специализированных высокотоварных хозяйств, а также прилагало усилия для улучшения быта

сельского населения. Идеал, к которому стремился южнокорейский режим, – фермерство малых европейских государств, поэтому периодически в южнокорейской прессе появлялись обзорные статьи об этих странах, подчеркивалось, что они занимают по природным условиям и по отношению к мировому рынку почти такое же положение, как и Южная Корея.

Нельзя не признать, что движение "сэ маыль ундон" принесло режиму определенные успехи, прежде всего в результате внедрения в сельское хозяйство достижений научно-технической революции. Наметилась устойчивая тенденция к росту сельскохозяйственного производства, и в 1977 г. впервые за долгие годы Южная Корея произвела достаточно зерна, чтобы покрыть внутренний спрос на него; значительно возросли и доходы крестьянства, превысившие с 1974 г. средний городской уровень доходов. Используя эти факты, органы пропаганды и массовой информации предприняли активное идеологическое наступление на сознание сельского и части городского населения с целью демонстрации "правильности" политики правящего режима. Оно принесло известный результат. Об этом свидетельствовал проведенный в 1978 г. министерством культуры и просвещения опрос двух тысяч сельских семей, показавший рост оптимизма и националистических чувств. Так, 52,4% опрошенных заявили, что через 4–5 лет Южная Корея будет в числе развитых стран, 96,1% оценили развитие за последние десять лет как "великое", столько же отметили резкое улучшение своих жизненных условий (54,7% прямо приписали это движению "сэ маыль ундон"), 88% отнесли себя к "среднему классу". 94,5% опрошенных в соответствии с лозунгами движения заявили, что станут жить еще лучше, если "будет успешно развиваться вся страна" /389, 1978, № 8, с. 11/.

В целом политика правящего режима позволила ему сохранить крестьянство в качестве своей социальной опоры. Развитие капиталистических отношений в деревне, а следовательно, и расслоение крестьянства значительно замедлилось, беднейшие, наиболее "ненадежные" элементы покинули деревню и мигрировали в города. Достигнутая известная однородность крестьянства, приобщение его к результатам экономического подъема страны гарантировали в течение определенного времени его лояльность "сильному и национальному" правительству, каким выступала в его глазах диктатура Пак Чон Хи.

Важнейшее место в социально-классовой структуре Южной Кореи в 60–70-е годы занял пролетариат. Численность рабочего класса Южной Кореи определить довольно трудно, хотя, как было показано выше, в целом лица наемного труда уже в начале 70-х годов составляли наиболее значительную часть занятых в промышленности, инфраструктуре и обслуживании. Это объясняется несовершенством социальной статистики и ограниченностью подобных материалов в нашем распоряжении. Так, статистика ООН (коды JSJG и JSCO) дает деление занятых по основным отраслям материаль-

ного производства и обслуживания и по трем видам занятости – "семейные" рабочие, "самостоятельные" и наемные. В то же время более подробная южнокорейская статистика, давая соотношение занятости по отраслям промышленности, выделяет среди лиц наемного труда постоянно занятых, временно занятых и поденщиков. Столь подробное деление в условиях Южной Кореи очень важно, так как временно занятые составляют там весьма значительный процент лиц наемного труда – иногда свыше 1/3.

В советской литературе наиболее подробно этот вопрос рассматривается в очерке В.А.Маринова "Положение рабочего класса Южной Кореи" /361, 1977, № 1, с. 151–154/. Автор оценивает численность рабочего класса Южной Кореи без различения форм занятости и указывает, что в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности число рабочих превысило 2 млн. человек (из них 945 тыс. "не полностью занятых" и 1,11 млн. "постоянно занятых"). В инфраструктуре автор насчитывает 749 тыс. человек, и "традиционно емкой", по его выражению, "оставалась сфера торговли и услуг" – 2,9 млн. человек /361, 1977, № 1, с. 151/. Наличие категории сельскохозяйственных рабочих В.А.Маринов отрицает. По его оценкам, численность рабочего класса возросла приблизительно с 2,6 млн. человек в 1963–1964 гг. до 5,75 млн. в 1974 г. Если учесть, что в 1974 г. имелось 12 080 тыс. человек экономически активного населения, то получается, что рабочих было 47,6%, т.е. автор явно допустил некоторые преувеличения. Если же провести подсчет по данным ЭКАДВ за 1974 г., то получится цифра значительно меньшая.

Таблица 12

Количество лиц наемного труда в промышленности Южной Кореи*

Отрасль	Все занятые, тыс.	Лица наемного труда, тыс.
Горнодобывающая и обрабатывающая промышленность	2062	1592
Электро-, водо-, газоснабжение	36	35
Строительство	450	421
Транспорт, связь, складирование	355	310
Торговля и услуги	1760	314
Всего:	4663	2672

* Рассчитано по /71, 1976, с. 221/.

Однако прежде всего уточним, что мы понимаем под термином "рабочий". Во-первых, это исключительно лица наемного труда, так как "самостоятельные" и "семейные" работники не могут считаться рабочими в полном смысле слова, они принадлежат к классу мелкой буржуазии. Во-вторых, используя употребляемый в статистике ООН код JSJC 1968, следует исключить из подсчета пункты 8 (занятые в финансах и страховании) и 9 (занятые в общественных, частных и социальных службах), так как лица наемного труда в этих отраслях представлены чиновничеством и интеллигенцией. Полученные данные приводятся в табл. 12.

Таким образом, в промышленности, инфраструктуре, торговле и обслуживании в 1974 г. было занято 4663 тыс. человек, в том числе лиц наемного труда - 2672 тыс. С учетом сельскохозяйственных рабочих, которых в Южной Корее насчитывалось 702 тыс. человек, численность рабочего класса в середине 70-х годов можно оценить в 3,73 млн. человек, или 30,9% экономически активного населения /71, 1976, с. 223/. Из них 923 тыс., или почти 25%, - женщины. В полученное нами число 3,73 млн. попали инженерно-технические работники, а также многие лица, живущие случайными заработками и относящиеся к категории временно занятых. Их насчитывалось около миллиона в промышленности и не менее 100 тыс. в торговле; таким образом, армия постоянных, кадровых рабочих не превышала 2,5 - 2,6 млн. человек.

Существуют и некоторые другие оценки, сделанные буржуазными учеными. Так, в докладах на конференции 1976 г. в Токио по Южной Корее число наемных рабочих в 1970 г. (при занятости 9,75 млн. человек) было оценено в 2,24 млн., временно занятых - 0,52 млн., поденщиков - 1,03 млн., итого 3,79 млн. человек /258, т. 2, с. 115/. Американский ученый Брайденштайн на 1973-1974 гг. считал рабочими 3 млн. лиц наемного труда в промышленности и обслуживании /353, с. 253/.

Абсолютное большинство лиц наемного труда были недавними выходцами из деревни, перенесшими в город консервативность мышления и привычки мелкого собственника. Приток этих людей немало способствовал замедлению роста заработной платы в 60-70-е годы, что и сейчас делают продолжающиеся миграции сельского населения в город и наличие постоянной армии безработных, которая хотя и уменьшилась относительно ко всему экономически активному населению, но в абсолютном исчислении медленно возрастала, увеличившись в 1969-1975 гг. с 471 до 510 тыс. человек /71, 1976, с. 224/. Кроме явной существовала еще и безработица, скрытая под определением "временно занятые", число которых, как мы видели, в Южной Корее весьма значительно. Из-за отрицательного влияния этих факторов на процесс формирования классового сознания и солидарности рабочих в южнокорейском рабочем классе сильно влияние мелкобуржуазных взглядов, индивидуализма, высока восприимчивость к националистической и антикоммунистической про-

паганде. Отрицательно сказывается на сплочении и организации рабочих и значительная разница в условиях труда в различных отраслях промышленности.

Молодость рабочего класса, низкий уровень потребностей выходцев из деревни, отсутствие организации и опыта борьбы, давление безработицы привели к тому, что в стране существует один из самых низких в мире уровней заработной платы при весьма высоких качествах самой рабочей силы. Согласно официальной статистике, в 1973 г. средняя месячная плата работника наемного труда составляла 56 долл. Наиболее высокими были оклады банковских служащих, работников страховых учреждений и сферы обслуживания – 137 долл., меньше всего получали занятые в обрабатывающей промышленности – 53 долл. /387, 1975, № 8, с. 30/. Самая низкая оплата существует в текстильной промышленности, т.е. там, где преобладает женский или малоквалифицированный труд, и в тех отраслях, где большинство составляют мелкие предприятия, например в мебельной промышленности.

Если взять среднемесячную оплату в обрабатывающей промышленности за 100, то в 1973 г. существовали следующие отраслевые индексы оплаты: пищевая – 105,1, текстильная – 86,9, обувная – 67, мебельная – 66,8, химическая – 133,3, металлургия – 171,3, металлообработка – 98,7, общее машиностроение – 115,1, радиоэлектроника – 90,7 /258, т. 1, с. 316/. При этом следует учитывать, что самые мелкие и мельчайшие предприятия (с числом занятых менее 10) статистикой не охватываются, а ведь эти предприятия выживают только за счет усиленной эксплуатации рабочих.

В ходе капиталистического развития по мере роста интенсивности труда и сложности выполняемых операций заработная плата росла довольно быстро, увеличившись номинально в 7–8 раз, однако прирост в значительной степени съедался инфляцией и, самое главное, рост производительности труда опережал его оплату. Так, за 1962–1973 гг. индекс номинальной платы в промышленности вырос со 100 в 1962 г. до 805,1 в 1973 г., но индекс цен за этот же период достиг 344,8, в результате индекс реальной платы составил на 1973 г. всего 233,8. Однако индекс производительности труда вырос до 376,4, так что отношение реальной платы к производительности уменьшилось со 100 до 62,0 /258, т. 1, с. 312/.

Эти расчеты вскрывают тайну быстрого взлета южнокорейской экономики и ее привлекательности для иностранного капитала, показывают нам ключ, которым открывает себе новые рынки южнокорейский экспорт. Дешевизна рабочей силы, ее высокая производительность и соответственно малая доля стоимости живого труда на единицу продукции – вот условия успеха, которые южнокорейские и иностранные промышленники надеются сохранить и в будущем. Действительно, в 1961–1969 гг. Южная Корея значительно обгоняла другие страны по темпам роста выпуска продукции, производитель-

ности и экспорта, но совсем немного – по темпам роста реальной платы, вследствие чего индекс стоимости труда на единицу продукции составил в 1969 г. (1960 = 100) в США – 83,4, Японии – около 65, а в Южной Корее – всего 53; 3 /397, 1975, т. 3, с. 73/. Зарплата рабочих составляла в Южной Корее в 1974 г. 1/15 зарплаты рабочих в США, 1/12 в ФРГ, 1/8 английской и японской /[illegible]7, 1975, № 8, с. 30/.

Низкая стоимость рабочей силы позволяет южнокорейским промышленникам и иностранному капиталу нанимать больше рабочих и использовать оборудование на износ, в результате чего на одинаковом оборудовании в Южной Корее получают на 30% больше продукции, чем в США /397, 1975, т. 3, с. 73/. Кроме того, дешевизна рабочей силы дополняется ее усиленной эксплуатацией, так как существующее в Южной Корее трудовое законодательство дает рабочим самые минимальные права. Оно формально предусматривает шестидневную 48-часовую рабочую неделю (по 8 часов в день), но допускает продление ее до 60 часов, для чего достаточно получить разрешение правительственного учреждения, ведающего вопросами труда. Хотя в статистике ООН показано, что средняя рабочая неделя составляла в 1975 г. 49–51 час, сами южнокорейцы признают, что "увеличенная рабочая неделя стала обычной практикой в экспортных отраслях обрабатывающей промышленности", а Г.Брайденштайн, преподававший в Сеуле в 1968–1971 гг. и потому хорошо осведомленный о положении дел в Южной Корее, указывал, что 8-часовой рабочий день имели 43% рабочих, 12-часовой – 23%, а свыше 12 часов в день работали 34% рабочих, на мелких предприятиях рабочее время доходило до 18 часов /71, 1976, с. 225; 387, 1976, № 5, с. 25; 353, с. 296/. Официально установленного минимума заработной платы не существует, кроме того рабочего могут уволить в любой момент с уведомлением за 30 дней или без него с выплатой небольшой компенсации. Оплачиваемый отпуск составляет всего восемь дней в году при стопроцентной посещаемости. За производственную травму с временной потерей трудоспособности наниматель платит 60% средней зарплаты за период лечения, при полной потере трудоспособности – единовременное пособие в размере средней зарплаты за 50–1340 дней. Естественно, что столь большой разрыв идет на пользу не рабочему, а предпринимателю.

Все эти законы были обязательны только для предприятий с числом занятых свыше 16 человек, и лишь в 1975 г. были распространены и на предприятия с 5–16 постоянно занятыми /63, 1976, с. 169/. Однако рабочей инспекции фактически не существует, и потому законы нигде не соблюдаются. Так, по опубликованным в Южной Корее данным, 60% компаний с числом занятых свыше 16 человек не проверялись никогда, из проверенных 98% нарушали трудовые законы /353, с. 255/. В 1975 г. было обследовано 2975 фабрик и обнаружено 7 тыс. нарушений закона, а также 10 тыс.

случаев "неправильного управления" /63, 1976, с. 170/. Поэтому условия работы чрезвычайно тяжелы и вредны для здоровья. Из 12 тыс. обследованных рабочих 31% имели расстройства слуха, 37% – плохое зрение; постоянно растет число травм на производстве, в том числе и со смертельным исходом. Если в 1969 г. было отмечено около 43 тыс. несчастных случаев на производстве, из них 454 со смертельным исходом, то в 1975 г. таких случаев было уже 49,4 тыс., из них 623 закончились смертью пострадавших /63, 1976, с. 171/.

Подобное положение возможно из-за слабого противодействия со стороны рабочего класса, не имеющего своих боевых объединений. Сразу после захвата власти хунта разогнала профсоюзные организации, а новые профсоюзы, созданные под ее контролем, проводят курс на предотвращение трудовых конфликтов и сотрудничество с властями. С 1971 г. под предлогом упрочения "национальной безопасности" профсоюзы лишены права на какие бы то ни было коллективные действия. Их деятельность сводится к обследованию положения рабочих в разных отраслях и на отдельных предприятиях и к подаче жалоб и прошений в правительственные инстанции. Забастовки запрещены и наказываются семилетним тюремным заключением; все конфликты подлежат решению властей. Нарушения этого правила на предприятиях с участием иностранного капитала караются особенно строго, так как иностранные вкладчики получают на этот счет специальные гарантии. Любой профсоюз может быть разогнан, если власти усмотрят в его действиях "угрозу безопасности".

17 существовавших в середине 70-х годов профсоюзов входили в Федерацию корейских профсоюзов (ФКП) и делились на 483 муниципальных и провинциальных отделения и 3450 групп, которые в 1975 г. охватывали 721 тыс. человек. Правительство строго следило за тем, чтобы в руководстве профсоюзов были только его ставленники, и приняло 24 декабря 1974 г. специальный закон, затруднявший отставку непопулярных руководителей. О малом влиянии ФКП говорил тот факт, что в профсоюзах состояло в 1975 г. всего 25,3% лиц, которые могли бы войти в них по "Закону о профессиональных союзах", запрещающему участие в них всем государственным служащим.

В своем нынешнем виде южнокорейские профсоюзы еще не могут считаться формой рабочего движения, организующего рабочих против предпринимателей. Они скорее служат средством правительственного контроля за рабочими, одним из рычагов, используемых режимом Пак Чон Хи, а затем и Чон Ду Хвана для укрепления своей власти и сохранения влияния как на нанимаемых, так и на нанимателей в случае трудового конфликта. Именно поэтому в 70-е годы все выступления рабочих происходили помимо профсоюзов. Они, как правило, носили неорганизованный, стихийный характер и были порождены чрезвычайными обстоятельствами – несчастными случая-

ми, задержкой заработной платы и т.д. Локальность таких выступлений позволяла властям быстро их подавлять.

Несомненно, что значительная часть таких конфликтов оставалась неизвестной, поскольку официальная статистика приводила неправдоподобно малые цифры; например, в 1974 г. отмечено всего 58 трудовых конфликтов с участием 22,6 тыс. человек /72, с. 801/. Одно из выступлений носило массовый характер – бастовало свыше 4 тыс. рабочих судостроительной компании "Хёндэ", трабовавших увеличения оплаты и улучшения условий труда. Получив отказ, рабочие подожгли постройки и разрушили оборудование, что вынудило администрацию компании, выполнявшей экспортный заказ, уступить /63, 1976, с. с. 172/. Победа была достигнута благодаря решительности и массовости выступления.

Однако значительная часть рабочих, занятых на мелких и средних предприятиях, где особенно сильны мелкобуржуазные настроения, по-прежнему не может организовать подобное сопротивление эксплуатации. Поэтому в их среде рождаются отчаянные, индивидуалистические формы протеста, вроде случаев самосожжения с целью привлечь внимание к бедственному положению рабочих. Говоря об обострении классовых противоречий между рабочими и предпринимателями, эти факты свидетельствуют и о том, что решимость к борьбе не находит правильного выхода из-за отсутствия классового сознания и организации. Подобные формы протеста в 70-е годы были обращены не к своему классу, а к "национальному лидеру" диктатору Пак Чон Хи. Так, рабочий Цой Тхэ Иль, сжегший себя в январе 1971 г., перед этим послал письмо Пак Чон Хи, прося принять меры для улучшения положения рабочих /378, 1971, № 2, с. 37/.

Немалым препятствием для классовой организации и солидарности пролетариата служила идеологическая обработка населения, в том числе и рабочих, правящим режимом, который раздувал милитаристский психоз и антикоммунистическую истерию, широко используя затасканный жупел "угрозы с Севера". В этой обстановке любые социальные и даже просто демократические идеи, угрожающие господству диктатора и правящим классам, объявлялись "антинациональными", любая попытка организации борьбы пресекалась. Несомненно, что военная конфронтация с КНДР в сильнейшей степени тормозила созревание классового сознания южнокорейского пролетариата. Важную роль играл также национализм, традиционная конфуцианская психология, патернализм. Не следует забывать также и о том, что в целом материальное положение рабочих в 60-70-е годы улучшилось. Например, реальное потребление увеличилось за 1962-1977 гг. в два раза, и в условиях постоянного расширения экономики, внедрения новых методов производства у значительной части рабочих, особенно молодых, существует не такая уж несбыточная надежда изменить свое положение, найти лучшее место работы, повысить квалификацию и т.д. Некоторому улучшению положения рабо-

чих способствовала и концентрация капитала, так как условия труда на крупных предприятиях были значительно лучше. В этой обстановке демагогическая социальная политика правящего режима крайне мешала рабочим разобраться в истинных ее целях. Ряд правительственных мероприятий, раздутых официальной пропагандой, представлялся рабочим в искаженном свете, создавая режиму и диктатору славу своего рода "социального арбитра".

В 70-е годы неоднократно повышалась минимальная ставка доходов, с которых взимались налоги, что освободило от налогообложения большую часть рабочих. В 1976 г. режим использовал в демагогических целях патерналистскую практику крупных фирм, заключавшуюся в частичном улучшении социально-бытовых условий для своих рабочих. Было объявлено об освобождении от налогов фондов, предназначенных на оплату школьного обучения детей рабочих, на покрытие части медицинских расходов, на бесплатное питание, постройку домов для рабочих и пр. /389, 1977, № 20, с. 11/. Таким образом, государство, не способное в силу своего классового характера обеспечить нормальные условия труда и жизни рабочих, переложило ответственность за это на отдельных предпринимателей. Естественно, что подобный закон был выгоден для крупных компаний, так как давал им новую возможность уклоняться от уплаты налогов, тем более что некоторые чэболь имели свои школы, госпитали и даже университет и потому освобожденные от налогов средства за лечение и обучение рабочих попадали в тот же карман, из которого они были взяты. Поэтому практика патернализма, фактически оплаченная государством, распространялась очень быстро. Чэболь "Самсон" в 1976 г. имела фонд в 1 млрд. вон на стипендии детям своих рабочих. Судостроительная компания "Хёндэ", рабочие которой бастовали в 1974 г., теперь предоставляет им бесплатное лечение. Уже через год после решения об освобождении этих фондов от налогов десять крупных фирм открыли 14 школ /389, 1977, № 51, с. 12/.

"Благотворительная деятельность" крупного капитала служила также оправданием союза режима и крупной буржуазии, работа на предприятиях которой более "выгодна" рабочим. Ф.Энгельс еще в прошлом веке писал: "Все эти уступки справедливости и человеколюбию были на самом деле лишь средством ускорения концентрации капитала в руках немногих лиц, для которых жалкие вымогательства прежних лет потеряли всякое значение и стали настоящей помехой, средством наиболее быстрого и надежного уничтожения своих мелких конкурентов, которые без таких побочных доходов не могли сводить концы с концами" /10, с. 261, 262/. Южнокорейская буржуазия пока не отказывается и от мелочных вымогательств, но она вынуждена считаться с тем, что крупномасштабное производство предъявляет повышенные требования к качеству рабочей силы. Вот чем объясняются определенные уступки капиталистов, но для

рабочих, лишенных права организованной борьбы, они имеют немаловажное значение.

Из вышесказанного можно заключить, что в условиях быстрого развития южнокорейской экономики и сохранения напряженной обстановки на Корейском полуострове существует много факторов, препятствующих формированию классового самосознания южнокорейского пролетариата. Однако логика капиталистического развития основывается на антагонистическом противоречии между трудом и капиталом, достигающим своего апогея с появлением организованного рабочего движения. Объективный процесс вызревания этого противоречия вытекает из формационных законов капитализма, поэтому его можно замедлить, что и пытался делать военно-бюрократический режим в Южной Корее, но остановить нельзя. Неизбежно наступит время, когда южнокорейский пролетариат более решительно выдвинется на арену политической борьбы, и этот момент приближается по мере укрепления позиций капитализма в стране.

Бурное индустриальное развитие Южной Кореи в 60-70-е годы вызвало социальные перемены и в классе южнокорейской буржуазии, привело к росту ее численности, богатства и усилению влияния. В Южной Корее появились предприниматели уже не первого поколения, чье "дело" было основано еще в период японского колониального господства. Позднее в этот класс влились получившие выкуп за землю помещики, а также чиновники и политические деятели, сумевшие выгодно использовать свое положение. После 1961 г. в сферу бизнеса пришло много военных, в основном занявших места президентов различных компаний, на которых они активно использовали свои кастовые связи.

Сфера деятельности и экономическая основа буржуазии по сравнению с 40-50-ми годами значительно изменилась. До 60-х годов преобладала торгово-финансовая буржуазия, занимавшаяся ростовщичеством, спекуляцией зерном и импортными товарами. Индустрия, развитая слабо, была представлена в основном мелкими предприятиями, и потому промышленная буржуазия не играла значительной роли. В 60-70-е годы положение изменилось. Индустриализация страны привлекла в сферу производства значительную часть капиталов из других отраслей экономики, в том числе из торговли и обслуживания, поскольку промышленное производство, особенно экспортное, было чрезвычайно выгодно: под строительство предприятий можно было получить кредиты, в том числе в валюте и под небольшие проценты, государство не скупилось на многочисленные льготы, т.е. в промышленности имелись наилучшие условия накопления капитала. В короткие сроки усилилась роль и влияние промышленной буржуазии, резко ускорившей процесс концентрации капитала, вступившей в тесный союз с иностранными монополиями и захватившей постепенно каналы сбыта продукции.

Рост промышленной буржуазии был чрезвычайно важен в социальном плане, ибо, как отмечал в "Капитале" К.Маркс, именно про-

мышленный капитал обусловливает капиталистический характер производства, другие же виды капитала подчиняются ему /4, т. 24, с. 65/. Поэтому его преобладание означает определенную ступень в развитии общества – полную победу капиталистических отношений. Именно в 60-е годы происходило быстрое вытеснение докапиталистических укладов, ремесла и низших форм капиталистического предпринимательства, а в промышленности и торговле ведущее место занимали крупные фирмы. Происходило выделение монополистического капитала, и если до середины 60-х годов крупные и средние предприятия были близки друг другу по технической оснащенности и вместе противостояли мелкому капиталу, то в 70-е годы крупный капитал уже доминировал, тесня и мелкие и средние предприятия.

Быстро росла и элита буржуазии, имевшая огромные личные доходы. Если в 1972 г. только два человека имели личный доход свыше 100 млн. вон, то в 1974 г. таких богачей было 104, а в 1977 г. – 205 человек, и их совокупный доход составил 56,4 млрд. вон, или 6,1% всех доходов населения Южной Кореи /389, 1977, № 24, с. 10/. Следует учесть, что южнокорейские толстосумы, называя свой доход, занижали его, чтобы платить меньший подоходный налог. Кроме того, индивидуальный доход не соответствовал их богатству, судя по тому, что богатейший человек Южной Кореи Ли Бен Чхоль, глава самой крупной чэболь "Самсон", оказался в середине списка южнокорейских мультимиллионеров.

Преобладание промышленной буржуазии имело еще одно важное последствие – изменение социального статуса предпринимательства. До середины 60-х годов, как отмечали в своей книге Д.Коул и Н.Лима, "деловые люди традиционно не занимали в корейском обществе уважаемого места" /245, с. 82/, поскольку подразумевалось, что их обогащение связано с коррупцией, а бизнес протекает на грани законности, а нередко и преступает эту грань. Но после того, как экономическое развитие было выдвинуто в качестве "национальной задачи", популярность предпринимателей как "командиров промышленности" быстро возросла. Как писала парижская газета "Интернэшнл геральд трибюн", сейчас в Южной Корее наступило время, "когда бизнесмены стали национальными героями" /406, 05.1978/; они и сами чувствуют себя благодетелями страны. Газета приводила высказывание главы одной из крупнейших чэболь, "Дэву", Ким Во Чжона, заявившего, что в Южной Корее появилось "новое поколение бизнесменов, которые не стыдятся делать деньги, потому что они знают, что это идет на благо всей стране" /406, 05.1978/. Таким образом, дельцы заняли в общественном мнении Южной Кореи именно то положение, какое они занимают во всех капиталистических странах, с некоторым отличием в сторону идеализации бизнеса и его представителей.

Наряду с крупной буржуазией, в Южной Корее по-прежнему существовал довольно многочисленный класс средних и мелких собст-

венников в промышленности, торговле, сфере услуг. Общая численность класса собственников (за исключением крестьянства), рассчитанная по данным ЭКАДВ, составляла в Южной Корее в середине 70-х годов 2,2-2,3 млн. человек, из них в промышленности, строительстве, производственной инфраструктуре было занято 0,5 млн. человек, а около 1,7 млн. - в торговле и обслуживании /71, 1976, с. 223/. С ого говоря, значительная их часть средствами производства непосредственно не владела, а входила в число "семейных" рабочих, которые, как и "самостоятельные" работники, нередко не имеют никаких средств производства, кроме ящика со щетками для чистки обуви или рамы для переноски грузов. Но наряду с ними было огромное число кустарей, работавших в одиночку или с членами семей, владельцев небольших мастерских, розничных торговцев и пр. Несмотря на сокращение доли этого класса в общей структуре занятости, его абсолютное уменьшение происходило медленно. Причин тому достаточно.

Наиболее прочные позиции мелкая и средняя буржуазия занимала, как видно из приведенных цифр, в торговле и обслуживании. Это является особенностью класса, которую отметил Ф.Энгельс: "Мелкая буржуазия в меньшей мере участвует в производстве, чем в распределении товаров; главное ее занятие - розничная торговля" /6, с. 67, 68/. В 1968 г. среди занятых в торговле "самостоятельно занятые" и "семейные" работники составили 84,5%, в 1974 г. - 82,2%, в то же время численность этой группы возросла вдвое /44, 1970, с. 60; 71, 1976, с. 223/. В обрабатывающей промышленности число занятых также возросло вдвое, но доля названных категорий упала с 34,6 до 23,7% /44, 1970, с. 60; 71, 1976, с. 223/. Низкая доля наемного труда в торговле свидетельствовала о том, что капитализм в этой отрасли слаб, а это показывало незавершенность процесса формирования внутреннего рынка. Поэтому и товарные связи были налажены плохо, и требовалось множество опосредствующих звеньев на пути продукции от производителя к потребителю.

Это показывало сохранение той первой стадии капиталистических отношений, когда рынок снабжается еще мелким производством и эти каналы сбыта захватываются посредником, эксплуатирующим и продавца, и покупателя. "Капиталистическое производство, - писал В.И.Ленин, - наступает с того момента, когда между производителем и потребителем становится *капиталист*, хотя бы он только покупал у самостоятельного (по виду) производителя готовый товар" /15, с. 472/. Таким образом, существование мелкого производства создает базу и для мелкой торговли. Поскольку мелкое производство в промышленности исчезает довольно быстро, но мелкая буржуазия в торговле сохраняется, очевидно, что она паразитирует на армии сельских мелких производителей, т.е. на товарной связи "деревня - город". Действительно, рынок сбыта и скупки сельскохозяйственных продуктов до последнего времени являлся наиболее примитивным и

предоставлял немало возможностей для спекуляции. Так, ящик рыбы стоил в прибрежном Пусане 1300 вон, в Сеуле – 4500 вон, а из 3200 вон разницы около 2000 вон доставалось скупщикам и розничным торговцам. Мешок риса лучшего качества крестьянин продавал за 23 тыс. вон, а на рынке он стоил 28 тыс. /389, 1978, № 6, с. 22/.

В промышленности, несмотря на быстрый рост крупного производства (по доле в продукции и численности занятых), постоянно сохранялось около 24 тыс. предприятий с числом занятых от 5 до 200 человек (меньшие заведения не учитываются). Причины живучести мелкотоварного производства известны достаточно хорошо – это постоянный чрезмерный труд, принижение потребностей и т.д. /17, с. 350/. Но чем объяснить сохранение мелкокапиталистических предприятий, основанных на тех же общественных законах, что и гиганты чэболь? Причины этого заключались в следующем. Во-первых, как уже говорилось выше, имелся целый ряд отраслей, с настолько узким рынком сбыта, что их освоение крупному капиталу было невыгодно (к их числу до сих пор относится общее машиностроение). Во-вторых, крупный капитал не только вытеснял мелкий, но и активно сотрудничал с ним. В мелком производстве рабочие подвергались ничем не ограниченной эксплуатации, а заработная плата там была ниже. Это позволяло крупным предприятиям передавать мелким наиболее трудоемкие операции, удешевлять тем самым процесс производства, получать повышенную прибыль. Поэтому при благоприятной экономической конъюнктуре крупное производство обрастало подобными связями и создавало условия для функционирования иногда нескольких десятков таких мелких поставщиков. Пример подобной вертикальной кооперации в уже сложившемся виде существует в Японии. В-третьих, ряд крупных производств порождал новые мелкие предприятия. Так, с развитием частного автотранспорта появилась сеть заправочных и ремонтных станций, расширение производства бытовой электротехники также потребовало роста числа мелких ремонтных мастерских. Эта тенденция активно проявляет себя и в странах развитого капитализма. "Государственно-монополистический капитализм постоянно и ежечасно воспроизводит новых мелких собственников, создает новые сферы приложения мелкого капитала. Эти социальные группы порождены системой самого капитализма... являются структурными элементами высокоразвитого капитализма" /357, 1978, № 12, с. 101/.

Названные причины позволяли говорить об определенной связи между крупным и мелким капиталом, дополнившейся в 70-е годы новым обстоятельством. Подстегиваемое южнокорейским правительством, развитие рынка ценных бумаг вызвало появление значительного слоя мелких держателей акций. В 1976 г. на бирже были зарегистрированы 244 фирмы, а их акции распределились между 604 тыс. покупателей, к 1981 г. число фирм превысило 500, а

число держателей акций составило около 4 млн. человек /389, 1976, № 29, с. 12/.

Однако подобный "союз" крупного и мелкого капитала был непрочен, так как переход на выпуск другой продукции, затруднения при сбыте, введение новой технологии и многие другие обстоятельства могли прекратить это сотрудничество. Чэболь и другие крупные фирмы в поисках выгодных сфер приложения капитала осваивали все новые отрасли предпринимательства, вытесняя при этом более слабых конкурентов. На мелком производстве особенно тяжело сказывался недостаток кредитов, так как финансовые институты предпочитали предоставлять займы хорошо известным компаниям, поддерживаемым государством. Из 2916 млрд. вон займов, выданных в январе – июне 1977 г., лишь 1145 млрд. (39,3%) пошло мелким и средним предприятиям, из них 449,3 млрд. – тем из них, которые работали по контракту с крупными компаниями /389, 1977, № 40, с. 21/. Соответственно эти займы давались под повышенные проценты и на более короткие сроки.

Заведомо худшее положение мелких и средних предприятий на рынке капитала наряду с более жесткими условиями снабжения и сбыта создавало иллюзию того, что мелкое производство погибает не из-за плохой организации производственного процесса, а вследствие неравного положения вне сферы производства. Поэтому мелкая буржуазия требовала от государства более жесткой политики по отношению к крупным компаниям и льгот для себя. Но меры, принимавшиеся государством, неспособны были спасти от банкротства большую часть мелких заведений, да это и не отвечало его интересам. Тем не менее для финансирования мелких и средних предприятий был создан специальный банк, они были охвачены кооперацией (объединившей менее половины всех мелких предприятий), платили меньшие налоги, правительство закрывало глаза на вопиющие нарушения трудового законодательства на этих предприятиях и т.д. В каждой пятилетней программе предусматривалось, что несколько сотен средних и мелких фабрик и мастерских получат техническую помощь и средства для укрупнения производства. Однако все это было лишь каплей в море мелкого бизнеса, устойчивость которого обеспечивалась только его постоянным воспроизводством, так как начальный капитал для открытия "дела" невелик, и все новые "бизнесмены" пробовали силы в коммерции, рискуя своим небольшим состоянием.

Поэтому отношение мелкой буржуазии к правящему режиму было противоречиво. Ее недовольство порождалось тем, что режим не обеспечивал этому классу устойчивости и все более активно сотрудничал, особенно в экспортном производстве и внешней торговле, с крупным капиталом. Но тем не менее по ряду причин мелкая и средняя буржуазия поддерживали диктатуру Пак Чон Хи. Во-первых, они также получали значительные выгоды от развития экономики страны и связывали это с приходом к власти военных. Во-вторых, режим

все же предпринимал некоторые конкретные шаги в пользу мелкого производства и являлся его единственной защитой против растущего засилья крупного капитала. Мелкая буржуазия горячо приветствовала антикартельные мероприятия государства, контроль за монопольным сбытом товаров и другие ограничительные меры, демонстрировавшие независимость экономической политики государства от интересов крупного капитала.

В этих условиях проявились известные противоречия между правящим режимом и крупной буржуазией. Их причина – в двойственности экономической политики режима, пытавшегося совместить плановость со стихийностью капиталистического производства. Так, лишь угрозой отказа в кредитах удавалось перемещать предприятия во вновь создаваемые "промышленные зоны". Экономический кризис в капиталистическом мире, обострившийся конкурентную борьбу на внешних рынках, стал причиной усиления контроля за деятельностью фирм в целях более эффективного использования кредитов.

Особенно большое недовольство крупного капитала вызывали разного рода антикартельные законы и контроль над установлением монопольных цен. Например, в марте 1976 г. министерство экономического планирования опубликовало список 207 компаний, попавших под действие этих законов. Были взяты фирмы с оборотом (на 1975 г.) не менее 2 млрд. вон, продукция которых составляла свыше 30% производства данного продукта, или три фирмы в отрасли, совместное производство которых составляло не менее 60% от общего производства, и для них установлены максимально допустимые цены. Конечно, режим принял самые мягкие меры, причем обозреватели отметили наличие еще 296 фирм, которые тоже должны были бы попасть в этот список /389, 1976, № 14, с. 10, 11/. Предусмотрены были также повышенные налоги для корпораций, где имелись держатели пакета акций, составлявшего свыше 35% объявленного капитала.

Другой причиной противоречий служили спекулятивные устремления крупного капитала. Маркс отмечал: поскольку промышленный капитал именно в денежной форме образует исходный и конечный пункт процесса Д–Т...П...Т'–Т', то не потребительская, а меновая стоимость является целью данного движения, постоянно стремящегося к сокращению процесса до Д...Д', исключая посредствующие звенья /4, т. 24, с. 66, 67/. В Южной Корее крупные фирмы имели для этого все условия, поскольку обладали и валютой в виде кредитов, и дефицитными импортными товарами. Уверенные в своей безнаказанности и поддержке режима, они часто пускались в рискованные и противозаконные авантюры, растрачивая полученные средства на различные спекуляции. Поскольку заявки на импорт принимались из расчета существовавших производственных отраслей, многие компании сохраняли нерентабельные предприятия и строили новые фабрики, не используя, однако, этих мощностей, а импортируемые товары реализовали по спекулятивным ценам на внутреннем рынке, так как име-

ли разрешение продавать "излишки". Стремление крупного капитала к получению максимальных прибылей вне сферы производства отрицательно сказывалось на осуществлении официальной "политики развития" и вызывало раздражение властей.

Для южнокорейского крупного бизнеса, взращенного на иностранных кредитах, характерна также малая доля собственного, но большая - заемного капитала. Мобилизация внутренних ресурсов шла через финансовые каналы, однако государство таким образом регулировало ставки банковского процента, что кредитование банками индустрии было гораздо выгоднее промышленной буржуазии, нежели финансовой, разрыв между выплатами на вклады и ссуды составлял всего 1-1,2% (в Японии - 2,2, в США - свыше 3%) /378, 1971, № 14, с. 109/. Банки постоянно имели и имеют ряд просроченных ссуд. О том, насколько неблагоприятны для южнокорейской финансовой буржуазии существовавшие законы, говорит следующий пример. Девять филиалов иностранных банков в Южной Корее за шесть месяцев 1977 г. получили прибыль в 2,6 млрд. вон, что составило 20% прибыли пяти местных коммерческих банков, хотя каждый из коммерческих банков имел оплаченный капитал, в 60 раз превышавший капитал любого из иностранных филиалов. Поэтому акции южнокорейских банков постоянно имели и имеют низкую котировку на бирже. Однако политика режима в этой области была направлена на облегчение получения и выплаты кредитов промышленными фирмами, в то время как особенно остро стоял вопрос об их самофинансировании.

Режим решал эту объективно необходимую для самих промышленников задачу, вступая с ними в конфликт. В южнокорейском бизнесе сложилась практика семейственного ведения дел, когда фирмы и даже объединения возглавляются группой родственников, что вызывало широкое недовольство общественности. Особенно острой критике подвергалось закрытое управление чэболь, влияние которых на экономическую жизнь страны огромно. Использовав эту критику как предлог, режим побуждал крупную буржуазию перейти к широкому внедрению более современных форм организации капитала - акционерных компаний, для чего применялись различные методы давления: например, налог с корпорированных предприятий составлял 27%, а с некорпорированных - 40%. Пожалуй, ни одно из мероприятий режима не вызывало такого ожесточенного сопротивления крупной буржуазии, опасавшейся за свое влияние, как это, несмотря на то что хозяева компаний могли оставлять за собой пакет акций до 35% и выше, в то время как в США держательский пакет акций редко превышает 11-15%. Тем не менее с мая 1974 г., когда Пак Чон Хи сам - что подчеркивало важность решения - объявил о предстоящей продаже акций ряда фирм, по май 1976 г. были пущены в обращение акции 118 предприятий; это дало 310,7 млрд. вон, а сумма зарегистрированных на бирже ценных бумаг возросла с 453,9 до 1051,9 млрд.вон.

В названных противоречиях и методах их решения отразилась неоднозначная социальная роль режима Пак Чон Хи, обусловленная особенностями "экспортного развития" Южной Кореи, характером взаимодействия различных хозяйственных укладов в системе общественного производства.

Особенности социально-экономического развития Южной Кореи повлияли на конкретное содержание и классовый состав того блока сил, которому принадлежала в 60-70-е годы государственная власть, и на соотношение сил внутри этого блока.

Социальное содержание государственной власти в Южной Корее

Многоукладная экономика Южной Кореи породила дробность как экономических отношений, так и их общественных носителей, которыми выступали различные классы, слои и группы. В связи с этим одним из наиболее спорных вопросов остается до сих пор вопрос о социальном содержании государственной власти в Южной Корее при Пак Чон Хи. С его решением связано понимание всего комплекса проблем идейно-политического развития сеульского режима.

Курс правящего режима на превращение частнокапиталистического сектора в ведущий уклад экономики привел к непосредственному усилению позиций крупной буржуазии в различных сферах общественно-политической жизни, росту ее влияния на идеологию и политику сеульского режима.

Данные об активном участии южнокорейской буржуазии в деятельности государственного аппарата с первых дней существования режима Пак Чон Хи свидетельствуют о неправомерности оценки правящего режима Южной Кореи как замкнутой военно-бюрократической группировки. Даже в годы военного правления (1961-1963) кабинет министров формировался при содействии представителей южнокорейского капитала. Из 43 человек, входивших в то или иное время в состав военного правительства, было 11 представителей южнокорейских промышленно-финансовых кругов. Из них четверо - Ким Ю Тхэк, Кан Бён Гю, Ким Се Рен и Рю Чхан Сун - занимали до этого посты президентов различных южнокорейских банков и, следовательно, играли значительную роль в политике правительств Ли Сын Мана и Чан Мёна /214, с. 247-249/. Ким Ю Тхэк, влиятельный южнокорейский банкир, был назначен министром планирования в военном правительстве и сохранил за собой этот пост и в первом гражданском правительстве, сформированном в 1963 г., где он стал еще и заместителем премьер-министра. Пост министра финансов в этом правительстве также занимал бывший глава банка "Ки ынхэн" Пак Тон Гю /214, с. 252/.

Анализ состава кабинета министров Южной Кореи показывает, что в конце 60-х годов в центральном государственном аппарате происходило постепенное вытеснение военных бюрократов гражданс-

кими чиновниками, это свидетельствует о значительном усилении позиции буржуазии, делегировавшей их в правительственные органы. Так, в первом (после переворота 1961 г.) гражданском правительстве Южной Кореи из 18 министров лишь пятеро являлись профессиональными военными /214, с. 255/. Среди 89 человек, входивших в 1963-1970 гг. в правительство Южной Кореи, насчитывалось всего 26 бывших военных (29,2%), а число гражданских деятелей достигло 63 человек (70,8%)[2]. Абсолютное большинство всех гражданских политиков (41 человек из 63, или 69,2%) являлись представителями крупного финансово-промышленного капитала. Это были банкиры, президенты компаний и фирм, управляющие крупными предприятиями.

Указанная тенденция проявилась особенно отчетливо в социальном происхождении высших южнокорейских чиновников. Как признают сами южнокорейские авторы, к концу 60-х годов наметилась тенденция к повышению социального статуса администрации по сравнению с периодом военного правительства /214, с. 257/. Южнокорейские данные свидетельствуют о возрастании в центральном административном аппарате удельного веса представителей высших слоев общества. Лица, объединенные южнокорейским социологом Хан Джон Илем в довольно абстрактные категории "высшего" и "высшего среднего" классов, составили в 1963-1971 гг. 68,8% от общего числа чиновников /214, с.257/. Отметим, что даже в "аристократическом" аппарате Ли Сын Мана их было 66,9%. Вместе с тем начиная с 1961 г. в правительственных органах продолжалось неуклонное сокращение лиц из категории так называемого "низшего среднего класса" и "низшего класса". Характерно, что среди высших чиновников администрации Пак Чон Хи с 1961 по 1971 гг. не было ни одного выходца из рабочего класса, включенного южнокорейскими социологами в категорию "низший класс".

Заметно усилилось влияние южнокорейского капитала в Национальном собрании, где только по официальным данным в 1963-1970 гг. представителям крупной финансово-промышленной буржуазии принадлежало 24,2% всех мест /214, с. 259/. Любопытно, что руководители крупнейших южнокорейских чэболь в 60-е годы являлись постоянными членами Национального собрания, а после 1972 г. многие из них вошли в состав Национальной конференции по самостоятельному объединению, избирающей президента.

Влияние крупного капитала распространялось и на Демократическую республиканскую партию (ДРП). Ее деятельность являлась наилучшей иллюстрацией процесса формирования новой правящей группировки в Южной Корее, в основе которого лежало сращивание партийного и государственного аппаратов, стимулировавшееся экономической политикой режима и отвечавшее совместным интересам военщины и крупной буржуазии.

Еще в 60-е годы южнокорейские монополии активно поддерживали ДРП, увидев в этой партии удобный рычаг воздействия на го-

сударственную политику в своих интересах. На избирательную кампанию ДРП в 1963 г., по официальным данным, было затрачено 115,056 млн. вон, в то время как четырьмя другими крупнейшими партиями – 147,6 млн. вон /365, 1970, № 2, с. 49/. Однако, как утверждал южнокорейский политолог, эти цифры не давали полного представления о финансовых возможностях ДРП, которая в действительности потратила на выборы президента и депутатов 6-го Национального собрания около 2 млрд. вон (приблизительно 4 млн. долл.). Значительная часть этих средств была получена кассой правящей партии в виде "пожертвований" от представителей крупного бизиеса. В роли "благотворителей" выступали Корейская ассоциация текстильщиков, Корейский торгово-промышленный союз, Объединение корейских предпринимателей и другие организации, объединяющие южнокорейских бизнесменов.

Еще больше средств было отпущено ими ДРП на выборы депутатов 7-го Национального собрания (1967 г.). Даже по официальным данным, ДРП затратила 274,8 млн. вон (вся оппозиция – 201,96 млн.). Очевидно, что эти деньги были получены не за счет членских взносов, как это утверждает сеульская пропаганда. Заметим, что взносы составляют 10 вон с каждого члена ДРП и выплачиваются один раз в три месяца.

Стало известно и о поддержке ДРП империалистическими транснациональными корпорациями (ТНК). Б.Дорси, президент "Галф ойл корпорэйшн", признался на заседании сенатской подкомиссии конгресса США по делам ТНК о передаче ДРП в 1966 г. около 1 млн. долл. на организацию предвыборной кампании. В 1970 г., по его словам, правящая южнокорейская партия получила еще 3 млн. долл. /395, 26.05.1975, с. 39/.

Финансовая поддержка ДРП международным и местным капиталом сопровождалась проникновением в партию представителей южнокорейских монополий, постепенно занимавших ведущие посты в партийной иерархии. Особенно возросло влияние крупной буржуазии в ДРП после удаления Ким Джон Пхиля в мае 1968 г. с поста председателя ДРП и ликвидации в партии так называемого "основного течения", состоявшего из сторонников и близких друзей Кима, рвавшегося к власти. С этого времени власть внутри ДРП перешла к "большой четверке" – Ким Сон Гону, Ким Джин Ману, Пэк Нам Оку и Киль Джэ Хо, которые, как отмечал южнокорейский политолог Хан Сын Джо, "находились в дружеских отношениях с Пак Чон Хи и пользовались его личным доверием" /214, с. 270/.

Ким Сон Гон, крупнейший южнокорейский промышленник, являлся главой распавшейся ныне корпорации "Кымсон", а в 70-е годы стал одним из владельцев объединения "Хангук синхын чэболь". Ему принадлежал также ряд предприятий корпорации "Саннён", и средн них – "Саннён сементхы", информационное агентство "Тонъян тхонсин", а также фирма "Кымсон панджик" /214, с. 272/. Назначение Ким Сон Гона в 1968 г. на пост заведующего финан-

совым отделом ДРП являлось своеобразным олицетворением крепнущего союза крупного капитала с администрацией Пак Чон Хи. Назначение представителей монополистического капитала на руководящие посты в финансовых и экономических органах ДРП и в государственном аппарате стало постоянной практикой сеульских властей. По сообщению журнала "Эйшн сервей", бюджетную комиссию Национального собрания Южной Кореи возглавлял родной брат руководителя могущественной корпорации "Накхи", а Ким Сон Гон, глава объединения "Саннён", занимавшего второе место в южнокорейской монополистической иерархии, был некоторое время председателем ЦК ДРП и председателем финансово-экономической комиссии Национального собрания /370, 1976, № 5, с. 474/.

В 1971 г. Ким Сон Гона на посту заведующего финансовым отделом ДРП сменил Ким Джин Ман, бывший глава химического объединения "Пукхан", в прошлом член ЦК Либеральной партии Ли Сын Мана /45, 1973, с. 49/.

Эта тенденция еще более усилилась после событий 1972 г., укрепивших позиции Пак Чон Хи. О расширении влияния крупного капитала в ДРП свидетельствовал состав ее руководящих органов в 70-е годы. Так, во главе политического комитета ДРП стоял некий Ку Тхэ Хве, являвшийся ранее заместителем главы объединения "Хангук кэйбл". Секретариат правящей партии возглавлял Киль Джон Сик, президент фирмы "Сынма" с 1964 г. Известен своими связями с крупным капиталом и Хён О Бон, являвшийся заведующим отделом внутренних дел ДРП. При Ли Сын Мане он был депутатом Национального собрания и входил в руководство Либеральной партии. Ли Бён Ок, ставший в середине 70-х годов заместителем заведующего политическим комитетом и руководителем отдела политических исследований ДРП, в 1960 г. занимал пост заместителя главы "Хонъик киоп". Другой заместитель заведующего политическим комитетом, Цой Ён Хи, в 1966 г. возглавлял объединение "Тэхан чонхап сикпхум". Кроме того, все эти деятели являлись в 60-е годы бессменными депутатами Национального собрания, а после 1972 г. большинство из них стали депутатами Национальной конференции по самостоятельному объединению.

Приведенные данные показывают, что усиление влияния крупной буржуазии в ДРП сопровождалось повышением роли этой партии в общественно-политической системе Южной Кореи, поскольку буржуазия рассматривала свое участие в ДРП как наиболее эффективное средство влияния на государственную политику. Администрация Пак Чон Хи также была заинтересована в укреплении ДРП и допускала в определенных рамках усиление тех или иных группировок буржуазии в аппарате партии.

Следует отметить, что "экспортное развитие" Южной Кореи, многоукладность ее экономики и противоречивая политика сеульских правителей затрудняли решение вопроса о социально-классовом характере режима Пак Чон Хи. Пользуясь этим, буржуазные идео-

логи, апологеты "модернизирующей" роли армий в развивающихся странах, развернули широкую пропаганду идеи о "надклассовом" характере южнокорейского режима, чьи экономические успехи якобы приносят выгоду всем без исключения слоям общества. При этом особо подчеркивалась "независимость", "нейтральность" правящей группировки, выступающей, по их мнению, в роли беспристрастного "арбитра" и не поддающейся чьему-либо влиянию. Идея о "нейтральности" представителей нового режима Южной Кореи, нередко именовавшихся в буржуазной литературе "военными бюрократами", наилучшим образом соответствовала тезису о "модернизирующей" роли и "надклассовом" характере южнокорейской военщины, усиленно распространявшемуся идеологами неоколониализма.

Рассмотрение основных тенденций социально-экономического развития Южной Кореи в 60-70-е годы позволяет нам сделать однозначные выводы о классовой сущности и социальном содержании власти при режиме Пак Чон Хи. Государственная власть в Южной Корее в этот период принадлежала социальному блоку, в состав которого входили крупная буржуазия, руководство армией и верхушка партийной бюрократии. Ведущую роль в этом правящем блоке (хотя это и не всегда ярко выражено) играли представители монополистического капитала. В условиях господства этой группировки неуклонное повышение относительной самостоятельности южнокорейского государственного аппарата, проявлявшееся в увеличении численности бюрократии, в наделении исполнительной власти все новыми и новыми прерогативами, в усилении милитаризации страны, можно определить, используя меткое выражение Ф.М.Бурлацкого, как "свободу рук для защиты всей политической и социальной структуры в целом" /85, с. 260/.

Сложный и противоречивый процесс социально-экономического развития Южной Кореи отразился в идеологии и политике режима Пак Чон Хи, ставших концентрированным выражением экономических интересов сеульской правящей верхушки. Ускоренное развитие капитализма в Южной Корее повлияло на установление более тесной связи между экономикой и идеологией режима, выразившейся в том, что каждому этапу экономического развития Южной Кореи соответствовала определенная доминировавшая политико-идеологическая доктрина, выполнявшая специфическую социальную функцию и подготовлявшая основу для новой концепции, более полно отвечавшей интересам правящих кругов.

Учитывая это, можно выделить два основных этапа в идейно-политическом развитии режима Пак Чон Хи. Первый из них был связан со стратегией ускоренного экономического роста и обусловлен особенностями социально-экономического развития Южной Кореи в 1962-1972 гг. Второй этап, начавшийся с так называемых "октябрьских реформ обновления" 1972 г., был предопределен кри-

зисными явлениями в экономической и политической жизни страны в начале 70-х годов, углублением монополистических тенденций в экономике и характеризовался значительным усилением идеологической функции южнокорейского государства, выразившимся в попытках создания общеполитической теории.

Глава 3

ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА СЕУЛЬСКОГО РЕЖИМА В 1961–1979 гг.

Рассматривая причины идейно-политического краха, постигшего режим Пак Чон Хи в конце 70-х годов, остановимся на наиболее характерных чертах идеологической экспансии неоколониализма в Южной Корее, зависимости идеологии и политики сеульских властей в 60–70-е годы от характера и этапов социально-экономического развития страны, особенностях корейского буржуазного национализма в период правления Пак Чон Хи.

Начиная с 60-х годов стратеги неоколониализма начали усиленно пропагандировать тезис о возможности независимого развития афро-азиатских стран как в рамках капитализма, так и вне их, но при условии выработки особой "модели третьего пути". В пропаганде так называемого "третьего пути" развития отчетливо проявился ориентация империалистических кругов на правый, антикоммунистический национализм /165, с. 242; 163, с. 8–18; 166, с. 49/.

Утверждения буржуазных идеологов о появлении "нового типа национализма" и "третьем", "среднем" пути развития афро-азиатских стран были призваны показать органическую связь национализма со становлением в этих государствах капиталистических общественных порядков. Этой цели служили многочисленные модели и схемы капиталистической "модернизации", разрабатывавшиеся стратегами неоколониализма в качестве альтернативы марксистско-ленинскому учению о социально-экономических формациях. Пропаганда "третьего", или "среднего", пути "модернизации" рассматривается идеологами антикоммунизма в качестве важнейшего средства защиты и укрепления позиций капитализма в развивающихся странах, ослабления влияния мирового социализма и международного коммунистического движения.

Теории "третьего пути" чрезвычайно разнородны и включают идейные течения, различающиеся между собой по социальному содержанию и общей направленности. Как показывают исследования советских ученых, идейно-политические программы "третьего пути" могут

в ряде случаев иметь общедемократическое и антиимпериалистическое содержание и играть важную роль в продвижении освободившихся государств по пути прогресса. Однако противоречивость и ограниченность националистических воззрений неизбежно приводят представителей данного направления к попыткам создать "синтез" противоположных и несовместимых друг с другом идеологий – социалистической и буржуазной, сконструировать "третий путь" при помощи концепций "смешанной экономики", "национального социализма", "исламского национализма" и т.д. /166, с. 233–235/. Подобного рода теории "национального социализма", отвергая идеологию научного социализма, означают, в сущности, идейный компромисс с неоколониализмом на буржуазно-реформистской основе. Как справедливо отмечал Р.А.Ульяновский, "третий путь", если очистить эту идею от националистической оболочки, оказется на деле синонимом буржуазного экономического прогресса на основе государственного программирования и регулирования экономики /174, с. 534/.

Стратеги неоколониализма возлагали особые надежды на идейно-политические платформы тех азиатских государств, в которых "третий путь" трактовался как соединение консервативных традиций прошлого с реакционными формами буржуазной эволюции общества. Подобные концепции, служащие идейной основой союза империализма с местной реакцией, получили наибольшее распространение в развивающихся государствах капиталистической ориентации. Примером такой страны стала Южная Корея, где на практике проходили испытание неоколониалистские теории "взаимозависимости", "модернизации", "экономического роста", "политического лидерства" и т.д.

Южная Корея, занимающая особое место в неоколониалистской стратегии империализма, всегда рассматривалась им как важнейший участок идеологического противоборства двух социальных систем. По замыслам идеологов империализма, капиталистическое развитие Южной Кореи в 60–70-е годы должно было послужить доказательством "преимуществ" буржуазной эволюции развивающихся стран, наглядным примером "эффективности" программ неоколониалистского "партнерства". Поднимая на щит некоторые количественные показатели быстрого экономического роста Южной Кореи в 60-е годы, достигнутого благодаря беспрецедентной финансово-экономической помощи империализма, буржуазная пропаганда настойчиво пытается выдать "южнокорейскую модель" за образец для развивающихся стран, доказывающий якобы возможность "независимого" развития в рамках капиталистических отношений.

Приход к власти в Южной Корее группировки во главе с Пак Чон Хи, изменения в неоколониалистской стратегии империализма на рубеже 60-х годов – все это требует от советских востоковедов нового подхода к оценке социально-экономических и особенно идейно-политических процессов в этой стране. Необходимость такого анализа становится еще более очевидной на фоне резко возросшего в 60–70-е

годы интереса буржуазной историографии к проблемам корееведения, в том числе и к его идейно-политическим аспектам. Следуя в общем русле идеологической экспансии неоколониализма, западные буржуазные корееведы не только создавали искаженную картину процессов идеологического развития Южной Кореи, но и использовали историографию как важнейший канал идеологического влияния на общественные науки в этой стране.

В 60-70-е годы пропаганда пресловутой теории "модернизации" превратилась, по существу, в главное направление идеологического наступления западных буржуазных корееведов. Впервые о необходимости рассматривать идейно-политическое развитие Южной Кореи "с точки зрения перспективы политической модернизации" заявил в 1965 г. на страницах журнала "Пэсифик сайенс джорнэл" профессор Гарвардского университета Ким Ген Вон /396, 1965, т. 38, № 2, с. 171/. О том, что "национальная модернизация" должна стать одной из центральных задач идеологии и политики южнокорейского режима, писал в своей книге американский востоковед О Гечан /314, с. 174/. Американские экономисты Коул и Лиман, отмечавшие важность "модернизации", в то же время с сожалением признавали отсутствие у военного режима "ясного понимания идеологии модернизации" на первом этапе его существования (1961-1963 гг.) /245, с. 87/. Наиболее полно взгляды западных буржуазных авторов на проблемы южнокорейской идеологии отразились в коллективной работе американских корееведов "Политика и правительство Южной Кореи", подготовленной институтом по изучению Кореи в Мерилэнде. В этой работе "модернизация" признавалась "политической программой администрации Пака", важнейшим элементом государственной идеологии Южной Кореи /263, с. 36/.

В 70-е годы появилось большое количество апологетических работ, усиленно пропагандировавших программу "модернизации" режима Пак Чон Хи в качестве универсального образца "динамичного руководства" для развивающихся стран /278, с. 133-139/. Буржуазной пропагандой активно распространялась в развивающихся странах книга австралийского журналиста М.Кеона "Корейский феникс", в которой освободившимся государствам настойчиво рекомендовался опыт "политической модернизации" Южной Кореи, заключенный якобы в "теории политического руководства" Пак Чон Хи" /283, с. 78/.

Политическая идеология режима Пак Чон Хи в период ускоренного экономического роста (1962–1972 гг.)

Предпосылки создания политической платформы режима Пак Чон Хи

Крах антинародного лисынмановского режима, подъем общедемократического движения и, наконец, реакционный военный переворот 1961 г. – все эти явления южнокорейской действительности свидетельствовали об обострении политической и идеологической борьбы прогрессивных и реакционных сил Южной Кореи в конце 50–х – начале 60–х годов. Приход к власти военной хунты означал временную победу реакции, но вместе с тем продемонстрировал бессилие южнокорейской буржуазии сохранить свое господство старыми методами идеологического и политического воздействия на массы.

В этих условиях важнейшей задачей военного режима стали поиски новых методов защиты пошатнувшихся устоев капиталистического строя в Южной Корее. Об этом было объявлено в первом программном заявлении Военно–революционного комитета (ВРК, так именовалась хунта с 16 по 19 мая 1961 г.)[1]. Составители заявления назвали его "революционными обещаниями" /313, с.17/. В этом документе, носившем явный пропагандистский характер, хунта, нуждавшаяся в одобрении и поддержке так называемого "свободного мира", заявляла о своей верности "дружбе" с США, обещала соблюдать Устав ООН, передать власть конституционному гражданскому правительству, приложить все силы к объединению Кореи, создать "самообеспечивающуюся" экономику, искоренить коррупцию в государственном аппарате. Своей важнейшей задачей новый режим объявил усиление антикоммунизма и превращение его в "главный принцип государственной политики".

Громкие "обещания" хунты были призваны отвлечь внимание общественности от репрессий, осуществлявшихся сеульскими властями против прогрессивных и демократических сил под предлогом борьбы с "коммунистической" и "антигосударственной" деятельностью. Сразу же после переворота хунта распустила 15 политических партий и 238 общественных организаций. Репрессии обрушились на Социалистическую партию, Социалистическую массовую партию, Партию обновления, Единую социалистическую партию и другие политические организации, выступавшие за мирное, самостоятельное объединение Кореи /201, с. 100/. Военные власти казнили председателя Социалистической партии Цой Гын У, заведующего орготделом этой партии Цой Бэк Кына, члена политбюро Единой социалистической партии Ли Хун Гу. В тюрьму были брошены председатель Социалистической массовой партии Ким Даль Хо, лидеры Новой демократической партии Ю Джин Сан и Со Мин Хо. О масштабах репрессий свидетель-

ствовало то, что только с 16 по 20 мая 1961 г. в Сеуле было арестовано 6677 человек /332, с. 150/. Разгромленные военщиной партии были по своему составу и по природе мелкобуржуазными. Репрессии против них подтвердили связь нового режима с крупной буржуазией, серьезно обеспокоенной высвобождением мелкобуржуазных слоев из-под ее контроля и стремившейся любым путем приостановить рост в этой среде антиимпериалистических настроений.

О лицемерии "революционных обещаний" и тесных связей нового режима с заправилами южнокорейского бизнеса свидетельствовали также результаты демагогической кампании по борьбе с "незаконно нажившими богатство", развернутой хунтой для привлечения симпатий широких слоев населения. По признанию влиятельного американского журнала "Эйшн Сервэй", "Программа борьбы с предпринимателями, незаконным путем нажившими капитал, претерпела ряд изменений и... помогла многим из них не только возобновить свою деятельность, но и создать в конечном итоге огромные торгово-промышленные объединения" /370, 1976, т. 16, № 5, с. 471/.

Под видом борьбы с "антигосударственной деятельностью" Пак Чон Хи провел также "чистку" в армии и в военном руководстве. 3 июля 1961 г. были смещены формальный глава хунты Чан До Ён и другие неугодные Паку офицеры, преграждавшие ему путь к диктатуре. Все они были арестованы по обвинению в подготовке заговора. Вскоре после этого Пак Чон Хи возглавил ВСНР и приступил к дальнейшему укреплению власти.

Как уже говорилось выше, жизнеспособность своего режима Пак Чо Хи и его окружение не без основания связывали с успешным развитием экономики страны, находившейся в состоянии упадка и застоя. Однако создание "самообеспечивающейся" экономики Пак Чон Хи обусловливал так называемой политической стабильностью, достигаемой, по его мнению, лишь путем ограничения демократических свобод и установления личной диктатуры.

С надеждами на укрепление диктатуры было связано и осуществление первой пятилетней программы экономического развития. Пак считал, что наилучшие условия для успешного осуществления этой программы могут быть созданы лишь при военном режиме. Поэтому вплоть до начала 1963 г. он заявлял о необходимости продления власти военного правительства. 16 марта 1963 г., выступая по радио и телевидению, он опять подчеркнул необходимость продлить существование "временного военного правительства" еще на четыре года, мотивируя это тем, что страна "не созрела" для гражданского демократического управления[2]. Одновременно было вновь введено чрезвычайное положение.

Решение хунты вызвало возмущение южнокорейской общественности. Против военного режима выступили оппозиционные политические деятели – Юн Бо Сон, Хо Джон, Ким Бен Но, Ли Бом Сок, Пен Ён Тхэ, Квак Сан Хун и Пак Сун Чхон. Их действия сводились

к провозглашению громких лозунгов в защиту либеральной демократии и получили название "идеологических дебатов 1963 года". Следует отметить, что "идейные дискуссии", развернутые указанными деятелями, лишь способствовали успеху Пак Чон Хи на выборах 1963 г. Это объясняется тем, что не имевшие позитивной социально-экономической программы "старые политики" призывали фактически к реставрации лисынмановских порядков. Естественно, что на фоне их абстрактных заявлений о стремлении к "демократии" более конкретная экономическая программа Пак Чон Хи привлекала большое внимание. Вместе с тем политические методы сеульских властей, их стремление к продлению военного управления страной привели к антиправительственным выступлениям во многих городах Южной Кореи. 23 марта 1963 г. в Сеуле состоялась демонстрация, участники которой несли транспаранты с лозунгами: "Долой военную хунту!", "Правление хунты - трагедия для народа!", "Требуем передачи власти гражданскому правительству!".

Диктаторские устремления Пак Чон Хи не были поддержаны и администрацией Кеннеди, вынужденной в тот период сдерживать чрезмерные амбиции сеульских властей. США, опасаясь демократического движения, держали курс на утверждение в развивающемся мире так называемых "либеральных демократических государств", выступали за сохранение урезанных буржуазно-демократических свобод /127, с. 34/. Администрация Кеннеди связывала стабильность южнокорейского режима с мерами, направленными на обновление его фасада, в частности с проведением выборов президента и в Национальное собрание, с возобновлением деятельности буржуазных политических партий. Стремление южнокорейских властей продлить военную диктатуру вызвало в Белом доме тревогу за судьбу капиталистических порядков в этой стране. 25 марта 1963 г. представитель государственного департамента по вопросам печати Линкольн Уайт, выражая мнение правящих кругов США, заявил: "Мы считаем, что продление военного правления может представлять угрозу устойчивости и дееспособности правительства, и, насколько нам известно, этот вопрос пересматривается южнокорейским правительством. Мы надеемся, что хунта и главные политические группы в Южной Корее смогут совместно разработать процедуру перехода к гражданскому правлению" /130, с. 138/.

Чтобы сделать сеульских руководителей более сговорчивыми, на них был оказан экономический нажим. Правительство США отказалось предоставить Южной Корее экстренный заем в 25 млн. долл. и стало задерживать поставку сельскохозяйственных продуктов. Одновременно, в соответствии с новым характером американской экономической "помощи", были резко сокращены долларовые субсидии и заторможено предоставление так называемых "займов развития". В результате выполнение первой пятилетней программы, составленной в расчете на приток иностранного капитала, оказалось под угрозой срыва.

В этих условиях сеульские власти были вынуждены отказаться от немедленного установления авторитарного режима и приступили к подготовке перехода к гражданскому управлению. Стремление удержать власть в своих руках на предстоящих выборах заставило военное руководство ускорить выработку политической программы, рассчитанной на расширение социальной опоры режима. Новым явлением в официальной идеологии Южной Кореи стали попытки теоретически обосновать систему политического господства правящей группировки. Для этого были использованы самые разнообразные приемы и методы идеологической обработки населения, включая пропаганду ложных представлений о природе капитализма и искажение характера процессов социально-экономического и политического развития Южной Кореи. С этой же целью была предпринята попытка выработки более широких мировоззренческих основ, как-то соотносимых с духовной культурой корейского народа. В результате одним из основных элементов политической идеологии режима Пак Чон Хи стал корейский буржуазный национализм, в разжигании которого сеульское руководство видело важнейшее средство воздействия на сознание трудящихся для отвлечения их от насущных социальных проблем.

Кроме того, на формирование политической идеологии режима Пак Чон Хи большое влияние оказали органы империалистической пропаганды США, Японии и других капиталистических государств. Идеологическая экспансия империализма в Южной Корее с приходом к власти нового руководства значительно усилилась и приобрела ряд новых особенностей, связанных с возросшей заинтересованностью империалистических кругов в более активном вовлечении Южной Кореи в систему капиталистического международного разделения труда. Выражением совместных экономических и политических интересов правящей верхушки Южной Кореи и империалистических государств стала неоколониалистская теория "модернизации", выступающая и поныне в качестве "мировоззренческой" основы южнокорейской политической идеологии.

Теория "модернизации" – идеологическое оружие неоколониализма в Южной Корее

Теория "модернизации", занявшая в 60-е годы центральное место среди антикоммунистических доктрин империализма, была не случайно положена в основу идеологической платформы режима Пак Чон Хи. Эта теория была призвана доказать "преимущества" экономической и политической системы капитализма, "историческую неизбежность" развития афро-азиатских государств по этому пути. Применительно к Южной Корее эта теория должна способствовать формированию у широких масс ложного мировоззренческого представ-

ления о перспективах социально-экономического и идейно-политического развития страны.

В основе теории "модернизации" лежало выхолащивание подлинной сущности социальных процессов в афро-азиатском мире. Несмотря на то что буржуазными идеологами до сих пор не выработано единой оценки и определения процесса "модернизации", во всех разновидностях этой теории присутствует тезис о переходе отсталых афро-азиатских стран от "традиционного" к "современному", или "индустриальному", т.е. капиталистическому обществу. Теория "модернизации", таким образом, является одним из вариантов концепции "индустриального общества" У.Ростоу и тесно связана с доктриной "постиндустриального общества", проповедуемой З.Бжезинским, Г.Каном и А.Винером.

Цель многочисленных схем "модернизации", предлагавшихся и предлагаемых ныне буржуазными идеологами для афро-азиатских стран, всегда состояла в апологии политической системы Запада, в пропаганде наиболее консервативных, реакционных форм правления. Подтверждением этому служит и вариант "модернизации", выдвигавшийся в качестве общесоциологической теории развития Южной Кореи стратегами неоколониализма и подхваченный сеульскими идеологами.

Разработке южнокорейской разновидности " модернизации" была посвящена специальная международная конференция по проблемам модернизации Азии, проходившая в Сеуле с 28 июня по 7 июля 1965 г. Эта конференция, на которой проявился новый политический курс сеульского руководства и новый подход теоретиков неоколониализма к проблемам развития Южной Кореи, была организована Азиатским исследовательским центром университета Корё. В ней принимали участие 66 специалистов по проблемам идеологии и политики из США, Японии, Англии, ФРГ, Индии, Тайваня, Гонконга и Филиппин. На конференцию были приглашены известные американские востоковеды, тесно связанные с формированием государственной политики США – Р.Скалапино, Л.Пай, Г.Пэйдж, У.Хенсорн, Г.Хендерсон.

Материалы конференции свидетельствуют о том, что южнокорейские идеологи полностью приняли предложенную им западными партнерами общую схему "модернизации", цель которой заключалась в обосновании и оправдании развития Южной Кореи по пути, навязанному ей империализмом США и внутренней реакцией. Не решаясь открыто изложить суть "модернизации", якобы призванной стать альтернативой развития афро-азиатских стран по пути "независимости и прогресса", буржуазные теоретики прибегли к туманным рассуждениям о "неизбежности модернизации". Главный вывод конференции заключался в абстрактном утверждении, что "силы, стремящиеся к модернизации, преобладают в нашу историческую эпоху и Азия не сможет избежать натиска этих сил. Обращение к модернизации неизбежно" /275, с. 807/. При этом не уточнялось, что из себя представляют эти силы и почему они "преобладают".

Вывод о неизбежности "модернизации" сопровождался оговоркой, что результаты этого процесса могут быть различными, поскольку, "южнокорейское общество может стать или беспомощной жертвой, или направляющей силой процесса модернизации" /275, с. 810/. Подобный подход к "модернизации" позволял применить эту схему к любому из периодов южнокорейской истории. Сводя развитие Южной Кореи к успехам или неудачам "модернизации", указанный метод давал возможность изобразить кризисные явления южнокорейского общества, являвшиеся результатом политики неоколониализма, лишь как следствие неправильного руководства процессом "модернизации" со стороны Ли Сын Мана, Чан Мёна или любого другого деятеля. Это позволило также представить развитие страны в виде последовательной смены различных этапов "модернизации", в ходе которых Южная Корея должна якобы постепенно превратиться в "развитое индустриальное общество".

Особое внимание на конференции 1965 г. было уделено определению основных элементов южнокорейской "модернизации", которые позволили бы буржуазным идеологам не только провести искусственную грань между этапами "модернизации", но и определить экономическое и политическое содержание этого процесса. Главное внимание уделялось социально-экономическому аспекту. Южнокорейская сторона полностью поддержала призывы к "индустриализации", исходившие от западных идеологов. "Модернизация в Азии означает прежде всего индустриализацию", - заявил южнокорейский политолог Чха Ги Бек /275, с. 342/. Его поддержал Ли Ён Хо, подчеркнувший, что "модернизация в Южной Корее... тесно связана с проблемой экономического роста" /275, с. 434/. О том, что "модернизация характеризуется возросшим значением индустриализации", - говорил в своем выступлении и Хам Бён Чхун /275, с. 412/. Общее мнение участников конференции по этому вопросу было отражено в заключительном документе, где отмечалось, что "экономическое развитие - непременное условие модернизации в Азии" /275, с. 808/.

Выдвижение индустриализации в число первоочередных задач "модернизации" Южной Кореи ни в коем случае не означало признания, пусть даже частичного, буржуазными идеологами примата экономики над политикой или же объективной необходимости развития самостоятельной национальной промышленности. Требование осуществить "индустриализацию" объяснялось прежде всего изменениями в экономической стратегии империализма. Призывы к "индустриализации" Южной Кореи должны были послужить обоснованию неоколониалистских лозунгов "равного партнерства", требовавших от Южной Кореи более активного участия в системе мирового капиталистического хозяйства. "Индустриализация" означала также переход империалистических государств к кредитно-заемной форме финансирования экономики Южной Кореи. В основе "индустриализации" лежала так называемая "экспортная модель развития", призванная еще более усилить зависимость Южной Кореи от империалистических государств.

Помимо усиления экономической зависимости с "индустриализацией" было связано обоснование новых форм политического давления под предлогом создания благоприятных условий для экономического роста. "Необходимой предпосылкой экономической модернизации является политическая стабильность", – заявил Р.Скалапино /275, с. 372/. Гарантом политической стабильности была объявлена политическая система буржуазной демократии. Большинство участников сеульской конференции указывало на то, что социально-экономическому процессу "индустриализации" в политической области соответствует буржуазная демократия. Ставя демократию в прямую зависимость от уровня "индустриализации", буржуазные ученые в то же время заявляли, что "индустриализация может предшествовать демократии", подчеркивая, что, "если молодые азиатские государства попытаются достичь одновременно индустриализации и демократии, они потеряют и то и другое" /275, с. 342, 348/. Заимствуя тезис одного из глашатаев теории "модернизации" – американского дипломата и японоведа Эдвина О.Рэйшауэра о том, что в азиатских странах "демократизация не является необходимой частью модернизации", Чха Ги Бек утверждал, что ускоренный экономический рост может вполне компенсировать "временное ограничение демократии" /275, с. 342/.

Наиболее благоприятные условия для "индустриализации", по общему мнению западных и южнокорейских идеологов, могло создать лишь "сильное политическое руководство", роль которого была особо подчеркнута на конференции в Сеуле. "Эффективная модернизация в развивающихся государствах зависит от того, смогут ли они установить сильное политическое руководство или нет", – заявил Чха Ги Бек, указывая на то, что только "руководство сверху способно навести в стране порядок и энергично осуществить процесс индустриализации" /275, с. 345–348/. Р.Скалапино назвал политическое руководство "решающим фактором экономической модернизации" /275, с. 372/.

Перед политическим руководством в Южной Корее ставилась задача приложить все силы к укреплению "среднего класса (т.е. буржуазии. – *Авт.*) и превращению его в главную движущую силу модернизации" /275, с. 346/. На укрепление позиций буржуазии была направлена пропаганда такой партийно-политической системы, при которой, как подчеркивал Р.Скалапино, "одна доминирующая партия могла бы одновременно возглавлять процесс индустриализации и защищать интересы правящей элиты" /275, с. 351/. Такая система, по мнению Чха Ги Бека, неизбежно привела бы к усилению роли государства в общественно-политической жизни /275, с. 343/.

Создание столь консервативной, даже с точки зрения буржуазной демократии, политической системы обосновывалось утверждениями о специфике социально-политического развития азиатских стран, обусловленной якобы воздействием "традиционных ценностей". "Самое опасное для азиатских государств – потерять все связи с тра-

диционными ценностями", – подчеркивалось на сеульской конференции /275, с. 807/. Отказавшись от неприкрытой апологии политических систем Запада, от насильственного навязывания развивающимся странам японской модели "модернизации", буржуазные идеологи прибегли к оправданию политической реакции необходимостью усиления национализма /356, 1975, № 2, с. 42–50/. В активизации буржуазно-националистических концепций развития афро-азиатских государств, выделении национализма как одной из основ "модернизации" Южной Кореи проявился новый подход теоретиков неоколониализма к национализму в развивающихся странах, отражавший их стремление возвести национализм в ранг "идеологии века" /297, с. 16/.

Сеульские идеологи с готовностью откликнулись на это выдвижением концепции "национального субъективизма" ("чучхесон") в качестве одной из основ южнокорейской "модернизации". Социально-политическую структуру "модернизированного" южнокорейского общества Чха Ги Бек пытался представить в виде "синтеза заимствованных политических институтов и элементов традиционной культуры" /275, с. 347/.

Пропаганда неоколониалистской схемы экономического и политического развития Южной Кореи, разработанной на конференции в Сеуле в 1965 г., еще более усилилась в последующие годы. С этой целью был проведен ряд мероприятий, организованных благодаря щедрым субсидиям американских монополий. Так, в апреле 1967 г. в Западномичиганском университете США состоялась двухдневная Национальная конференция по Корее, в работе которой приняли участие представители южнокорейского правительства. В апреле 1968 г. была проведена вторая такая конференция. В этом же году в Северо-Западном университете США обсуждались вопросы планирования южнокорейской экономики. В сентябре 1969 г. в Сеуле Объединенный комитет США по изучению Кореи и Азиатский научно-исследовательский центр университета Корё организовали конференцию на тему "Корея: традиции и перемены", центральным вопросом которой была "модернизация" Южной Кореи. В июне 1971 г. в Гавайском университете США состоялся семинар на тему "Традиционное корейское общество и его культура", на котором было уделено особое внимание разработке концепции "национального субъективизма", лежащей в основе корейского буржуазного национализма. Пути "модернизации" Южной Кореи обсуждались также в 1971 г. на конференции по проблемам Азии в Висконсинском университете (США). Участники всех этих мероприятий пропагандировали главный вывод сеульской конференции 1965 г. о том, что основными элементами южнокорейской модернизации должны стать "индустриализация, демократия и национализм" /275, с. 806/. Антинаучная буржуазная трактовка этих понятий послужила "методологической" основой идеологических концепций сеульского режима в 60-е годы. Проследим подробнее возникновение и формирование этих концепций.

Теория "административной демократии" – основа первой политической программы сеульских властей (1962-1966 гг.)

Политической доктриной, определившей программу действий сеульского режима в период осуществления первой пятилетней программы экономического развития (1962-1966 гг.), стала так называемая теория "административной демократии", отразившая стремление южнокорейского руководства создать такую политическую систему, которая, допуская некоторые элементы буржуазной демократии, предоставляла бы возможность дальнейшей трансформации режима вправо. Кроме теории "модернизации" на формирование этой доктрины оказали влияние другие реакционные концепции американской политологии, обосновывавшие происходивший в конце 50-х – начале 60-х годов процесс авторитарного перерождения институтов буржуазной демократии в капиталистических странах и связанные с усилением исполнительной власти и падением роли законодательных органов. В теории "административной демократии" отразились также популярные в американской политической науке того времени волонтаристские концепции "политического руководства в массовом обществе" и "президентского руководства", задачей которых являлось оправдание необходимости сильной власти, "героического руководства" для подавления растущей политической сознательности масс. Этим же целям служила и теория "административной демократии". Ее основные положения были сформулированы в изданной в 1962 г. работе Пак Чон Хи "Путь нашей нации" и в появившейся в сентябре 1963 г. книге "Государство, революция и я"[3].

Появление первой южнокорейской политической доктрины одновременно с началом осуществления пятилетней программы развития экономики и подготовкой к переходу к гражданским формам управления определило стратегию и тактику сеульских властей. Стратегический характер программы режима Пак Чон Хи отразился в обосновании выдвинутого хунтой лозунга "экономика прежде всего", за которым скрывался призыв к ускоренной индустриализации Южной Кореи за счет преимущественного развития экспортных отраслей промышленности, опоре на иностранный капитал и усилению эксплуатации трудящихся. Лозунг "экономика прежде всего" должен был, по утверждению Пак Чон Хи, стать ведущим принципом "направляемой капиталистической системы", предложенной в качестве идеальной социально-экономической модели для Южной Кореи /317, с.171/.

Особенно широко рекламировались обеспечиваемые якобы этой системой экономические права, в действительности означавшие предоставление ряда гарантий южнокорейской буржуазии и являвшиеся пустой демагогией для трудящихся. В первую очередь новые сеульские власти заявляли о своей верности принципам частного предпринимательства и гарантировали неприкосновенность частной соб-

ственности /320, с. 229/. Стремясь выглядеть защитником интересов мелкого и среднего капитала, Пак Чон Хи попытался даже изобразить усиление роли государственного аппарата как средство борьбы с монополиями, притеснявшими эту часть южнокорейской буржуазии /320, с. 226–229/. Успокаивая буржуазию, Пак заявлял, что введение элементов экономического планирования ни в коем случае не будет сдерживать "свободы и инициативы частного предпринимательства" /320, с. 224/.

Усиление роли государства в экономической жизни преподносилось как мера, направленная на превращение экономики Южной Кореи в "самообеспечивающуюся", городов страны – в "индустриальные центры", деревень и сел – в "процветающие фермерские хозяйства по образцу Дании" /320, с. 4/. Такие идиллические картины должны были создавать в массах иллюзию заботы южнокорейского государства и его главы Пак Чон Хи об интересах народа. Широким слоям населения было обещано "экономическое равенство" и "справедливое распределение доходов" /391, 1962, т. 2, с. 113; 320, с. 224/. При этом уточнялось, что "экономическое равенство ни в коем случае не означает общественную собственность или равное распределение, а только гарантирует получение минимальных средств на существование" /391, 1962, т. 2, с. 113/. Поощряя ограбление трудящихся под видом "защиты их интересов", Пак лицемерно заявлял, что "гарантия жизненного минимума для граждан – обязанность демократического общества" /320, с. 236/. Не более чем пропагандистским трюком, направленным на завоевание поддержки населения, были заявления о стремлении к полной ликвидации безработицы, об охране женского и детского труда, о защите интересов рабочих через профсоюзы.

Реакционный характер теории "административной демократии" особенно отчетливо проявился в ее положениях, определяющих тактические задачи политики сеульских властей. В 1962–1963 гг. такими задачами являлись подготовка условий для сохранения власти группировки Пак Чон Хи при переходе к гражданским формам управления, а также создание эффективной системы политического господства военщины и буржуазии. С этой точки зрения "административная демократия" представляла собой авторитарную модель государственно-политического устройства Южной Кореи, в которой отказ от некоторых принципов буржуазной демократии оправдывался особенностями быстрого экономического роста и спецификой южнокорейской "демократии". Пак Чон Хи попытался выдать диктатуру за демократию, прибегнув к националистической и антикоммунистической демагогии. Разглагольствуя о необходимости "здоровой демократии" для успешной "модернизации" Южной Кореи, он "сокрушался", что "до сих пор корейцы не испытали подлинной демократии из-за того, что субъективные условия, в которых демократия могла бы пустить корни, не были достаточно зрелыми" /320, с. 199/. Такое объяснение должно было показать, что только "военная революция" соз-

дала якобы благоприятные предпосылки для появления "демократии, соответствующей южнокорейской реальности". Конечно, наивно было бы ожидать от военной хунты допущения либеральной буржуазной демократии. Да и сам Пак недвусмысленно заявлял о том, что, "извлекая урок из неудачной попытки заимствованной демократии (имеется в виду "опыт" Ли Сын Мана и Чан Мёна. – *Авт.*) пустить корни в корейскую почву, необходимо приложить все силы к тому, чтобы заложить фундамент корегизированной формы демократии" /320, с. 5/. Однако на этапе "индустриализации", указывал Пак Чон Хи, "необходимо придерживаться демократических принципов лишь на административном уровне" /391, 1962, т. 2, с. 120/. Это означало, что ведущей роли южнокорейского государства в экономике в условиях форсированного экономического развития должно соответствовать верховенство военно-бюрократического чиновничьего аппарата в социально-политической жизни, доминирование администрации над представительными органами и, наконец, укрепление личной власти Пак Чон Хи.

Реакционные взгляды сеульского руководства на характер новой политической системы отразила концепция "нового руководства", являвшаяся составной частью теории "административной демократии". По замыслу сеульских идеологов, эта концепция должна была продемонстрировать стремление военных властей создать принципиально новый тип государственного аппарата и системы политического руководства. Пытаясь обосновать полное отстранение масс от участия в политической деятельности, идеологи хунты заявляли о том, что в условиях "индустриализации" успешное политическое руководство может осуществляться лишь кучкой избранных, так называемой "новой элитой". Эта "элита", по заверениям южнокорейских пропагандистов, должна была носить надклассовый характер, отражать интересы всего народа, охватывая представителей всех слоев населения. По словам Пак Чон Хи, в "элиту" должны войти "молодые и компетентные лидеры из нового поколения" /320, с. 6/. Было ясно, что роль "молодых лидеров" предназначалась в первую очередь офицерам – участникам переворота 1961 г. В состав "нового руководства" хунта планировала ввести также представителей крупного бизнеса и гражданской бюрократии – низшей и самой многочисленной части этой "элиты".

Главное предназначение указанной концепции скрывалось за тезисом о необходимости "героического лидера", выдвигаемого якобы "элитой" для более успешного продвижения страны по пути "индустриализации". Главными достоинствами "нового лидера" Пак считал "способность убеждать массы в приемлемости тех методов, которые он (лидер. – *Авт.*) считает наилучшими и наиболее подходящими", а также его "твердые антикоммунистические убеждения" /319, с. 2,8/. Полагая, что сам он в полной мере обладает этими качествами, Пак подчеркивал, что от установления "сильного руководства" зависит "безопасность страны и процветание народа"

/319, с. 5,6/. Таким путем в сознание масс внедрялся образ "сильной личности", якобы способной повести страну к "процветанию и прогрессу".

Согласно другой концепции – "политического руководства", – "героический лидер" должен был возглавить правящую политическую партию, которой отводилась ведущая роль в формировании новой господствующей группировки и сохранении власти Пак Чон Хи при переходе к гражданским формам управления. Идеологи хунты тщательно разработали план создания новой партии. В книге "Государство, революция и я" Пак Чон Хи подчеркивал необходимость создания партии на "новой основе" /317, с. 169/. Это означало формирование монолитной, кадровой организации со сравнительно небольшим числом хорошо проверенных и прошедших специальную подготовку членов. Стремясь преодолеть фракционность, свойственную южнокорейским политическим организациям, создатели новой партии особо подчеркивали необходимость строгой дисциплины, централизованного и единоличного руководства, иерархичности всех ее звеньев.

На будущую партию возлагалась задача идеологической и политической борьбы с оппозицией и инакомыслящими. Правящей партии отводилась главная роль в разработке идеологической платформы режима, для чего планировалось создать специальный "мозговой трест". Кроме того, по конституции 1962 г. только политическая партия могла выдвигать кандидатуры на пост президента страны и в Национальное собрание. Деятельность будущей партии в избирательных округах рассматривалась сеульскими властями как основной канал идеологической пропаганды и главное средство агитации. Наконец, новая партия должна была, по замыслу Пак Чон Хи и его окружения, стать важнейшим инструментом подбора и воспитания кадров для административного аппарата. Концепция "политического руководства" предусматривала, что только член новой партии может рассчитывать на получение места в центральных правительственных органах.

Основываясь на этих принципах, хунта приступила к формированию будущей правящей партии. Ее создание было поручено одному из руководителей военного режима – подполковнику Ким Джон Пхилю, имевшему репутацию "хорошего организатора". Бывший глава южнокорейского ЦРУ, Ким Джон Пхиль, как никто другой, знал сильные и слабые стороны южнокорейских политических организаций, достоинства и недостатки политиков. Прежде всего Ким приступил к формированию ядра будущей партии, ее "мозгового треста" из числа "молодых профессоров, журналистов, гражданских чиновников, преданных идеалам военной революции", т.е. отличавшихся наиболее реакционными политическими взглядами /323, с. 29/.

Формировалась будущая партия в обстановке строгой секретности. Был создан специальный тренировочный центр, где будущие партийные функционеры подвергались интенсивной идеологической обработке. Лекции, которые читали в этом центре, были посвящены

доказательству "закономерности переворота 16 мая 1961 г., особенностям ситуации в Южной Корее и организационным принципам новой партии" /323, с. 29/. К октябрю 1962 г. было закончено формирование руководящих органов, в которые вошли 1300 наиболее преданных режиму политиков из числа военных и гражданских деятелей /214, с. 262/. 26 февраля 1963 г. состоялся организационный съезд новой партии, получивший название Демократической республиканской партии (ДРП). На этом съезде была принята программа ДРП, отражавшая основные положения теории "административной демократии" и "революционные обещания" хунты в 1961г. Программа содержала заверения сеульских властей о соблюдении Устава ООН, международных соглашений, о стремлении к укреплению связей с капиталистическими государствами /46, с. 249/. Главной политической задачей было объявлено достижение "победы над коммунизмом" путем наращивания прежде всего оборонной мощи. В программе подчеркивалась преемственность "идеалов" нового режима с "духом первомартовского движения 1919 г. и апрельской революции 1960 г.". При этом указывалось на необходимость утверждения "национального субъективизма" ("чучхесон") и создания политической системы буржуазной демократии. В области экономики подтверждалась приверженность "принципам свободного предпринимательства" и системе "рационального планового хозяйства". Задачи стабилизации экономики путем усиленной эксплуатации трудящихся маскировались заявлениями о стремлении к "немедленной ликвидации экономической отсталости, облегчению страданий народа и подъему жизненного уровня населения". В области социальной политики в программе содержались демагогические обещания расширить систему социального обеспечения. Намечался также "подъем культурного уровня" путем развития образования, науки и техники, "защиты национального языка и обычаев".

Основные положения теории "административной демократии" и программы ДРП, нашли воплощение в дополнениях к южнокорейской конституции, представлявших собой важный политический маневр военного режима накануне президентских выборов 1963 г. Дополнения к конституции были разработаны созданным хунтой 11 июля 1962 г. "Консультативным комитетом по изменению конституции, включавшим 20 человек, среди которых были президент университета Корё Ю Джин О, президент Пусанского университета Мун Хон Джу, видный южнокорейский политолог, профессор Ким Ун Тхэ. Возглавлял комитет вице-президент ВСНР генерал Ли Чхор Иль. Характерно, что в изменении южнокорейской конституции принимали также участие два американских "советника" из Нью-Йоркского университета /53, с. 75/. Поправки и дополнения к конституции оправдывались необходимостью "обеспечения сильного политического руководства для эффективного осуществления модернизации и создания структурной основы для формирования новой элиты" /323, с. 23/.

Конституция 1962 г., во многом напоминавшая конституцию США, наделяла президента Южной Кореи самыми широкими полномочиями. Он мог назначать и смещать премьер-министра и членов Государственного совета, заключать и ратифицировать договоры, выступать в роли главнокомандующего вооруженными силами, назначать верховного судью и, наконец, осуществлять чрезвычайные меры, "необходимые для сохранения общественного спокойствия и порядка". Этим правом не раз впоследствии пользовался Пак Чон Хи для укрепления своей диктатуры.

Усиление личной власти привело к дальнейшему ослаблению парламента – Национального собрания Южной Кореи. По конституции 1962 г. двухпалатная структура этого органа (просуществовавшая менее одного года во "второй республике") была заменена на однопалатную. Функции Национального собрания были сведены к минимуму. Конституция, таким образом, юридически закрепила систему политического устройства Южной Кореи, отраженную в теории "административной демократии".

Для пропаганды "административной демократии" и идеологической обработки населения в духе "идей военной революции" в 1961–1963 гг. по всей Южной Корее было развернуто так называемое "движение за национальную реконструкцию". Это движение, развернутое под непосредственным руководством ВСНР и самого Пак Чон Хи, было использовано хунтой для усиления репрессий против трудящихся и обеспечения победы Пака на выборах 1963 г. Маскируя истинные цели движения, сеульское руководство заявляло, что его задачей является "обеспечение идеологической победы над коммунизмом путем освобождения людей от устаревших средневековых обычаев и поднятия морали" /63, 1964, с. 128/.

В этот период сеульский режим мобилизовал все средства пропаганды для развертывания в стране массовой антикоммунистической кампании. Отделения и ячейки "движения за национальную реконструкцию" создавались во всех деревнях и городах, государственных учреждениях и промышленных предприятиях. Наиболее многочисленными подразделениями движения были Союз молодежи за реконструкцию, имевший в мае 1962г. 42 971 отделение, объединявшее около 1,5 млн. членов, и Союз женщин за реконструкцию, в 42 539 отделениях которого состояли 1,2 млн. человек /391, 1962, т. 1, № 3, с. 291/.

Идеологической обработке молодежи придавалось особое значение. Для обучения рядовых участников движения и его руководителей 24 июля 1961 г. был создан специальный центр подготовки, имевший отделения во всех южнокорейских провинциях. Одновременно в Сеуле был создан центр по подготовке молодежи к участию в движении. В 1961 г. было запланировано подвергнуть интенсивной идеологической обработке около 90 тыс. руководителей и свыше 1 млн. рядовых участников /391, 1962, т. 1, № 3, с. 292/. Каждый из них должен был прослушать недельный курс лекций, посвя-

щенных разъяснению идеологии военного режима. Основную часть времени в программе обучения занимали такие темы, как "критика коммунизма", "экономика Южной Кореи и коммунизм", "роль лидера", "новый образ жизни", "революционный дух" и т.д. /391, 1962, т. 1, № 3, с. 294, 295/. Всего в 1961-1963 гг. в тренировочных центрах движения прошли подготовку свыше шести миллионов человек. В рамках движения военный режим организовал множество более мелких кампаний, например "антишпионских", в ходе которых все население мобилизовывалось на вылавливание "коммунистических агентов". Такие акции проводились для того, чтобы спровоцировать вспышку антикоммунистических настроений в стране.

В своей пропаганде военная хунта широко использовала средства массовой информации. В 1961-1962 гг. сеульские власти бесплатно передали населению свыше 20 тыс. транзисторов и распространили по всей стране около 1 млн. громкоговорителей. С 16 мая 1961 г. по 30 сентября 1962 г. в сельских районах было показано 237 пропагандистских фильмов /291, с. 110/. Идеологической пропагандой занимались специальные правительственные организации - Общество друзей 16 мая, Лига по распространению современных идей, Общество культурных связей Южной Кореи с США. Сюда же была подключена и Антикоммунистическая лига народов Азии, созданная в 1954 г. при участии Ли Сын Мана. Особые задачи возлагались на Азиатский антикоммунистический центр свободы, созданный 15 мая 1962 г. По замыслу его организаторов, сеульский "центр свободы" должен был "противостоять коммунистическим центрам интернационального обучения", к числу которых был отнесен и открывшийся 1 октября 1960 г. в Москве Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, названный "школой международного коммунизма" /391, 1962, т. 1, № 3, с. 333/. Задачами нового "антикоммунистического центра" были объявлены: "1) создание теоретической системы, дающей научное доказательство ошибочности и противоречивости коммунизма; 2) исследования, касающиеся стратегии и тактики антикоммунизма; 3) обучение антикоммунистических кадров из числа писателей, журналистов, деятелей тред-юнионов; 4) активизация культурной и информационной деятельности для борьбы с коммунистической пропагандой; 5) подготовка антикоммунистических диверсионных групп" /391, 1962, т. 1, № 3, с. 338/. На церемонии открытия этого "центра" выступил тогдашний глава южнокорейского ЦРУ Ким Джон Пхиль с речью, которая изобиловала выпадами против принятой в 1961 г. Программы КПСС, политики мирного сосуществования, клеветнически объявленных им "средством обострения международной напряженности" /391, 1962, т. 1, № 3, с. 336, 337/.

Накануне президентских выборов 1963 г. "движение за национальную реконструкцию", так же как и другие политико-идеологические кампании режима в этот период, было использовано для укрепления позиций Пак Чон Хи. При отсутствии политической партии

рабочего класса Южной Кореи, слабости демократических сил и политической незрелости масс демагогические лозунги военного режима, сопровождавшиеся нагнетанием страха перед несуществующей "угрозой с Севера", оказали воздействие на определенные слои населения. В глазах мелкой и средней буржуазии Пак предстал защитником их интересов и желанной для них "твердой рукой". Громкие обещания нового режима обманули и часть беднейших слоев населения, особенно в сельских районах. Голоса избирателей именно этих районов сыграли решающую для Пак Чон Хи роль на президентских выборах в октябре 1963 г.[4]. Однако избирателей ожидало горькое разочарование: заняв президентское кресло, Пак вовсе не собирался выполнять данные народу обещания. Оказалось, что идеологические спекуляции сеульской клики служили лишь прикрытием для дальнейшего усиления государственного аппарата и укрепления классового господства южнокорейской буржуазии и ее ставленника - генерала Пак Чон Хи.

Политическая система третьей южнокорейской республики (1963-1972 гг.) рассматривалась Пак Чон Хи временным этапом на пути к неограниченной диктатуре. "Административная демократия", допускавшая относительную автономию оппозиционных политических партий, сохранявшая ряд важных прерогатив Национального собрания, ограничивавшая полномочия президента, а также либерально-буржуазные формулировки статей конституции, касающиеся гражданских прав, не удовлетворяли сеульское руководство. Стремление правящей верхушки к усилению реакции поощряла и крупная буржуазия, увидевшая в "экспортном развитии" выгодный источник увеличения прибылей.

Однако для нового антидемократического наступления режиму Пак Чон Хи была необходима стабилизация экономики, которая бы позволила ему выступить с собственным вариантом идеологической и политической программы, не опасаясь прямого давления и коррективов со стороны США. Задачам сеульского режима в этот период в наибольшей степени отвечала нормализация отношений с Японией, позволявшая мобилизовать и использовать дополнительные резервы для "индустриализации" и вместе с тем не сопровождавшаяся обременительными и сдерживающими политическими обязательствами.

Вопрос о нормализации отношений с Японией был поставлен военной хунтой сразу же после прихода к власти и нашел отражение в первой внешнеполитической программе, принятой в июле 1961 г. и получившей название "Шесть пунктов позитивной дипломатии" /63, 1964, с. 95/. В пропагандистской брошюре, изданной в Южной Корее в это время, подчеркивалось, что "после революции (имеется в виду переворот 1961 г. - *Авт.*) перспективы взаимоотношений между Южной Кореей и Японией стали более ясными... Новое правительство готово возобновить корейско-японские переговоры. Правительство не намерено повторять ни дипломатических ошибок диктаторского лисынмановского режима, ни ошибок беспомощного правительства Чан Мёна" /66, с. 8/.

В июне 1961 г. министерство иностранных дел Японии заявило о полной поддержке политики военной хунты и необходимости оказания помощи Южной Корее, которая "непосредственно противостоит коммунистическому лагерю" /130, с. 167/. Антикоммунистический курс режима Пак Чон Хи являлся главной гарантией сохранности для японского монополистического капитала, заинтересованного в проникновении на южнокорейский рынок. За нормализацию отношений с Южной Кореей выступали промышленно-финансовые круги Японии, в частности Когоро Уэмура – вице-президент могущественной Федерации экономических организаций, включавшей ведущие корпорации страны, и Тадаси Адати – президент Японской торгово-промышленной палаты. Японо-южнокорейского сближения добивалось также так называемое южнокорейское лобби внутри японской либерально-демократической партии, в которой входили такие влиятельные партийные деятели, как вице-президент партии Бамбоку Оно и бывший ее президент Нобусукэ Киси. Выступая за скорейшую нормализацию, они заявляли, что японо-южнокорейское сотрудничество поможет сеульским властям преодолеть экономические трудности и вместе с тем укрепит позиции японских монополий.

Экономические затруднения режима в 1962–1963 гг. вынудили сеульское руководство форсировать сближение с Японией. В конце мая 1963 г. в Сеуле состоялась конференция 90 крупных промышленных и финансовых компаний, торговых палат провинций, объединенных в Корейскую торговую палату. Представители крупного южнокорейского бизнеса выразили сожаление по поводу медленного развития японо-южнокорейских переговоров /409, 26.05.1963/. Такая поддержка позволила сеульским властям расширить экономические связи с Японией, и уже в 1963 г. она заняла первое место в продаже Южной Корее машинного и транспортного оборудования, оттеснив ФРГ и США. Техническая помощь Японии сыграла большую роль в развитии экспортных отраслей южнокорейской промышленности (производство тканей, обуви, швейных машин, радиоприемников и т.д.). Этому способствовала отмена военными властями ряда ограничений на ввоз японских товаров. Японским промышленникам было разрешено проживать на территории Южной Кореи. В начале 1964 г. 50 японских фирм имели там своих агентов, а такие компании, как "Мицуи" и "Мицубиси", – по 5–7 агентов каждая /378, 1964, т. 44, № 4, с.200/. Японские компании уже к концу 1963 г. подписали с южнокорейским правительством и частными фирмами ряд контрактов на сумму, превышавшую 500 млн. долл. /378, 1964, т. 44, № 4, с.200/.

Готовность сеульских властей к нормализации отношений с Японией во многом содействовала политическому успеху Пак Чон Хи на выборах 1963 г. Сохранение власти в руках его группировки отвечало интересам японских монополистов, развернувших кампанию в поддержку Пак Чон Хи. Для оказания Паку финансовой помощи 35 японских компаний передали в его избирательный фонд крупные де-

нежные суммы /130, с. 175/. В этот период активизировалась деятельность южнокорейского лобби в японской либерально-демократической партии, затратившего около 900 млн. иен для развертывания кампании в поддержку японо-южнокорейского сближения /290, с.89/. Пропагандистская деятельность японских монополий продолжала подкрепляться и столь необходимыми сеульскому режиму экономическими мероприятиями. В июле 1964 г. японское правительство предоставило Южной Корее кредит в 20 млн. долл. на основе рассроченных платежей. 11 декабря 1964 г. в Токио было подписано соглашение о выделении Японией Южной Корее еще одного коммерческого кредита на сумму 20 млн. долл. из 5-7% годовых. Завершению японо-южнокорейских переговоров содействовали перемены в политическом руководстве Японии, где в ноябре 1964 г. премьер-министром стал Эйсаку Сато, активно выступавший за нормализацию отношений между двумя странами. 20 февраля 1965 г., несмотря на движение протеста со стороны широкой общественности как в Японии, так и в Южной Корее, официальные представители двух государств парафировали проект Договора об основных отношениях между Японией и Южной Кореей, ставшего юридической основой неравноправного экономического и политического "сотрудничества" этих стран на антикоммунистической основе. 22 июня 1965 г. договор был подписан в Токио министрами иностранных дел Японии и Южной Кореи - Сиином и Ли Дон Воном, а 14 августа 1965 г. ратифицирован Национальным собранием Южной Кореи.

Нормализация привела к более активному проникновению японского капитала в Южную Корею. Так, компания "Мицуи" предоставила в 1965 г. южнокорейскому правительству заем в 58,2 млн. долл. на строительство крупнейшего в Южной Корее завода химических удобрений в Ульсане. В 1967 г. "Мицубиси" предоставила одной из южнокорейских корпораций 38 млн. долл. на строительство цементного завода, а ведущие японские сталелитейные компании - 165 млн. долл. на сооружение в Южной Корее сталелитейного завода. В 1966 г. на долю Японии приходилось уже 40% всего южнокорейского импорта, США - 37%. В 1967 г. эти показатели составили соответственно 44% и 31%.

Обильный приток иностранного капитала и ряд социально-экономических мероприятий сеульских властей обусловили улучшение экономической ситуации, способствовали сравнительно быстрому росту промышленного производства в последние годы первой пятилетней программы развития /42, с. 326/.

Однако за отдельными высокими показателями роста скрывалась увеличивавшаяся зависимость экономики Южной Кореи от внешних источников финансирования. Особенности "индустриализации" Южной Кореи привели к тому, что 60% всех ассигнований на первую пятилетнюю программу было получено по каналам неоколониалистской помощи от США, Японии и других капиталистических государств.

Однако главная задача сеульских властей была выполнена. Пе-

реориентация на Японию позволила не только спасти от провала первую пятилетнюю программу экономического развития, но и дала возможность использовать обманчивые показатели экономического роста в своих дальнейших политико-идеологических маневрах. Заявив, что первая пятилетняя программа "заложила фундамент успешной индустриализации и модернизации" /65, с. 22/, правящие круги Южной Кореи приступили к подготовке условий для новой антидемократической перестройки государственно-политической системы.

Усиление националистической направленности южнокорейской идеологии в 60-е годы

Достижение частичной стабилизации экономики позволило сеульскому руководству выступить с проповедью "национальной исключительности" экономического и политического развития Южной Кореи.

Важнейшей идеологической задачей в 60-е годы сеульские власти считали усиление реакционной националистической пропаганды. Усилия южнокорейских идеологов в это время были направлены на то, чтобы выявить особую роль национализма в Южной Корее, показать его новые общественно-политические функции. Южнокорейские правители рассчитывали использовать националистические предрассудки в качестве орудия и средства, способного приостановить рост социальных противоречий, затормозить развитие демократического движения. Новым явлением в официальной идеологии Южной Кореи стало обоснование связи национализма с процессом экономической и политической "модернизации". Сеульские идеологи, не отказываясь от поисков корней национализма в духовной жизни и психологии корейцев, предприняли попытку связать его с буржуазными преобразованиями в общественной и экономической жизни. Стремление превратить буржуазный национализм в стержень экономического и политического развития Южной Кореи проявилось еще в первых работах Пак Чон Хи. В книге "Государство, революция и я" он подчеркивал, что "ведущими принципами нового общества должны стать лозунги "национализм прежде всего" и "экономика прежде всего"" /317, с. 171/.

В разработке новой концепции корейского буржуазного национализма большую помощь сеульским идеологам оказали рекомендации участников уже упоминавшейся международной конференции по проблемам модернизации в Азии, состоявшейся в Южной Корее в 1965 г. На конференции отчетливо проявилось стремление западных идеологов и политиков сделать ставку на реакционные стороны национализма в афро-азиатских странах, превратить буржуазный национализм в Южной Корее в одну из основ неоколониалистской политики империалистических государств. С этой целью на сеульской конференции активно пропагандировалась идея о том, что в связи с процессом "модернизации" в развивающихся странах возник "новый" ("позитивный")

национализм[5] /341/. Изображая национализм в качестве важнейшего идейно-политического инструмента преобразования традиционного общества в современное, участники сеульской конференции утверждали, что национализм в Южной Корее органически связан со становлением в этой стране капиталистических общественных порядков.

Для обоснования тезиса о ведущей роли национализма в развитии Южной Кореи по капиталистическому пути японский профессор Ёити Итагаки высказал мысль о трех стадиях, характерных для "азиатского", в том числе и корейского, национализма: на первой стадии он был якобы следствием стремления к социальному равенству ("культурный национализм"), на второй – к национальной независимости ("политический национализм") и на третьей – к национальной экономической интеграции ("экономический национализм") /275, с.172-176/. "Национальная экономическая интеграция, – подчеркивал Ёити Итагаки, – должна рассматриваться как необходимое условие автономной и самообеспечивающейся экономики" /275, с.172/. Согласно этой схеме, национальная экономическая интеграция должна была сопровождаться постепенными изменениями в социально-политической структуре и способствовать формированию "национальной капиталистической системы" /275, с. 172-176/.

Стремление идеологов неоколониализма представить "экономический", или "модернизирующий", национализм в качестве универсальной основы развития афро-азиатских стран по пути капитализма оказалось созвучным националистическим устремлениям правящих кругов Южной Кореи, использовавших наиболее отрицательные стороны корейского буржуазного национализма в своей реакционной политике.

Спекуляция некоторыми количественными показателями экономического роста, выдвижение лозунга "самообеспечивающейся экономики" в качестве главной задачи второй пятилетней программы развития – все это позволило сеульскому руководству в начале 1967 г. выступить с концепцией "национальной демократии", ставшей южнокорейской разновидностью "модернизирующего национализма".

Еще во время предвыборной кампании 1963 г., выступая по радио, Пак Чон Хи заявил о необходимости "поставить либеральную демократию на здоровую националистическую основу" /214, с.112/. При этом глава хунты подчеркивал прямую связь экономической и политической "модернизации" с формированием "независимого и самостоятельного национального сознания". 15 апреля 1967 г. Пак Чон Хи выступил по радио с программным заявлением, в котором официально провозгласил новую политическую доктрину Южной Кореи, названную им "национальной демократией" /214, с. 112/. Используя количественные показатели экономического роста, он утверждал, что в результате осуществления первой пятилетней программы (1962-1966 гг.) возникли предпосылки для проведения "независимого" политического курса и сложились подходящие усло-

вия для начала "кореизации" политической системы в стране. Пак считал, что настало время заменить концепцию "административной демократии", сложившуюся под влиянием западной политологии, на концепцию "национальной демократии", отвечающую "специфическим условиям южнокорейской реальности" и особенностям духовной жизни и психологии корейцев. Концепция "национальной демократии" в наиболее полном виде была изложена в специальном учебнике для членов ДРП, изданном в январе 1968 г. орготделом правящей партии. В этом документе подчеркивалось, что "национальная демократия - ведущая политическая доктрина ДРП... унаследовавшая националистический дух революции тонхак, первомартовского движения, апрельского восстания 1960 г. и майской революции 1961 г." /214, с. 112, 113/. В теории "национальной демократии" были сформулированы новые общественно-политические функции южнокорейского буржуазного национализма. На первое место выдвигалась задача превращения южнокорейского национализма в "движущую силу" капиталистической "модернизации" экономической, социальной и политической структур. При этом, учитывая, что уродливый характер социально-экономического развития Южной Кореи в начале 60-х годов в условиях неоколониалистского "партнерства" не привел к значительному расширению социальной базы нового режима, сеульские власти уделили особое внимание усилению в официальной идеологии элементов традиционализма. Абсолютизация роли добуржуазных традиций в социально-экономических и общественно-политических отношениях при помощи пресловутой концепции "национального субъективизма"[6] заняла видное место в пропагандистской деятельности режима. Во второй половине 60-х годов идеологи режима Пак Чон Хи превратили концепцию "чучхесон" в один из важнейших компонентов политической идеологии, неразрывно связывая формирование чувства "национального субъективизма" с экономическим развитием Южной Кореи. Уже на международной конференции 1965 г. сеульские идеологи заявили о существовании прямой зависимости между развитием "национальной самобытности" и процессом "модернизации" Южной Кореи. Поднимая на щит идею "чучхесон", Чо Га Гён утверждал, что "в перспективе национальный субъективизм может стать одним из главных принципов модернизации" /275, с. 62/. Ему вторил Чха Ги Бек, заявлявший, что "трудно ожидать быстрой индустриализации без воспитания в народе чувства национальной самобытности" /275, с. 344/.

Антидемократическая направленность доктрины "национальной демократии" была обусловлена прежде всего тем, что правящие круги Южной Кореи пытались использовать ее для идеализации отживших и реакционных традиций корейской истории, отрицая при этом прогрессивную линию преемственности. Отвергнув традиции, подтверждающие подлинную неповторимость и своеобразие истории и культуры корейского народа, южнокорейские буржуазные националисты взяли на иде-

ологическое вооружение наиболее консервативные традиции политической истории и общественной мысли.

Концепция "чучхесон", являвшаяся основным элементом теории "национальной демократии", в этот период представляла собой первую попытку субъективно-идеалистической трактовки социально-политического развития Кореи с древнейших времен и до наших дней. Превратно истолковывая вопрос о нации и национальном самосознании, эта концепция изображала "историческое национальное сознание" единственной движущей силой и источником развития Кореи на всем протяжении ее многовековой истории. При этом любое событие в истории Кореи оценивалось с учетом степени проявления в нем "национального сознания". "Национальное сознание" и "национальная самобытность" рассматривались как одноплановые категории, причем корни национального сознания, равно как и национальной самобытности, прослеживались даже в те периоды корейской истории, когда корейской нации - предполагаемого носителя национального сознания - еще и не существовало.

Идеализация реакционного прошлого осуществлялась под лозунгами возрождения в массах "традиционного политического мышления", в котором важнейшая роль отводилась древнему принципу "хонъик инган"[7] /390, 1974, № 1, с. 5/. Благодеяния мифического основателя корейского государства Тангуна идеологи режима отнесли к высшим проявлениям "корейского национального духа". Используя укоренившееся в народе представление о Тангуне как о справедливом правителе, Пак Чон Хи начал утверждать, что в своей деятельности он стремится руководствоваться его примером. Спекуляция на этом мифе была призвана способствовать формированию в народе мнения о Пак Чон Хи как "отце нации".

Наряду с "идеалом" государственного деятеля для народа создавался и образец "лояльности правителям, достойной всяческого подражания". Таким "образцом" был объявлен рыцарский кодекс чести хваранов - членов объединения аристократической молодежи в раннефеодальном государстве Силла. В хваранских идеях "сыновей почтительности и преданности правителям" Пак усматривал "корни корейского национального духа" /318, с. 25/.

Как форму "традиционного политического мышления" идеологи южнокорейского режима стремились использовать и неоконфуцианство. Под предлогом возрождения конфуцианского этического принципа "трех отношений и пяти норм" ("самган орюн") народу внушались идеи патернализма, лояльности правительству /365, 1968, № 1, с. 28-31/. Использование неоконфуцианства служило для перенесения критериев "национальной демократии" в сферу отвлеченных этических идеалов. Этот прием был заимствован у западных буржуазных идеологов, стремящихся таким путем скрыть связь демократии с материальной основой жизни общества /124, с. 49/.

Среди "духовных ценностей" западного общества южнокорейские идеологи особенно высоко оценивали буржуазный индивидуализм, ко-

торый, по мнению Пак Чон Хи, явился "основой прогресса, достигнутого Западом" /320, с. 14/. Без утверждения индивидуализма не может быть ни модернизации, ни демократии, заявлял Пак, подчеркивая, что "в отсутствии собственного "я" кроется одна из важнейших причин неудач прошлого" /320, с. 15/. Повторяя избитые фрейдистские формулировки, он заявлял, что "свобода – человеческий инстинкт, а человек – хозяин свободы" /320, с. 28/. Этими фальшивыми идеалистическими лозунгами маскировалась зависимость подлинной свободы человека от материальных условий жизни общества, создавалась иллюзия "равных возможностей" в условиях капиталистического южнокорейского государства.

Но даже лицемерная проповедь индивидуализма сопровождалась оговорками о "пределах индивидуальной свободы" в условиях южнокорейского общества. Главным условием "свободы" в Южной Корее Пак Чон Хи объявил беспрекословное подчинение воле правящей группировки. "Свобода требует чувства служения... – заявил он, – чем больше свободы, тем сильнее потребность служить. Только чувство служения может спасти народ и принести всем процветание и счастье" / 320, с. 32/. Таким образом, под "индивидуальной свободой от рождения до могилы", пропагандировавшейся сеульскими идеологами, подразумевалась "свобода" безудержной эксплуатации трудящихся Южной Кореи, полная свобода действий власть имущих по отношению к подавляющему большинству населения.

Подчеркивая прагматический характер южнокорейской модернизации, Пак Чон Хи заявлял о том, что традиции прагматизма были заложены в начале XIX в. сеульским купцом Ли До Гю, одним из родоначальников торгового капитала в феодальной Корее /320, с. 93/. Из этого следовало, что "практическая ценность" модернизации Южной Кореи состоит в укреплении капиталистических производственных отношений.

Итак, в теории "национальной демократии" проявилась новая особенность южнокорейской официальной идеологии – трактовка процессов социально-политического развития в виде "синтеза" консервативных традиций прошлого с реакционными формами буржуазной эволюции общества /166, с. 232-239/. Практическим осуществлением идеи "синтеза" стало уже упоминавшееся "движение за новую деревню" (ДНД). В программе ДНД сеульские власти планировали добиться оптимального соотношения элементов традиционализма с задачами капиталистического кооперирования южнокорейской деревни. Не случайно на первое место среди задач ДНД было поставлено "духовное обновление". Усиление националистической и антикоммунистической пропаганды в ходе ДНД сеульские идеологи оправдывали потребностями южнокорейской "модернизации". Если в 60-е годы, заявлял Пак Чон Хи, "модернизация" принесла Южной Корее "значительную экономическую мощь", то задачей 70-х годов являлось "равное распределение плодов модернизации" /309, с. 175/. Содействовать такому "распределению" была призвана так называемая "духовная революция",

означавшая усиленную идеологическую обработку населения. Поэтому 70-е годы были объявлены Паком "десятилетием духовной революции" в Южной Корее. ДНД было поставлено в один ряд с такими событиями, как "военная революция" 1961 г., и названо "духовным революционным движением, направленным на искоренение праздности и благодушия, процветавших в условиях экономической стабилизации, и уничтожение расточительства, распространившегося в годы экономического роста" /309, с. 175, 176/. Иными словами, при помощи ДНД южнокорейские власти рассчитывали переключить внимание масс от острых социальных проблем, кризисных явлений в политике режима на абстрактные проблемы "ликвидации кризиса национального сознания", "преобразования человека", "формирования здоровой национальной этики", "духовной революции" и т.д. На ДНД была возложена пропаганда идеи "чучхесон", при помощи которой сеульские власти стремились обосновать возможность классового мира корейской нации, проповедуя "общенациональные" интересы как внеклассовые или надклассовые.

В идеологической обработке населения в ходе ДНД наиболее широко использовалась апелляция к древним корейским традициям. Скрывая истинное предназначение ДНД, Пак Чон Хи не раз заявлял, что цель этого движения состоит в том, чтобы возродить общинные отношения в деревне. В южнокорейской пропагандистской литературе все чаще появлялись ссылки на конфуцианскую традицию "искать совершенства в прошлом", согласно которой "прошлое всегда рассматривалось примером, которому должны следовать и нынешние, и будущие правители" /266, с. 24/. Так, ДНД Пак Чон Хи сравнивал с общинными отношениями в раннефеодальном государстве Силла. В системе "хвабэк"[8] он усматривал аналог современной "национальной демократии", "образец единого волеизъявления", доказывающий "существование демократии в Корее раньше, чем на Западе" /407, 07.10.1976, с. 3/. Идеологи режима утверждали, что "подлинная демократия... может пустить корни только при помощи ДНД" /65, с. 121/. Доказательством "демократичности" ДНД, по их мнению, могли бы служить выборы лидера "движения" в отдельных кооперативах, совместное участие в осуществлении проектов "преобразования" южнокорейской деревни. При этом умалчивалось, что реализация этих проектов выгодна лишь зажиточным слоям населения, что конкретным результатом ДНД стало расслоение южнокорейского крестьянства, обогащение одной его части и разорение, бегство в города – другой. Сеульские пропагандисты разглагольствовали о том, что главные лозунги ДНД – "усердие, опора на собственные силы и сотрудничество" – явились реальным воплощением "духа хварандо" и мифического принципа "хонъик инган". Таким путем концепция "чучхесон" использовалась сеульскими властями для реализации задач буржуазной "модернизации" южнокорейского общества.

Среди основных социальных функций южнокорейского "модернизирующего национализма" важное место отводилось так называемой

"интегративной функции" /166, с. 164–168/. Однако в отличие от интегративной, консолидирующей роли национализма в некоторых развивающихся странах южнокорейский буржуазный национализм использовался для обоснования возможности конвергенции КНДР и Южной Кореи на базе надклассовой "национальной общности". Этому послужили политические маневры сеульского руководства, связанные с переговорами с Севером.

Демагогически объявив, что 70-е годы должны привести корейскую нацию к воссоединению, Пак Чон Хи все политические акции режима в начале 70-х годов объяснял "стремлением" к объединению. Одной из задач ДНД было также объявлено "создание условий для объединения отчизны". Пак Чон Хи поддержал диалог с КНДР, учитывая, что любой контакт с Севером мог значительно поднять престиж правительства в глазах народных масс. При этом правители Южной Кореи руководствовались лишь стремлением путем антикоммунистической и националистической шумихи вокруг переговоров подготовить условия для укрепления диктатуры Пака. Переговоры с КНДР с самого начала служили удобным прикрытием замыслов правящей верхушки Южной Кореи, пытавшейся любым путем отвлечь внимание народных масс от усиления политической реакции внутри страны и скрыть свою серьезную обеспокоенность позитивными переменами в международных отношениях в начале 70-х годов, вызванными разрядкой международной напряженности. Особую озабоченность у сеульского режима вызвало решение правительства США о выводе в январе 1971 г. 60 тыс. своих войск из Южной Кореи, что являлось практически осуществлением "гуамской доктрины" Никсона. И хотя было ясно, что правительство США не рискнет вывести все свои войска из Южной Кореи, даже частичный вывод привел южнокорейскую буржуазию в смятение и стал причиной бурной вспышки националистической и антикоммунистической пропаганды. Пак Чон Хи заявил, что сокращение войск США в этом районе Азии создало политический вакуум, который якобы мог привести к нарушению баланса сил.

В этих условиях в августе–сентябре 1971 г. в Пханмунджоме начались первые контакты Южной Кореи с КНДР. Перед началом переговоров Пак Чон Хи демагогически заявлял, что "успех или неудача переговоров по линии Красного Креста станут своего рода барометром, который укажет не только возможности объединения Кореи, но и перспективы смягчения напряженности на Дальнем Востоке" /300, с. 132/.

4 июля 1972 г. было опубликовано совместное заявление Севера и Юга. Переговоры с КНДР и подписание Совместного заявления сеульский режим использовал в своих пропагандистских целях. Сразу же после опубликования Совместного заявления идеологи Южной Кореи начали извращать проблему объединения страны в националистическом и антикоммунистическом духе. Был издан ряд работ, дававших искаженное толкование принципов объединения Кореи, зафик-

сированных в Совместном заявлении Севера и Юга. Особое внимание уделялось третьему принципу Совместного заявления, в котором говорилось о том, что "великое национальное единство должно быть достигнуто, невзирая на различия в идеологии и общественно-политических системах" /261, с. 154/. В южнокорейской пропагандистской литературе была предпринята попытка рассматривать этот принцип объединения вне общего контекста заявления, исключительно с позиций идеи "национального субъективизма", а также в качестве возможной основы конвергенции Севера и Юга.

Стремясь обосновать свои предположения, Пак Чон Хи в одной из речей подчеркивал, что "идеология меняется, а нация остается" /309, с. 22/. Он заявлял, что идеологические различия и разные политические системы играют второстепенную роль перед лицом "великой национальной общности Кореи", и призывал "как можно быстрее восстанавливать и развивать... национальную самобытность народа Кореи (Хан)", имея в виду не только Южную Корею, но и КНДР /309, с. 22/. Выдвигая принадлежность к "единому народу Кореи" или "национальную однородность" в качестве главной основы будущего объединения Кореи и повторяя избитые буржуазные теории о "конце идеологии" и наступлении "века национализма", южнокорейские идеологи заявляли о том, что "эра идеологии сменилась ныне эрой национальной принадлежности" /252, с. 187/. "Восстановление национальной однородности", согласно их утверждениям, может произойти только на основе общности религии, конфуцианских норм семейно-родственных отношений, общности языка и культуры, исторических традиций /347, с.102-104/. Игнорируя диаметральную противоположность социальных систем на Севере и Юге Корейского полуострова, несовместимость идейных позиций двух корейских государств, сеульские идеологи заявляли о том, что "решение проблемы воссоединения можно достичь только при помощи корейского национализма" /288, с. 304/.

Однако ставка южнокорейского руководства на усиление своих позиций путем "возрождения" корейского национализма не оправдалась. Кризисные явления в экономике и политике сеульского режима в начале 70-х годов показали несостоятельность поисков "самостоятельного пути развития" в рамках капиталистической эволюции и на пути неоколониалистского "партнерства" с империалистическими государствами.

"Модернизирующий национализм" южнокорейских властей оказался бессилен перед лицом очередного экономического и политического кризиса, охватившего в начале 70-х годов капиталистический мир. Южная Корея, будучи зависимой от США, Японии и других капиталистических стран, столкнулась в этот период с серьезными экономическими и политическими проблемами. Уродливое развитие южнокорейской экономики в тисках неоколониалистского "партнерства", сопровождавшееся углублением социальных противоречий и ростом влияния крупного промышленно-финансового капитала, привело к ос-

ложнению внутриполитической обстановки в Южной Корее в начале 70-х годов.

Первым симптомом внутриполитического кризиса сеульского режима стали результаты выборов 1970 г. в Национальное собрание, на которых крупнейшая оппозиционная Новая демократическая партия (НДП) получила 89 мест (по сравнению с 45 на выборах 1967 г.) и лишила ДРП большинства в 2/3 депутатских мест, позволявшего ей ранее безраздельно господствовать в парламенте. Знаменательным шагом НДП стало выдвижение Ким Дэ Джуна, лидера главной фракции внутри оппозиции, на президентских выборах 1971 года. Ким Дэ Джун и его партия, насчитывавшая в 1970 г. около 380 тыс. человек, стали серьезными конкурентами Пак Чон Хи и его режиму /396, 1971, т. 44, № 2, с.247/.

Возросшее влияние НДП в начале 70-х годов отражало недовольство части буржуазии и большинства интеллигенции методами правления Пак Чон Хи, засильем крупного капитала, отсутствием демократических свобод. В сентябре 1969 г. руководство НДП пересмотрело ряд положений, унаследованных деятелями оппозиции еще от лисынмановских времен, и приняло новую программу, ставившую целью усилить влияние НДП на политическую жизнь Южной Кореи. Новые программные требования НДП во многом напоминали установки западных буржуазных социал-демократических партий. Провозглашая своим идеалом политическую систему "либеральной" или "парламентской" демократии, лидеры этой партии уповали на захват политической власти мирными средствами, путем выборов. В области экономики идеологическая платформа НДП предусматривала создание "смешанной системы", в которой сочеталось бы поощрение частного предпринимательства с государственным планированием /214, с.113, 114/. Учитывая ошибки режима Пак Чон Хи и пытаясь привлечь сельское население, руководство НДП заявляло, что "для здорового развития экономики необходимо поддерживать равновесие между сельским хозяйством и промышленностью" /214, с. 113, 114/. Используя недовольство в стране деятельностью чэболь, оппозиционные деятели включили в свою программу призывы к борьбе с монополиями. Характерной чертой политической платформы южнокорейской буржуазной оппозиции в этот период явились попытки расширить свою социальную опору при помощи лозунгов "массовой экономики" и "общества всеобщего благополучия", выдвигавшихся в противовес "элитарным" теориям Пак Чон Хи. Демагогические лозунги НДП обещали рабочим "участие" в управлении предприятиями, повышение доходов всем слоям населения, и в первую очередь крестьянам. Однако положения программы НДП, указывавшие на необходимость укрепления дружественных отношений с капиталистическим миром, подчеркивавшие приверженность деятелей буржуазной оппозиции политике антикоммунизма и курсу на укрепление "национального субъективизма", свидетельствовали о том, что различия между НДП и ДРП заключались лишь в способах решения общей для всех слоев буржуазии задачи

капиталистического развития Южной Кореи. Тем не менее, используя социальную демагогичность новой программы НДП, Ким Дэ Джун выступил серьезным противником Пак Чон Хи на президентских выборах 27 апреля 1971 г.[9]. Эти выборы, хотя и принесли победу Паку (он получил 51,2% голосов против 43,6% отданных ему), но свидетельствовали о неустойчивом положении сеульского правительства.

Недовольство политикой режима Пак Чон Хи отразилось в антиправительственных выступлениях в 1970-1971 гг. Наиболее организованной политической силой в этих выступлениях было южнокорейское студенчество. Студенческое движение в 1970-1971 гг. явилось самым значительным со времени событий 1960 г. В конце 1970 г. группа студентов факультета права Сеульского университета начала издавать газету под названием "Колокол свободы". В газете содержались призывы к единым действиям, освещались вопросы экономического положения, осуждалось проникновение японского капитала в страну, разоблачалась деятельность южнокорейского ЦРУ. Газета просуществовала всего один год. В октябре 1971 г. она была закрыта, а ее редактор Ли Син Бом арестован по обвинению в "заговоре, направленном против законного конституционного правительства республики" /394, 1973, № 77, с. 68/. Издание газеты способствовало росту активности и сплоченности студентов. Наиболее массовый характер движение молодежи приняло в 1971 г. Студенты протестовали против правительственных мер по расширению программы военного обучения в мужских колледжах, против злоупотреблений, происходивших в ходе выборов в Национальное собрание и президентских выборов. В это же время была создана "Национальная лига студентов" во главе с Сим Че Гваном. В октябре 1971 г. студенты провели ряд мощных антиправительственных демонстраций. Только 12 октября в них участвовали 7,5 тыс. человек. Несмотря на общую идеологическую ограниченность требований студентов, их выступления послужили серьезным предупреждением сеульскому режиму.

На выступления студентов правительство Пак Чон Хи ответило репрессиями. 15 октября 1971 г. были закрыты 10 главных сеульских университетов, запрещены все студенческие издания, на территорию учебных заведений были введены войска. Около 220 студенческих лидеров были исключены из университетов, а 19 октября было объявлено о призыве свыше 9 тыс. студентов в армию. Такими методами сеульские власти расправились с молодежью. Однако и после этого антиправительственные выступления не прекращались.

В этой обстановке правящая клика Южной Кореи начала готовить новую перестройку государственного аппарата, надеясь путем политических маневров укрепить свои пошатнувшиеся позиции. Под фальшивым предлогом усиления "угрозы национальной безопасности" и "активизации военных приготовлений Северной Кореи" 6 декабря 1971 г. в Южной Корее было введено чрезвычайное положение.

Вслед за этим Пак Чон Хи сделал заявление, в котором говорилось, что "...каждый гражданин должен быть готов в случае непредвиденных обстоятельств отказаться от части свобод, которыми он пользуется, во имя национальной безопасности" /369, 1972, № 8, с. 552/. 26 декабря Национальное собрание приняло законопроект о национальной безопасности, дававший президенту особые полномочия в случае чрезвычайного положения в стране. Характерно, что закон был принят в отсутствие представителей оппозиции. Заседание проходило в пристройке к главному зданию Национального собрания, в то время как главный зал заседаний был занят членами оппозиционных партий, пытавшихся воспрепятствовать принятию закона, означавшего, по их мнению, конец конституционного правления.

Отсутствие какой-либо "угрозы с Севера" признавалось даже буржуазной печатью. Так, в редакционной статье "Нью-Йорк таймс" подчеркивалось, что для режима Пака "внешней угрозой является не военное нападение Северной Кореи, а разрядка напряженности" /411, 28.12.1971/.

В этот период политика сеульского режима представляла собой сочетание громких публичных заявлений Пак Чон Хи о готовности к воссоединению Кореи с негласной подготовкой "политических реформ". Так, 30 марта 1972 г. Пак выдвинул предложение из пяти пунктов, в котором призывал отказаться от применения силы в объединении Кореи. Одновременно весной 1972 г. была проведена чистка в армии, в результате которой усилилось влияние офицеров, отличавшихся особой преданностью Пак Чон Хи и его антикоммунистическому курсу. В начале апреля 1972 г. группа правительственных экспертов по заданию Пак Чон Хи в обстановке строгой секретности приступила к подготовке пересмотра конституции. Стремясь воспользоваться благоприятной ситуацией, сложившейся в стране после опубликования Совместного заявления, южнокорейская пропаганда с новой силой затрубила о необходимости обеспечить "собственную безопасность" в условиях диалога с КНДР, о том, что пришло время отказаться от "западной демократии" и установить "подлинно корейскую".

Под прикрытием лозунгов "модернизирующего национализма" и в условиях антикоммунистической истерии вокруг несуществующей "угрозы с Севера" правящая группировка ускорила подготовку к новой реакционной перестройке механизма политической власти и новому наступлению на права трудящихся.

Кризис политической системы в Южной Корее и характер идеологии в 70-е годы

Кризис южнокорейской политической системы стал закономерным результатом ускоренного капиталистического развития Южной Кореи. Общая заинтересованность сил правящего блока (крупной буржуазии, верхушки армии и бюрократии) в повышении роли и рас-

ширении функций южнокорейского государства привела к усилению исполнительной власти и росту бюрократического административного аппарата. Только по официальным данным, с 1961 по 1971 г. число чиновников в Южной Корее возросло с 235 до 460 тыс. /45, 1973, прилож., с. 239/. Бюрократизация государственной системы сопровождалась укреплением личной власти Пак Чон Хи, стоявшего во главе этой огромной армии чиновников. Подготавливая условия для установления неограниченной диктатуры Пака, его сторонники в сентябре 1969 г. протащили через Национальное собрание поправку к конституции Южной Кореи, позволявшую Пак Чон Хи занимать пост президента три раза подряд (вместо двух сроков, предусмотренных конституцией 1962 г.). Открыто выражая недовольство политической структурой, закрепленной конституцией 1962 г. правящие круги Южной Кореи в течение 10 лет вынашивали идею усиления авторитарности всех звеньев государственного аппарата. Для этого и были предприняты так называемые "реформы обновления" 1972 г.

"Реформы обновления" 1972 г. – проявление кризиса государственно-политической системы Южной Кореи

Политические "реформы обновления", как это нередко случалось в Южной Корее, были осуществлены при помощи армейских штыков. 17 октября 1972 г. на улицах Сеула появились танки и бронемашины. Крупнейшие общественные здания, центры коммуникаций были блокированы правительственными войсками. Солдаты заняли штаб-квартиры оппозиционных партий, здания университетов. Вечером 17 октября Пак Чон Хи по радио объявил о введении в стране военного положения и осуществлении четырех чрезвычайных мер: 1) Национальное собрание распускалось, запрещалась деятельность политических партий и приостанавливалось действие конституции 1962 г.; 2) функции Государственного совета временно перешли к Чрезвычайному государственному совету; 3) ему поручалась подготовка проекта новой конституции, который должен быть одобрен в течение месяца национальным референдумом; 4) в случае, если проект новой конституции будет одобрен, предусматривалась нормализация обстановки /45, 1973, с.38/. Стремясь получить более широкую поддержку в стране, Пак Чон Хи указывал также на необходимость "преодолеть царящие в стране хаос и беспорядки", избавиться от "фракционной борьбы и политических интриг" для "активного развертывания диалога Севера и Юга". В специальной декларации, обнародованной Паком в тот же день, сообщалось, что целью планируемых "реформ" является "создание условий для утверждения в стране кореизированной демократии", и лицемерно заявлялось о стремлении к "мирному объединению родины" /45, 1973, с.38/.

Несмотря на все усилия органов пропаганды представить начавшиеся изменения в качестве необходимой меры для достижения "объединения и процветания родины", подлинный смысл этих перемен стал ясен сразу же после опубликования военным командованием постановления из восьми пунктов, детально регламентировавшего общественную жизнь в условиях временного отсутствия конституции. "Драконовские" меры, объявленные командующим военным положением генералом армии Но Дэ Хеном, означали ликвидацию всех демократических свобод в Южной Корее. Были запрещены все собрания граждан (за исключением свадеб и похорон). Выступления, публикации, радиопередачи стали предметом строжайшей цензуры. Были закрыты университеты. Нарушение любого из этих положений влекло за собой арест без всяких санкций.

В то же время иностранцам гарантировалась нормальная экономическая и торговая деятельность, свободный въезд и выезд, передвижение по стране. Этим правительство хотело подчеркнуть, что все происходящее носило сугубо внутренний характер и ни в коем случае не влияло на отношения Южной Кореи с другими странами. О том, насколько заинтересовано было правительство Южной Кореи в одобрении своих действий со стороны империалистических держав, говорил тот факт, что еще утром 17 октября, до официального введения военного положения, премьер-министр Южной Кореи Ким Чжон Пхиль пригласил к себе американского посла Хабиба и японского посла Усироку и передал им брошюру с содержанием и разъяснением чрезвычайных мер, предпринимаемых правительством. Затем министр иностранных дел Ким Ён Сик во второй половине дня официально пригласил дипломатических представителей других стран для разъяснения им характера событий, происходивших в стране. Поведение правительственных чиновников говорило о том, что все действия 17 октября были тщательно и заранее спланированы. Об этом свидетельствует и американский журналист, побывавший на приеме в президентском дворце в Сеуле. Он отмечает, что "все присутствовавшие журналисты были снабжены не только хорошо отпечатанными копиями декларации президента, но и брошюрой из 30 страниц, посвященной различным вопросам, связанным с событиями 17 октября. В то же время государственные чиновники были почти безразличны ко всему происходящему, что как-то не вязалось с серьезностью декларации" /378, 21.10.1972, с. 13/.

Несмотря на всю пропагандистскую шумиху, было очевидно, что действия Пак Чон Хи направлены на усиление личной власти и носят незаконный характер. Сам факт введения военного положения являлся нарушением 75-й статьи конституции 1962 г., в которой говорилось, что "президент имеет право объявить военное положение только во время войны, вооруженного конфликта и в других случаях, требующих мобилизации военных сил" /63, 1962, с. 237/. События 17 октября 1972 г. привели к концентрации в руках Пака всей полноты законодательной и исполнительной влас-

ти. В условиях запрещения политической деятельности и усиления социальной демагогии референдум по проекту новой конституции стал пустой формальностью. 21 ноября 1972 г. новая конституция Южной Кореи вступила в силу.

Конституция 1972 г. не только ликвидировала все законодательные ограничения власти Пак Чон Хи, но и значительно изменила систему государственного управления в Южной Корее. Анализ изменений в конституции и избирательной системе позволяет выявить особенности государственно-политического строя, установленного в 1972 г. и объявленного сеульской пропагандой "началом кореизированной демократии".

В преамбуле новой конституции демагогически утверждалось, что ее пересмотр "отвечает исторической миссии мирного объединения родины и является важным вкладом в укрепление демократии" в Южной Корее /45, 1973, с. 541/. Однако истинное предназначение конституции, возводившей в ранг закона бесправие граждан, обнаруживалось уже в ее первой главе. В статье 1 этой главы было сказано, что "граждане пользуются властью через своих представителей или при помощи национального референдума". Даже в конституции 1962 г. признавалось, что "вся власть исходит от граждан" (ст. 1). Еще более антидемократический характер носила глава вторая, касавшаяся основных прав и обязанностей граждан. Статья 18 гласила: "Ни один грждании не будет объектом ограничения свободы слова, печати, собраний и союзов, за исключением случаев, предусмотренных законом". Ограничивающее права граждан положение "за исключением случаев, предусмотренных законом" появлялось каждый раз, когда речь заходила о важнейших демократических свободах. С оговорками об "исключительных случаях" основной закон Южной Кореи "гарантировал" гражданам свободу личности (ст. 10, § 1), свободу местожительства и передвижения (ст. 12), свободу выбора профессии (ст. 13), свободу вероисповедания (ст. 16), свободу совести (ст. 17) и тайну переписки (ст. 15). Статья 32 предусматривала еще один весьма важный случай ограничения демократических свобод – "для обеспечения государственной безопасности и сохранения общественного порядка", – являвшийся удобным предлогом для проведения репрессивной политики сеульского режима.

Ограничение гражданских прав было неразрывно связано с другим положением, закрепленным в конституции и касавшимся усиления авторитарности механизма государственной власти в Южной Корее. Конституция 1972 г. предоставила президенту страны в лице Пак Чон Хи почти неограниченные полномочия. Прежде всего были ликвидированы все ограничения в сроках правления, что открыло перед Паком практическую возможность оставаться президентом до конца жизни. Свидетельством сосредоточения огромной законодательной и исполнительной власти в руках Пак Чон Хи являлось его право назначать: премьер-министра и членов Государственного совета; членов кабинета министров; треть Национального собрания; членов

Конституционного комитета (нового органа, ведающего вопросами политической жизни в стране); членов Центральной комиссии по проведению выборов. Президент Южной Кореи получил право принимать "чрезвычайные меры" в случаях, когда "национальная безопасность под угрозой или есть возможность возникновения угрозы" (ст. 53). Ему предоставлено было также право решать, имеются ли основания для прекращения действия чрезвычайных законов или нет, причем его суждение не подлежало никаким юридическим ограничениям. Кроме того, президент мог "во время войны, вооруженного конфликта или сходной ситуации в случае необходимости сохранить общественную безопасность и порядок объявить военное положение в стране" (ст. 54). Для видимости "демократии" конституция требовала от президента сообщить о принятом решении Национальному собранию (ст.54) и отменить решение, если более половины членов Национального собрания потребуют этого. Однако при существовавшем распределении мест в южнокорейском парламенте ограничение президентской воли было практически невозможно. Грубейшим нарушением демократии являлось также право президента распускать Национальное собрание (ст. 59).

Важным изменением, направленным на укрепление власти Пак Чон Хи, стало изъятие из старой конституции положения об обязательном выдвижении кандидатов на пост президента от политических партий. По новой конституции, наряду с кандидатами от политических партий, свою кандидатуру на пост президента могли выставлять так называемые "независимые", т.е. лица, не имевшие рекомендаций ни от одной политической партии. Этой мерой правительство Пак Чон Хи попыталось ослабить лагерь буржуазной оппозиции.

Для характеристики новой политической системы Южной Кореи особенно важное значение имела статья 43 новой конституции, в которой подчеркивалась ведущая роль президента страны в осуществлении административной власти. Это положение являлось юридической основой установления главенства администрации в политической системе Южной Кореи.

Усиление административной власти отразилось в новой конституции в передаче многих функций законодательной власти правительственным органам – Государственному совету и вновь созданной Национальной конференции по самостоятельному объединению. В компетенцию последней официально входили вопросы, связанные с политикой режима по вопросу объединения. В действительности же этим органом Пак Чон Хи во многом подменил Национальное собрание, передав ему право решать важнейшие вопросы государственной политики. Главной прерогативой Национальной конференции являлись выборы президента страны, а также трети членов Национального собрания по списку, одобренному Паком. Особое внимание конституция уделяла подбору кандидатов в Национальную конференцию, которые должны были быть не моложе 30 лет, не являться членами Национального собрания и не входить ни в одну из политических пар-

тий. Сам Пак Чон Хи, являвшийся, как известно, главой ДРП, игнорировал это положение. Результаты состоявшихся 15 декабря 1972 г. "выборов" в Национальную конференцию свидетельствовали о том, что в ее состав вошли представители правящей верхушки, тесно связанные с правящей партией и наиболее преданные Пак Чон Хи. Таким образом, Национальная конференция по самостоятельному объединению играла роль некоего законодательного учреждения, превращавшего выборы президента Южной Кореи в формальную процедуру и обеспечивавшего Паку автоматическое продление его полномочий.

Еще более расширены были полномочия Государственного совета, призванного осуществлять контроль и руководство над огромным чиновничье-бюрократическим аппаратом Южной Кореи. Этот орган, соединивший в себе и законодательную, и исполнительную власть, занимался важнейшими вопросами внутренней и внешней политики. В его функции входило объявление войны и заключение мира, рассмотрение дополнений к конституции, решение финансовых проблем, срочный созыв сессий Национального собрания, роспуск политических партий, назначение генерального прокурора, президентов национальных университетов, послов, начальников штабов всех видов вооруженных сил. Государственный совет состоял из президента, премьер-министра и членов, число которых могло изменяться от 15 до 25 человек. Президент, являвшийся председателем Совета, имел право назначать всех его членов, в том числе и премьер-министра.

Имелись также другие административные органы, находившиеся под непосредственным контролем президента. Среди них – Совет по национальной безопасности, возглавлявшийся президентом и занимавшийся обсуждением вопросов перед рассмотрением их кабинетом министров. В число его постоянных членов входили премьер-министр, министры иностранных дел, внутренних дел, финансов и национальной обороны, а также директор южнокорейского ЦРУ. Президент председательствовал также в Экономическом и научном совете, включавшем ведущих ученых и экспертов по разным отраслям науки и экономики. Под полным контролем Пак Чон Хи находились также Комитет по подготовке административных реформ, Конституционный комитет, Центральная комиссия по проведению выборов, Совет по ревизии и контролю и ЦРУ. Кроме комитетов, непосредственно подчиненных президенту, в центральный административный аппарат входили 17 министерств и ведомств, возглавлявшихся членами Государственного совета. В правительство входили также два министра без портфеля, один из которых отвечал за политические вопросы, а другой занимался проблемами экономики. Заместитель премьер-министра являлся одновременно министром экономического планирования.

Особую роль в системе административной власти, закрепленной новой конституцией, играл аппарат Чхонвадэ[10], роль и функции которого были скопированы с Белого дома США. Аппарат Чхонвадэ

состоял из людей, лично преданных Пак Чон Хи и подчинявшихся его приказам /343, с. 133/. Персонал Чхонвадэ включал девять специальных помощников президента, каждый из которых приравнивался по должности к заместителю министра. Кроме того, в Голубом дворце существовал специальный политический секретариат, состоявший из четырех отделов. Первый политический отдел занимался вопросами партийной деятельности, национальной обороны и юриспруденции, второй политический отдел – работой культурно-религиозных учреждений и здравоохранением. Первый экономический отдел рассматривал финансовые проблемы, экономическое планирование, а также контролировал различные экономические ведомства. Второй экономический отдел ведал вопросами науки и техники, оборонной и химической промышленностью /212, с. 418, 419/. Руководители этих отделов занимали одновременно ведущие посты в центральных административных органах. Секретариат южнокорейского президента играл, по сути, роль второго кабинета министров.

В системе политической власти в Южной Корее в 70-е годы особое место отводилось механизму взаимодействия центральной администрации с правящей партией, благодаря чему сложился единый партийно-административный бюрократический аппарат. Координацию деятельности ДРП с правительством осуществлял партийно-правительственный совет Чхонвадэ, в состав которого входили президент, премьер-министр, члены государственного совета, министры, министры без портфелей, директор южнокорейского ЦРУ, начальник секретариата Чхонвадэ, а также председатель ДРП, глава парламентской группы партии, заведующий ее политическим отделом и управляющий делами, другие члены руководства этой партии, от "группы Юджон-хве" ("группа в поддержку реформ обновления") – председатель, глава парламентской фракции, управляющий делами и три члена центрального комитета. Заседание этого совета проходило не реже одного раза в месяц /212, с. 421/. По существу, именно совету Чхонвадэ принадлежала ведущая роль в решении важнейших вопросов государственной политики.

Значительное усиление административной власти было достигнуто путем ослабления Национального собрания. Об этом свидетельствовали следующие факты. Кроме того, что вместо пропорционального представительства одна треть состава Национального собрания назначалась самим президентом с "одобрения" Национальной конференции по самостоятельному объединению, Национальное собрание было лишено права осуществлять контроль за администрацией и исполнительными органами правительства. Для того чтобы предотвратить любую обструкцию, власть председателя Национального собрания была значительно расширена и эту должность постоянно занимал член руководства ДРП, входивший в окружение Пак Чон Хи. По новой конституции, изменился срок полномочий депутатов. Для депутатов, "избранных" Национальной конференцией, он составлял 3 года,

для остальных – 6 лет (вместо 4 лет для всех депутатов по конституции 1962 г.).

О падении роли Национального собрания, пассивности и равнодушии его депутатов, их неверии в конструктивную деятельность этого органа говорил, например, тот факт, что правительство было вынуждено издать специальный указ, запрещавший чтение газет и журналов в стенах южнокорейского парламента, особенно во время его заседаний. В то же время, стремясь подкупить и заставить молчать членов парламента, власти Южной Кореи в 1972 г. почти втрое увеличили им жалованье (с 260 до 750 тыс. вон) /376, 1973, т. 13, № 12, с. 1099/. Таким образом, южнокорейский парламент был превращен фактически в совещательно-консультативный орган при аппарате государственной власти.

Укрепление центрального государственного аппарата в 70-е годы повлияло и на положение местных органов власти. Правительство Южной Кореи почти полностью ликвидировало местное самоуправление. Исключение составили лишь "особые" города – Сеул и Пусан. Южнокорейские власти исходили из того, что большое количество плохо поддающихся контролю местных органов управления порождало оппозицию на местах.

Последним мероприятием режима в серии политических "реформ обновления" стала так называемая избирательная реформа, проведенная в декабре 1972 г. Под видом избирательной реформы была ликвидирована любая возможность политической оппозиции режиму, а Национальное собрание, как уже было сказано, окончательно превращено в придаток президентской власти. Согласно законам "О выборах депутатов в Национальное собрание" и "О политических партиях" были полностью уничтожены условия для пропорционального представительства населения Южной Кореи в парламенте и ограничена свобода политической деятельности /403, 01.01.1973/.

По старому закону о выборах в Национальное собрание существовало 153 избирательных округа, от которых избиралось по одному представителю. Кроме того, главные политические партии получали 51 место, распределявшееся пропорционально количеству полученных партией голосов.

Новый закон создал систему мажоритарного представительства от 73 округов. Два кандидата от каждого округа, получившие наибольшее количество голосов, становились депутатами Национального собрания (146 человек). Президент с "одобрения" Национальной конференции по самостоятельному объединению представлял список еще 73 членов парламента (вышеупомянутая "группа Юджонхве"). Таким образом, общее число депутатов Национального собрания выросло с 204 до 219 человек. Уменьшением количества округов правительство добилось того, что почти от каждого из 73 избирательных округов в Национальном собрании был депутат, поддерживавший правящую Демократическую республиканскую партию. Это позволило правительству в первую очередь усилить позицию

ДРП в городских округах, где влияние партии было значительно ослаблено после выборов 1970 г.

Новая система, предусматривавшая избрание двух кандидатов от каждого округа, продемонстрировала свои преимущества для ДРП уже на парламентских выборах 1973 г. Любопытно отметить, что из 15 депутатов Национального собрания, избранных от ДРП в пяти крупнейших городах Южной Кореи, восемь стали депутатами, заняв в своих округах лишь второе место вслед за представителями оппозиции /323, с.53-56/.

Новые законы значительно усиливали правительственный контроль за выборами в Национальное собрание. Кандидатам в депутаты парламента было разрешено произносить речи в течение не более чем 30 минут. Продолжительность предвыборной кампании была сокращена до 18 дней. Была запрещена индивидуальная предвыборная деятельность кандидатов (дебатирование, выступления по телевидению, использование плакатов). Кроме того, предусматривалось, что каждый кандидат от политических партий вносит залог в 2 млн. вон (около 5 тыс. долл.), а "независимые" - 3 млн. вон (около 7,5 тыс.долл.). Кандидат, не получивший на выборах в своем округе трети голосов, лишался внесенной суммы. Это нововведение стало довольно серьезной преградой для многих оппозиционных политиков и в то же время давало дополнительные преимущества ДРП, которую финансировала крупная буржуазия Южной Кореи.

Последовавшие в ноябре 1972 г. выборы в Национальную конференцию по самостоятельному объединению, а также в Национальное собрание наглядно показали, что право избирать и быть избранным, провозглашенное конституцией Южной Кореи, на деле - пустая демагогия. В выборах, состоявшихся через два дня после отмены в стране военного положения, приняли участие лишь 70% всех избирателей. Национальная конференция по самостоятельному объединению, генеральным секретарем которой был выбран Пак Кён Вон, бывший глава южнокорейской полиции и близкий друг Пак Чон Хи, постановила провести 23 декабря 1972 г. выборы президента Южной Кореи.

Для видимости соблюдения демократии было объявлено, что с 18 по 22 декабря 1972 г. будет производиться регистрация кандидатов. Как и следовало ожидать, в условиях запрещения политической деятельности, подавления малейшего проявления несогласия с политикой правительства кандидатура Пак Чон Хи оказалась единственной. После этого все 2359 членов Национальной конференции по самостоятельному объединению послушно "избрали" Пака. Очередной фарс с выборами был закончен. Пак Чон Хи вновь стал президентом. Вступление в должность произошло 27 декабря 1972 г. и сопровождалось пышной церемонией, на которой присутствовало свыше 3 тыс. человек. В истории Южной Кореи была перевернута еще одна страница.

Южнокорейская пропаганда назвала политические маневры

1972 г. "реформами обновления". Пытаясь скрыть антинародный характер "реформ", сеульские власти усилили националистическую и антикоммунистическую обработку населения, умышленно разжигали шовинистические настроения в народе. В этот период власти Южной Кореи наряду с оголтелой антикоммунистической пропагандой провоцировали даже антизападные настроения. Отвергая любую другую форму "демократии" (в том числе и "демократию западного типа"), кроме "кореизированной", органы печати, радио и телевидение подвергали критике даже некоторые атрибуты "западного образа жизни". Дело доходило до ограничения передач западной музыки, сокращения числа западных кинофильмов, устранения иностранных слов из рекламных вывесок и объявлений, запрещения длинных волос /378, 05.03.1973, с. 39, 40/. Однако подобные пропагандистские маневры необходимо было подкрепить более серьезными средствами идеологического воздействия на массы.

Идейные источники новой политической теории правящих кругов Южной Кореи

Стремление обосновать новые формы политической реакции, скрытые под вывеской "реформ обновления", потребовало от южнокорейских правителей тщательно разработанной системы политико-идеологических концепций. Отличительной особенностью идеологического развития Южной Кореи после 1972 г. стали попытки создания общеполитической теории, претендовавшей на "научное" истолкование широкого круга проблем общественно-политической жизни. В этой работе приняли участие маститые южнокорейские политологи, чьими услугами уже не раз пользовалась администрация Пак Чон Хи. Ведущую роль в разработке общеполитической доктрины играл Ким Ун Тхэ – профессор политических наук, активный сторонник режима Пак Чон Хи с первых лет его существования. В 1961 г. Ким Ун Тхэ входил в Комитет планирования, созданный военной хунтой, в 1962 г. участвовал в подготовке изменений к конституции Южной Кореи, а с 1971 г. являлся членом правительственного Комитета по подготовке административных реформ. Немаловажная роль отводилась и Ли Джон Сику, сменившему в 1972 г. профессорскую кафедру на место члена парламентской "группы Юджонхве". В разработке новой политической теории принимали также участие профессор университета Корё Хан Сын Джо, снискавший репутацию ярого антикоммуниста[11], видные южнокорейские политологи и социологи Ли Ён Хо, Цой Чхан Гю, Пэк Ван Ги, Ан Бён Ук, Юн Хян Себ и другие специалисты по проблемам внутренней и внешней политики, истории и идеологии Южной Кореи. Результатом их усилий стало появление ряда книг, в которых делалась попытка теоретически обосновать антидемократическую политическую "систему обновления" (юсин) и реакционный курс сеульского режима (см. /205; 212; 213; 214; 195, 193/).

В 70-е годы в политической теории Южной Кореи окончательно утвердился уже упоминавшийся принцип "синтеза", для которого в первую очередь характерен идеалистический подход к историческим традициям, рассмотрение их в отрыве от социально-экономических условий эпохи, их породившей. Именно поэтому южнокорейские идеологи особое внимание уделили бесплодным поискам историко-философских аналогий "реформ обновления" 1972 г., пытаясь в отживших и реакционных традициях прошлого найти подтверждение тезиса о "самобытном" характере современной южнокорейской идеологии и политики.

Подчеркивая важность обращения к прошлому, Цой Чхан Гю, например, заявлял, что "главное для южнокорейской политической теории - освещение ее кореизированной сущности, что может быть достигнуто лишь путем выяснения исторической исключительности корейской нации" /212, с. 84/. Но, как известно, "выяснение исторической исключительности корейской нации" составляет главное содержание концепции "чучхесон". Именно к ней полностью применима ленинская характеристика буржуазного национализма: "Принцип буржуазного национализма - развитие национальности вообще..." /25, с. 132/.

Воздействие националистического принципа "национального субъективизма" ("чучхесон") на официальную идеологию Южной Кореи проявилось по двум основным направлениям. Во-первых, этот "принцип" использовался для искажения истории возникновения нации и государственности в Корее, для попыток опровержения марксистского тезиса о решающей роли смены общественно-экономических формаций в возникновении и развитии национальных и государственных отношений. С этой целью была разработана периодизация "политической истории" Кореи, во многом повторявшая хронологическую схему одного из апологетов современного корейского буржуазного национализма, профессора Сеульского университета Хан У Гына, в его "Общей истории Кореи"[12], в которой, как указывал М.Н.Пак, проявляется "общая линия национализма - стремление отождествить понятия этнического и национального, представить корейскую нацию в качестве надклассовой и надысторической категории, существующей непрерывно и без коренных изменений с древнейших времен и до наших дней" /100, с. 11/. Главная цель периодизации "политической истории" также заключалась в том, чтобы показать существование корейской нации гораздо раньше других ранних государственных образований, уже на этапе "нового каменного века", представить принцип "чучхесон" в качестве основы "саморазвития" /212, с. 93-95/.

В схеме политико-исторической периодизации отчетливо проявилась и другая особенность концепции "чучхесон", заключавшаяся в использовании традиционализма для обоснования современной политики южнокорейского режима и превращении традиционных форм корейской философии в основной элемент политической идеологии. С

этой целью среди множества направлений и школ корейской социально-политической мысли были отобраны концепции и доктрины, в которых, по мнению сеульских идеологов, наиболее ярко проявилась идея об "исключительности корейской нации".

Самобытность "политической истории" периода древности (от государства Тангуна до объединенного Силла) отразилась, по мнению южнокорейских политологов, в идеях, выраженных в уже упоминавшемся выше принципе "хонъик инган". Этот "принцип" правления мифического Тангуна утвердился в южнокорейской националистической пропаганде в качестве своеобразного "эталона" взаимоотношений между господствующим классом и народом, служащего для увековечения отношений социального неравенства и подчинения. Южнокорейским массам внушалось, что единственной формой "справедливости" могут стать лишь "правильные" отношения между власть имущими и народом, при которых первые должны руководствоваться "любовью" к народу, а народ – отвечать им "уважением" /212, с. 138/. Подобная "справедливость" служила для внедрения патернализма как "подлинно корейской" формы социальных отношений.

В пришедшем на смену Силла феодальном государстве Корё (X–X1У в.) символом "национальной самобытности" было признано существование так называемой "шестиглавой ступени" ("юктупхум") – высшего разряда знатности корейской аристократии. Некоторые представления о взглядах этой аристократии дает сохранившееся в "Корёса" ("Истории Корё", изданной в 1451 г.) высказывание Цой Сын Но, одного из представителей "юктупхум": "Основа буддизма – моральное воспитание, а главный принцип конфуцианства – управление государством. Нравственность – основа будущего, управление страной – неотложная задача сегодняшнего дня. Сегодняшний день близок, а будущее далеко. Стоит ли отказываться от близкого и гнаться за далеким?" /212, с. 155/. Это высказывание свидетельствует о том, что группировка "юктупхум" противопоставляла господствовавшей в Корё буддийской идеологии конфуцианские догмы под видом заботы об укреплении государства. По мнению южнокорейских историков, именно эта часть аристократии противостояла сепаратистским устремлениям большинства феодалов и выступала сторонницей единой централизованной власти /212, с. 102/. Неоконфуцианские догмы о необходимости сильной централизованной государственной власти широко использовались сеульским режимом для оправдания авторитарности государственного аппарата.

В связи с этим важное место в политической теории Южной Кореи отводилось националистической интерпретации идейного наследия периода династии Ли. К ведущей политико-философской школе периода кынсе (новые века) были отнесены взгляды некоторых представителей неоконфуцианской группировки ученых ("сарим"), сложившейся в ХУ–ХУ1 вв. Подчеркивалось, что особый вклад в формирование "национальной самобытности" в этот период внес Чо Гван Джо (1482–1519), стоявший на позициях чжусианства. Сеуль-

ские идеологи взяли на вооружение реакционные стороны политико-философских взглядов Чо Гван Джо, проявившиеся, в частности, в его учении о морали. Как представитель чиновничества Чо Гван Джо был противником ослабления королевской власти "старой знатью" и разрабатывал также проекты укрепления централизованного монархического государства. Выступая сторонником "ванского пути", он считал возможным установление "справедливого" правления при условии высоконравственного поведения монарха. Им была выдвинута реакционная идея о существовании абсолютной нравственной категории "до", рассматривавшейся в качестве основы отношений между правителем и подданным /101, с. 104, 105/. Реакционные идеи Чо Гван Джо использовались сеульской пропагандой для обоснования ложного тезиса о возможности социальной гармонии в южнокорейском обществе. Поднимая эти идеи на щит, Хан Сын Джо, например, усматривал в них образцовую модель "мудрого правления" и первые ростки "идеологии обновления" /214, с. 57/.

В новое время (кындэ) "национальная исключительность" корейской идеологии проявилась, по утверждениям южнокорейских политологов, в учении секты "тонхак" ("восточное учение"), возникшем в середине XIX в. в противовес господствовавшей в Корее конфуцианской идеологии. Учение "тонхак" являлось эклектичной системой религиозно-политических воззрений, включавшей отдельные положения даосизма, буддизма и конфуцианства. Из конфуцианства им было взято учение "трех отношений и пяти норм", из буддизма – "об очищении сердца", из даосизма – проповедь об "очищении тела от нравственной и физической нечистоты" /99, т. 1, с. с.319/. Наиболее привлекательной для широких масс была заимствованная из христианства идея монотеизма и провозглашение равенства всех перед всевышним.Это положение учения "тонхак" южнокорейские политологи целиком отнесли к проявлениям "самобытной" корейской идеологии. Цой Чхан Гю называл "тонхак" проявлением "современного национализма" /212, с. 92/. Хан Сын Джо оценивал его как "наиболее кореизированную и самобытную форму национальной идеологии XIX в.".

В современный период (хендэ) наиболее типичным выражением корейского национализма являлась, по мнению южнокорейских политологов, "идеология первомартовского движения" 1919 г., в которой они усматривали прообраз идей "апрельской революции" 1960 г., "революции 16 мая 1961 г." и, наконец, "октябрьских реформ обновления" 1972 г. Создателями "идеологии первомартовского движения", отраженной в "Декларации независимости"[13], были объявлены корейские буржуазные националисты – Цой Нам Сон (1890-1957) и Хан Рён Ун (1879-1944).

Цой Нам Сон (псевдоним Юктан), один из авторов проекта "Декларации независимости" 1919 г., написал несколько работ по корейской истории, в том числе "Историю Кореи" и "Историю движения за независимость корейского народа", отразивших

его буржуазно-националистические взгляды. Националистические воззрения не помешали ему активно сотрудничать с японскими колонизаторами. В последние годы японского господства он был назначен советником "Центральной палаты", несколько лет являлся профессором университета Конгук, основанного Квантунской армией на территории Маньчжоу-го. В период войны на Тихом океане Цой Нам Сон активно участвовал в "движении за единение императора и народа" /182, с. 260/. В 1948 г. он опубликовал работу под названием "Общие знания о Корее в форме вопросов и ответов", где изложил свою ложную концепцию о существовании особой "южнокорейской идеологии". Исходя из надуманной предпосылки о том, что "самобытная" корейская идеология с древнейших времен развивалась лишь на юге полуострова, он пришел к реакционному выводу о том, что только Южная Корея является "настоящей Кореей" /214, с. 65/. Именно этот вывод использовался Ли Сын Маном в его антикоммунистической доктрине "похода на Север".

Если реакционные идеи Цой Нам Сона всегда служили обоснованию политики южнокорейских властей, то имя Хан Рён Уна стало упоминаться в Южной Корее лишь после 1972 г. До этого Хан Рён Ун был известен в Южной Корее лишь как один из буржуазных националистов, подписавших в 1919 г. "Декларацию независимости". Причиной возросшего интереса сеульской пропаганды к личности этого довольно заурядного деятеля стала опубликованная им еще в 1911 г. книга под названием "Буддийская теория обновления Кореи". В 1972 г. работа Хан Рён Уна была переиздана большим тиражом, а самого автора южнокорейские пропагандисты начали именовать "вдохновенным певцом идеологии независимости" /214, с. 33/. Дело в том, что Хан Рён Ун в своем сочинении впервые использовал термин "теория обновления" ("юсиннон"). И хотя речь у него шла о так называемом "буддийском обновлении", южнокорейские идеологи охотно ухватились за "теорию" Хан Рён Уна. Так, признавая, что Хан Рён Ун ни слова не сказал о "политическом или социальном обновлении", Хан Сын Джо оправдывает это тем, что "отсутствие свободы" в условиях японского колониального гнета вынудило автора говорить об "обновлении" в аллегорической форме, прибегая к буддийской религиозной терминологии /214, с. 34/.

"Буддийская теория обновления" представляла собой религиозно-анархистскую систему взглядов. Рассматривая "религиозное обновление" как универсальную основу любых перемен, Хан Рён Ун особо подчеркивал роль "разрушения" в процессе "обновления" Кореи. "Что такое обновление (юсин. – *Авт.*)? – писал он. – Это дитя разрушения. А что такое разрушение? Это мать обновления... Степень обновления прямо пропорциональна степени разрушения. Разрушение – первоочередная задача обновления" /214, с.34/.

Несмотря на то что южнокорейские идеологи пытались приукрасить "теорию" Хан Рён Уна, совершенно очевидно, что "обновле-

ние", у него выступало синонимом регрессивных изменений. Категория "разрушения" в его схеме являлась типичным примером недиалектического отрицания, за которым скрывался реакционный характер предполагаемого "обновления". В.И.Ленин, раскрывая связь между диалектическим и недиалектическим отрицанием, писал: "Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т.е. без всяких колебаний, без всякой эклектики" /28, с. 207/. В схеме Хан Рён Уна "разрушение" как раз исключает то, что материалистическая диалектика именует "моментом связи", и поэтому данная схема является не более как "голым отрицанием". Столь же "голой", по существу, выступает и "теория" Хан Рён Уна, представляющая собой набор пустых софизмов, на основе которых южнокорейские идеологи пытались создать "теоретическую базу" реакционных "реформ" 1972 г.

Таким образом, в основу южнокорейской "политической теории" были положены так называемые традиционные формы политической философии, к которым, в условиях пропаганды в Южной Корее буржуазно-националистической концепции "чучхесон", было причислено реакционное идейно-политическое наследие. "Самобытными" корейскими были названы концепции, обосновавшие "божественное" происхождение государства и власти в Корее (миф о Тангуне), вечность существования иерархических отношений подчинения младших старшим, необходимость укрепления сильной централизованной и единоличной власти и, наконец, возможность социальной гармонии на базе надысторического "национального сознания".

Другим источником южнокорейской политической идеологии в 70-е годы стали концепции западной буржуазной политической философии. Формирование южнокорейских политических теорий происходило под непосредственным воздействием субъективно-идеалистических направлений американской политической мысли, особенно школ бихевиоризма и прагматизма. В 1968 г. южнокорейский критик Ли Ён Иль был вынужден признать, что "с начала 60-х годов резко возросло влияние американского бихевиоризма на южнокорейскую политическую идеологию" /365, 1978, № 2, с. 142/. Этот процесс еще более усилился в 70-е годы. В работе "Политология" Ли Гык Чхан особо отметил, что "бихевиористская наука оказывает огромное воздействие на южнокорейское общество... в том числе и на развитие политической теории" /193, с. 100/. Повторяя высказывания западных идеологов о том, что в основе бихевиористского подхода к общественным явлениям лежит изучение индивидуального поведения людей, южнокорейские политологи отказывались от анализа общества как единого целого и занимались описанием второстепенных факторов, влияющих на политический процесс.

Исходя из этого, они говорили о ведущей роли в политической жизни так называемого географического, или геополитического, фактора /212, с. 25/. Ким Ун Тхэ впервые в Южной Корее поставил

вопрос о возможности использования термина "геополитика" применительно к существующей политической реальности. Хотя в южнокорейской трактовке геополитика не содержала неофашистского тезиса о "жизненном пространстве" и сводилась лишь к утверждению решающего влияния на политику и "политическое поведение масс" таких факторов, как "географическое положение, геология, рельеф местности и климат", тем не менее "срединным" географическим расположением Корейского полуострова Ким Ун Тхэ пытался объяснить повышение роли Кореи в международных отношениях на Дальнем Востоке /212, с. 25/.

Вынужденное признание научной несостоятельности "геополитических" факторов заставляло южнокорейских идеологов обращаться к характеристике социально-экономических условий политической жизни. При этом Ким Ун Тхэ подчеркивал, что "экономический фактор не оказывает решающего воздействия на политику", повторяя, по существу, высказывание А.Бентли, видного представителя бихевиористского направления американской политологии, о том, что экономический базис не является "главенствующим, основным в определении политической активности" /212, с. 43; 234, с.209/. Этот тезис использовался Бентли для выдвижения так называемой "теории групп" как альтернативы марксистской теории классов. Сторонники "теории групп" исходили из того, что основой создания социальных групп является некая общность интересов, а не производственные отношения.

Для формирования ложного представления о классовом делении общества южнокорейские идеологи использовали категорию "социального фактора". Он рассматривался ими как синоним социальной структуры общества. Следуя бихевиористской школе, южнокорейские политологи брали в качестве основной социальной единицы абстрактную "группу", под которой подразумевалось некое количество людей, объединенных общими интересами. Такая группа именовалась "заинтересованной группой" ("риик чиптан"). Однако в отличие от своих западных коллег к психологическим мотивам формирования "заинтересованных групп" южнокорейские идеологи прибавляли еще некоторые "традиционные".

Так, формой социального общения на ранних этапах существования корейского общества, по мнению Ким Ун Тхэ, являлись "кровнородственные связи", названные им "социальными узами первого порядка" /212, с. 51/. Ким считал, что такого рода отношения привели к появлению семьи как "первоначальной социальной единицы в Корее" /212, с. 51/. Эта форма социальной организации, по его мнению, породила такие явления современной южнокорейской действительности, как "семейственность, регионализм и авторитаризм" /212, с. 54/.

При помощи концепции "заинтересованных групп" строилась и общая схема социальной дифференциации в современной Южной Корее, именовавшаяся, в духе времени, "социальной стратификацией".

При определении социальной структуры южнокорейская политическая теория исходила из взглядов, сформулированных в свое время Максом Вебером. Главным критериями "социальной стратификации" считались "власть, собственность и престиж" /212, с. 62/. Метод исследования южнокорейскими политологами социальной структуры характерен для так называемого социально-психологического направления последователей М.Вебера, которое ставило в центр угла изучение социальной дифференциации по статусному (престижному) признаку. Развитие этого направления связано с исследованиями американского социолога Уильяма Уорнера /86, с. 56-58/. Следуя методологии Уорнера, южнокорейские политологи исходили из того, что социальная дифференциация не может быть прослежена на таком широком объекте, как общество в целом. Поэтому они выбирали отдельные территориальные единицы, представлявшие собой, по их мнению, относительно автономную социокультурную систему, своеобразный "сколок общества". Для большей "объективности" обычно бралось несколько таких единиц, и на этом основании выносилось суждение об общей структуре. Так, результаты исследования, проведенного в 1972 г. в территориальных единицах "большого города, среднего города, уездного города и деревни", считал Ким Ун Тхэ, давали представление о "социальной стратификации" всей страны /212, с. 68/. Из приведенной им схемы было видно, что критерий "жизненного уровня" аналогичен уорнеровскому расчленению по статусному признаку и точно так же полностью игнорируются подлинные социальные причины классовой дифференциации. Не случайно, что конечным результатом такого "исследования" явилось повторение уорнеровской системы из "шести социальных страт". Южнокорейские политологи также "обнаружили" у себя шесть социальных групп: верхняя верхняя группа (ВВГ), нижняя верхняя группа (НВГ), верхняя средняя группа (ВСГ), нижняя средняя группа (НСГ), верхняя нижняя группа (ВНГ) и нижняя нижняя группа (ННГ) /212, с. 68/. Подобная система давала возможность произвольно перетасовывать реально существующие классы, социальные слои и группы и на этой основе делать любые выводы в интересах правящей верхушки.

Так, в приводимой южнокорейскими авторами схеме социальной стратификации лица, отнесенные к категориям ВСГ и НСГ, составляли более 62%, что дало возможность Ким Ун Тхэ заявить о значительном росте в Южной Корее наряду со "старым средним классом" "нового среднего класса" (страты), к которому он причисляет так называемые "белые воротнички" /212, с. 80/. Тем самым он, по существу, повторял антикоммунистическую концепцию о специфике социального развития капиталистического общества, в ходе которого рабочий класс якобы выступает как "вымываемая социальная группа", поглощаемая постоянно растущим "средним классом".

Наряду с бихевиоризмом огромное влияние на южнокорейскую политическую теорию оказал прагматизм в его различных проявлени-

ях. Большой популярностью среди сеульских политологов пользовались взгляды Х.Лассвела, особенно его теория "распределения ценностей". Эта теория, как известно, переплеталась у Лассвела с теорией "элиты". Он писал: "Немногие, обладающие большинством каких-либо ценностей, являются элитой, остальные - массы и статисты" (см. /86, с. 29/). Теория "элиты" заняла центральное место в южнокорейской политической идеологии. Один из ее сторонников, Хан Сын Джо, следуя Лассвелу, к числу важнейших "ценностей" относил "богатство, власть и уважение" /213, с. 134/.

Под влиянием американской школы "политического реализма" южнокорейские политологи положили в основу анализа политики "власть" как главную пружину политического процесса. Ли Гык Чхан, например, определял политическую идеологию как "орудие приобретения политической власти в современном обществе" /193, с.258/. В этих словах выражалась главная цель политической теории правящих кругов Южной Кореи, в которой реакционные течения империалистической идеологии использовались для оправдания политической реальности.

Таковы были в общих чертах исходные позиции южнокорейской политической теории. Ее идейными источниками стали националистические концепции традиционной общественно-политической мысли и отдельные направления западной буржуазной политической философии. И те и другие концепции отличались субъективно-идеалистическим подходом к анализу социально-политических явлений. Для них характерно было отрицание ведущей роли материального производства в жизни общества, извращение марксистской теории классов и классовой борьбы, апология силы и власти как решающих факторов политического развития, крайний субъективизм в оценке таких основополагающих понятий, как государство и нация. Все это свидетельствовало о том, что южнокорейская политическая идеология не имела серьезной теоретической базы.

Отсутствие научной методологии отразилось на методах и приемах обоснования политической системы, установленной в Южной Корее в 1972 г. и названной "системой обновления" или "кореизированной демократией". Теория "кореизированной демократии" стала в 70-е годы социально-политической программой сеульского режима, отразившей взгляды правящей группировки на характер государственно-политического устройства Южной Кореи.

"Кореизированная демократия" - авторитарная националистическая модель государственно-политической системы Южной Кореи

Появление социально-политической концепции "кореизированной демократии" было обусловлено реакционными тенденциями в экономике и политике Южной Кореи, потребовавшими от сеульских властей более изощренных форм идеологической маскировки авто-

ритарности южнокорейской политической системы. Теория "корейзированной демократии" явилась продолжением многолетних извращений южнокорейскими идеологами проблемы демократии и отражением резко возросшего за последние годы внимания западных буржуазных теоретиков к этому вопросу.

Марксизм-ленинизм всесторонне обосновал зависимость формы демократии от материальной основы жизни общества, раскрыл ее классовый характер. Классовая обусловленность сущности демократии позволила сделать вывод о том, что социализму и капитализму как двум противостоящим общественным системам соответствуют два принципиально противоположных типа демократии. "Социалистическая демократия выражает и защищает интересы народа, служит делу коммунизма, - отмечалось в Постановлении ЦК КПСС "О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции". - Она распространяется на всю общественную жизнь - экономическую, политическую и духовную, создает условия для всестороннего расцвета личности" /37, с. 12, 13/.

Социалистической демократии идеологи буржуазии всегда пытались противопоставить свои "идеалы" государственного устройства. Ими создан целый комплекс концепций, ставящих целью любыми средствами извратить классовую сущность демократии. В подходе к политической демократии, как отмечал советский исследователь Э.Л.Кузьмин, свойственный буржуазным идеологам "общий методологический порок... заключается прежде всего в отрыве буржуазной демократии от социально-экономической структуры капитализма, его базиса, в антинаучном характере взглядов на соотношение экономики и политики, в явном преувеличении относительной самостоятельности государства, буржуазной демократии по отношению к производственным отношениям" /124, с. 40/. Все это в полной мере относилось и к изысканиям в области демократии, проводившимся южнокорейскими идеологами.

Искажение сущности демократии легло в основу определения характера политической системы, "соответствующей южнокорейской политической реальности". Не случайно разработкой проблем "корейзированной демократии" занимался уже упоминавшийся Хан Сын Джо, известный в Южной Корее как "специалист по вопросам коммунизма". Им была выдвинута концепция о трех типах демократии, представлявшая собой образец формалистического подхода к вопросу, свойственного буржуазным идеологам. Хан Сын Джо считал, что существуют "западная демократия, восточная демократия и демократия развивающихся государств" /213, с. 27/. Такая классификация, по его мнению, учитывала все современные политические системы.

В основу характеристики типов демократии им были положены такие формальные показатели, как число партий, организация выборов, отношение государства к правам и свободам граждан и другие элементы традиционного для буржуазных авторов "набора" приз-

наков демократии. Разумеется, некоторые из них важны сами по себе, но не имеют самодовлеющего значения. Суть же демократии – степень реальности провозглашаемых прав и свобод, подчиненности деятельности политических партий, государственных демократических институтов интересам класса – вообще не затрагивалась в работах Хан Сын Джо и других южнокорейских авторов.

Ярко выраженную антикоммунистическую направленность имело определение Ханом "восточной демократии", в которую он произвольно включал "народную демократию, пролетарскую демократию, фашизм и нацизм" /213, с. 28/. "Восточная демократия" у него служила синонимом "тоталитарной диктатуры" /213, с. 28/. Это свидетельствует о том, что южнокорейские идеологи взяли на вооружение антикоммунистическую доктрину "тоталитаризма", создатели которой безуспешно пытались выдать тоталитаризм за основу социализма и коммунизма (см. /165, с. 459, 460/). Следуя этой доктрине, Хан Сын Джо в качестве главных признаков тоталитарных систем совершенно произвольно выдвигал существование одной партии, которая руководит государством, и одной партийной идеологии /213, с. 45/.

Концепция "восточной демократии", представлявшая собой южнокорейский вариант доктрины "тоталитаризма", содержала преимущественно клеветнические измышления в отношении политической системы социализма, существующей в северной части Корейского полуострова.

В понятие "западной демократии" были включены все политические системы стран развитого капитализма. Для разграничения "ортодоксальных систем" буржуазной демократии и их социал-реформистских разновидностей вводилось дополнительное разделение "западной демократии" на либеральное и социал-демократическое направления. Социал-демократию, по мнению южнокорейских теоретиков, характеризовало повышенное внимание к "рабочей прослойке и среднему классу, приверженность принципу всеобщего равенства", в то время как либеральная демократия ставила якобы выше всего "свободу личности" /213, с. 24/. Заметим, что в этой трактовке "свобода личности" противопоставлялась "всеобщему равенству". Такое разделение было также заимствовано южнокорейскими идеологами из антикоммунистической буржуазной политологии. Так, Дж.Сартори в своей популярной на Западе "Демократической теории" также пытался доказать, что термин "либеральная демократия" возник на основе слияния концепций "либерализма", отстаивающего "свободу отдельной личности", и "демократии", основывающейся на принципе "всеобщего равенства" /335, с. 367–371/.

Системы "западной демократии", как считали южнокорейские идеологи, находятся ближе всех остальных к так называемой "чистой" демократии и характеризуются плюрализмом, выражающимся в "множественности воли, власти, политических партий" /213, с. 335/. Они утверждали, что перед лицом "исторических испыта-

ний" либерализм и система "парламентской демократии" продемонстрировали свою слабость, особенно отчетливо проявившуюся в начале 70-х годов во время экономического кризиса в западном мире. Тогда главной причиной политической нестабильности, по их мнению, явилось отсутствие "авторитетных лидеров" типа Рузвельта, Черчилля, де Голля /213, с. 100/. Поэтому для достижения стабильности предлагалось установить равновесие между элементами либерализма и авторитаризма в политике.

На первый взгляд, в подходе сеульских теоретиков к характеристике "западной демократии" не было ничего нового. Однако эти высказывания несли определенный пропагандистский заряд и были адресованы прежде всего южнокорейской мелкобуржуазной интеллигенции. Подавляющая часть мелкой и средней буржуазии Южной Кореи, а также студенчество были воспитаны на преклонении перед идеалами либеральной демократии. Именно под лозунгами защиты либеральной демократии проходило восстание 1960 г. против Ли Сын Мана, под этими же лозунгами протекали чаще всего выступления против диктатуры Пак Чон Хи. Поэтому для правящих кругов Южной Кореи очень важно было показать, что система либеральной демократии переживает кризис и выход из этого кризиса лежит в использовании "элементов авторитаризма", т.е. в переходе к политической реакции. С определением сущности понятия "авторитаризма" связана характеристика третьего типа демократии в южнокорейской классификации - так называемой "демократии развивающихся государств".

Выдвижение категории "демократия развивающихся государств" ("синсэнгук минджуджуый") отражало стремление сеульских идеологов дать универсальное определение "самостоятельного пути" политического развития молодых афро-азиатских государств. По мнению южнокорейских политологов, такой путь развития большинства политических систем в освободившихся странах, которые "не являются ни западной, ни восточной демократией", возможен лишь при условии утверждения "авторитарной политической системы" /213, с. 49/. Так называемой "демократии развивающихся государств" приписывалось "полное подчинение авторитету лидера, отсутствие идеологии, репрессивный характер политической власти и всеобщее безразличие к политике, безраздельное господство правящей элиты и враждебное отношение к массам со стороны последней" /214, с. 330-333/. Необходимость использования авторитаризма в развивающихся странах южнокорейские идеологи оправдывали усиливающимся противоборством "восточной" и "западной" систем демократии. Ввиду слабости "западной" демократии, указывали они, именно авторитаризм может наилучшим образом противостоять "угрозе коммунизма", являющегося, по их мнению, "наиболее серьезной проблемой для отсталых государств" /213, с. 53/. Происшедший в 60-70-е годы рост числа азиатских стран, избравших некапиталистический путь развития, а также провозгласивших своей целью

построение социалистического общества, еще более усилил озабоченность южнокорейской буржуазии и ее идеологов судьбой капиталистических режимов Азии. Именно этим объяснялся призыв усиливать "авторитаризм" политических систем, любыми способами противодействовать "коммунистической диктатуре".

Таким образом, южнокорейская антикоммунистическая концепция "трех типов демократии" представляла собой пример "критики" буржуазной демократии справа, построенной на обосновании необходимости использования авторитарных идей, "сильной власти", однопартийной системы и т.д. Создание авторитарной политической системы идеологи южнокорейской буржуазии пытались выдать за наиболее "эффективное" средство решения задач, стоявших перед развивающимися странами.

В качестве образца такой политической системы предлагалась "кореизированная демократия". В ее основе лежало националистическое обоснование авторитаризма южнокорейской политической системы при помощи антинаучной интерпретации исторического прошлого. Авторитаризм провозглашался "неизменной и естественной формой политики", характерной для Кореи "с древности и до наших дней". При этом главная причина авторитаризма южнокорейской политической системы усматривалась во "влиянии конфуцианской культуры" /213, с. 154/. Под воздействием конфуцианства сложилась якобы иерархическая система социальных отношений в Южной Корее, называемая "патриархальным авторитаризмом". Истоки "патриархального авторитаризма" сеульские идеологи обнаруживали даже в традиционных отношениях внутри корейской семьи. Таким образом, патриархальные семейные отношения переносились в сферу политики. Играя на глубоко укоренившемся в сознании каждого корейца особо уважительном отношении к старшим, южнокорейские идеологи пытались представить авторитет родителей в качестве примера "политического авторитета", а отношения в семье сравнивали с "политическим процессом" /212, с. 189/.

На идеализации патриархальной старины строилось и обоснование другой якобы присущей "кореизированной демократии" особенности. Это касалось националистической реконструкции традиционных семейно-общинных отношений в Корее. Община и семья рассматривались как основополагающие единицы социальной организации Кореи, существовавшие неизменно с древнейших времен. При этом внутриобщинные отношения выдвигались в качестве готовой формы "демократии", существовавшей якобы в Корее еще в незапамятные времена. Как пример такой "демократии" приводились силланские сельские общины – хян, социальные отношения в которых регламентировались так называемыми "четырьмя правилами" ("ханьяк"), не имевшими никакого отношения к политической демократии /213, с. 174/. Напомним, что Пак Чон Хи усматривал корни "национальной демократии" даже в "хвабэк", являвшемся, как известно, высшим органом власти силланской аристократии.

Основной причиной зачисления "хвабэк" в разряд демократических институтов послужила система единогласного и беспрекословного принятия решений, характеризовавшая этот орган.

Усиление бюрократической централизации исполнительного аппарата, происходившее в Южной Корее, а также концентрация власти в руках все меньшего числа лиц, непосредственно представлявших интересы буржуазии, отразились в концепциях, оправдывавших антидемократизм южнокорейской государственно-политической системы.

Так, обоснованию падения роли представительных учреждений служила концепция "административного государства", в разработке которой участвовали профессора Сеульского университета Пак Тон Со[14], Ким Ун Тхэ и Пэк Ван Ги. Идеологи режима Пак Чон Хи выступили против классической буржуазной доктрины разделения власти на законодательную, судебную и исполнительную, отстаивавшей невмешательство исполнительных органов в законодательную деятельность и отправление правосудия. Взамен ими была выдвинута концепция полной автономии административных органов. Намеренно смешивая функции правительственной и административной власти, они отстаивали правомерность исключения самого понятия "исполнительная власть" и включения его в понятие "административное развитие". Пэк Ван Ги, например, считал, что "исполнительная власть является важнейшей составной частью административной власти" /212, с. 68/. Согласно этой концепции, административной власти должна принадлежать ведущая роль и в законодательном процессе.

Типология власти у южнокорейских идеологов основывалась на классификационной модели М.Вебера. Он, как известно, выделял власть традиционную, основанную на вере в святость древних традиций и установлений, власть легитимную, которая покоится на убеждении в целесообразности существующего общественного порядка, основанного на сумме безличных правил и принципов, вере в юридический устав и функциональную компетентность руководителя, и власть харизматическую, исходящую из веры в особые, сверхъестественные качества вождя /116, с. 119, 120/. Веберовская схема привлекла южнокорейских политологов тем, что типология власти в ней носит глобальный характер, позволяющий применить данные определения политической власти к любой формации и, следовательно, к любому этапу развития Южной Кореи.

Ссылки на "традиционную власть" неизменно использовались для оправдания авторитарности южнокорейской политической системы. Так, Пэк Ван Ги утверждал, что корейцам присущ особый, "авторитарный" тип социального поведения, который проявляется в "предпочтении отношений подчинения отношениям плюралистического равенства" /212, с. 385/.

Ссылки на "легитимность" и "харизматизм" политической власти использовались в качестве важнейшего средства порождения и

поддержания веры народа в то, что южнокорейские политические институты в наибольшей степени отвечают интересам данного общества. Утверждалось, что идеальной моделью такого общества является "административное государство", черты которого "неизбежно приобретает современная Южная Корея", и что главной особенностью "административного развития" Южной Кореи должна стать дальнейшая "централизация власти" /212, с. 383, 401/.

Необходимость дальнейшей концентрации власти в руках административного аппарата и его главы – Пак Чон Хи оправдывалась стандартной ссылкой на мифическую "угрозу с Севера" /212, с. 385/. При этом подчеркивалось, что лишь в условиях централизованной системы "административного государства" возможно в кратчайшие сроки организовать "эффективный отпор".

Для обоснования ведущей роли административной власти использовались также критика парламента и указания на его бесполезность. По утверждениям сеульских идеологов, в условиях современной экономической и политической жизни Южной Кореи с ее быстро меняющейся ситуацией такой громоздкий орган, как Национальное собрание, не способен принимать мобильные решения. "В условиях усложнения и специализации функций современного государства, – отмечал Юн Хян Соп, – происходит эрозия механизма парламента и его классические функции переходят к административной бюрократии, обладающей необходимым набором знаний, технических и профессиональных навыков. Именно поэтому в законодательном процессе Южной Кореи ведущая роль принадлежит административному правительству" /212, с. 325/.

Узурпацию власти в Национальном собрании представителями правящей группировки южнокорейские идеологи пытались выдать за доказательство отмирания ведущей роли парламента в "процессе принятия решений". "Поскольку в южнокорейском Национальном собрании большинство депутатов – представители правящей партии и правительства, то любое внесенное предложение является продуктом тщательного предварительного обсуждения на совместном совещании правительства и руководства правящей партии, – подчеркивал Юн Хян Соп. – В этих условиях результаты обсуждения важнейших законопроектов становятся ясными задолго до окончания сессии, а заседание превращается в ненужную трату времени" /212, с. 325, 326/. Таким путем антидемократической практике сеульских властей пытались придать характер законности.

В системе "кореизированной демократии" особая роль отводилась правящей ДРП. Умышленно искажая соотношение партийной и государственной власти, южнокорейские правители пытались скрыть углублявшийся процесс сращивания партийного и государственного аппаратов, вызванный усилением государственно-монополистических тенденций в экономике Южной Кореи и ростом влияния крупной буржуазии. Для формирования ложного представления о характере партийной власти в Южной Корее использовалась концеп-

ция "равновесия политических сил", изображавшая деятельность ДРП, как отвечающую интересам широких слоев населения и построенная на тезисе об автономном функционировании в Южной Корее до 1972 г. административной и партийной власти /213, с. 324/. За идеей о "равновесии" скрывалось огромное политическое влияние правящей партии, еще более возросшее в результате "реформ" 1972 г.

С первых дней существования ДРП играла особую и отнюдь не второстепенную роль в механизме политической власти в Южной Корее. Как мы уже говорили, характерной чертой развития партийно-политической системы Южной Кореи в 60-е годы, вопреки утверждениям сеульской пропаганды, являлся процесс сращивания партийного и государственного аппаратов, стимулируемый экономической политикой режима и отвечавший взаимным интересам военщины и крупной буржуазии. Это подтверждается и ходом политического развития Южной Кореи после "октябрьских реформ" 1972 г., укрепивших положение правящей партии, несколько пошатнувшееся во время выборов 1971 г. Тогда для поддержки ДРП в Национальном собрании была создана уже упоминавшаяся "группа Юджон-хве", назначавшаяся самим президентом и имевшая 73 места в южнокорейском парламенте. Эта группа блокировалась с ДРП по всем важнейшим законопроектам. Таким образом, несмотря на юридическое провозглашение в Южной Корее многопартийной системы и заявления идеологов о тенденциях к образованию двухпартийной системы, политическая реальность свидетельствовала об усилении ДРП и дальнейшем ослаблении оппозиции в лице Новой демократической партии и Партии демократического объединения, что отвечало интересам представителей правящей группировки.

Концепция "равновесия политических сил" как раз отражала специфику внутриполитического курса Пак Чон Хи, заинтересованного в поддержке ДРП крупным капиталом, но не допускавшего решающего перевеса в государственном аппарате ни одной из группировок, входивших в правящий блок. Вместе с тем эта концепция фактически оправдывала сращивание партийной и государственной власти, что находило конкретное воплощение в существовании огромного бюрократического партийно-административного аппарата, функционировавшего как единое целое и служившего интересам правящей верхушки.

С апологией ведущей роли администрации были связаны и концепции, обосновывавшие место бюрократии в социальной структуре южнокорейского общества. Вопрос о роли бюрократии имел особое значение для правящих кругов Южной Кореи, будучи неразрывно связанным с социальным содержанием власти южнокорейской элиты.

Как уже упоминалось, в основе южнокорейской схемы социальной дифференциации лежали бихевиористские и прагматические концепции М.Вебера, Х.Лассвела и других буржуазных идеологов. Оп-

равдывая существующую в Южной Корее систему политической власти, сеульские политологи стремились доказать, что правящая элита формировалась на рациональных принципах, соответствовавших интересам общества, и, следовательно, отражала в своем составе его структуру.

Правящая элита, как подчеркивал Ким Ун Тхэ, делилась на военную, бюрократическую, экономическую и политическую (см. /215, с. 72,73/). Он утверждал, что в годы существования режима Пак Чон Хи политическая, военная и бюрократическая элиты постепенно слились. При этом Ким указывал, что костяк правящей группировки составляла экономическая элита, выражавшая интересы монополистического капитала и получавшая активную поддержку со стороны правительства Пака /212, с. 72, 73/.

Обоснование правомерности руководящей роли правящей элиты велось путем извращенного толкования характера социальной структуры Южной Кореи. Для этого использовался уже упоминавшийся тезис о появлении в Южной Корее "нового среднего класса", в большинстве своем состоявшего якобы из административных служащих, или так называемых "белых воротничков" /212, с. 74/. Кроме них в состав "нового среднего класса" были включены "лица свободных профессий – врачи, художники и преподаватели" /212, с. 80/.

Существование "нового среднего класса" доказывалось при помощи данных, полученных южнокорейскими социологами. Типичным в этом отношении являлось исследование "социальной стратификации" Сеула, проведенное в 1969 г. Ким Ёном. Он дал следующую картину социальной структуры населения южнокорейской столицы /212, с. 67/.

капиталисты	1,8%
средние слои	37,9%
"белые воротнички"	30,1%
рабочие	27,7%
остальные	2,5%

Приведенные данные хотя и свидетельствовали о росте численности служащих в Южной Корее, но одновременно скрывали в аморфной категории "белых воротничков" значительную массу тех слоев населения, которые по характеру своего труда становились составной частью рабочего класса. При этом маскировалась и принадлежность части "белых воротничков" и "средних слоев" к господствующему классу ("капиталистам").

Пытаясь протащить идею об отсутствии противоречий между "белыми воротничками" и рабочими, сеульские теоретики утверждали, что стирание граней между рабочими и "средними слоями" может привести к ликвидации "противоречия между трудом и ка-

питалом", являющегося якобы препятствием на пути "мобилизации нации для осуществления мирного объединения" /212, с. 81/.

Поскольку идеалом общества "коренизированной демократии" объявлялось создание могущественного бюрократического аппарата, подменяющего собой любые другие органы власти, то особое внимание в политической идеологии Южной Кореи уделялось принципам формирования бюрократии. Несмотря на старания идеологов режима показать широкую социальную базу бюрократии, эти принципы свидетельствовали о возросшей изоляции от общества правящей элиты. По мере усиления вмешательства государства в экономическую сферу общества, в область духовной и политической жизни в Южной Корее сложился новый тип бюрократа. Как указывали южнокорейские авторы, его отличала прежде всего неплохая профессиональная подготовленность и компетентность /205, с.204/. Вместе с тем он сохранял и традиционные черты корейской бюрократии, унаследованные от феодальных времен. По-прежнему пропагандировался тип бюрократа-служаки, формалиста и консерватора, видевшего основной смысл жизни в пунктуальном выполнении инструкций и указаний сверху. Главным достоинством южнокорейской бюрократии считалось то, что "все бюрократические лидеры - стойкие антикоммунисты и сторонники авторитаризма по отношению к гражданским свободам" /226, с. 120/. Такими качествами должен был обладать идеальный представитель южнокорейской бюрократии, составлявшей костяк "нового среднего класса". Очевидно, что этот "класс" являлся очередной выдумкой южнокорейских идеологов, пытавшихся любыми способами создать ложное представление о структуре южнокорейского общества.

Как уже отмечалось, с извращенным толкованием сущности социальной структуры была связана и оценка сеульскими политологами места и роли организаций, называемых "заинтересованными группами" или "группами давления". Использование западной буржуазной концепции "заинтересованных групп" было вызвано стремлением южнокорейских властей идеологическими средствами противодействовать демократическим тенденциям в общественной жизни. Признавая, что расширение полномочий высших административных органов привело к "некоторому ограничению" буржуазно-демократических свобод, южнокорейские идеологи выдвинули ложный тезис о переносе центра тяжести "демократии" с "формальных организаций" (конституционные органы) на "неформальные" ("заинтересованные группы") /215, с. 391/. Тем самым они пытались показать, что политическая власть в Южной Корее не является монополией правящей группировки, а "делится поровну" между государственными и негосударственными объединениями граждан /213, с. 313/.

Обращение к идее дробления государственного суверенитета еще раз подтверждало эклектичность сеульской политической теории, поскольку "заинтересованные группы" являлись основным эле-

ментом западной концепции "плюралистической демократии" и были заимствованы из идеологического арсенала социал-демократов. Общий смысл теории "плюралистической демократии" состоит, как известно, в стремлении представить государственную власть в виде коллективного властвования множества различных организаций, как буржуазных, так и рабочих.

Рассматривая существование "заинтересованных групп" в качестве альтернативы классовому делению общества, южнокорейские политологи объявили наилучшим способом "защиты интересов" граждан расширение масштабов деятельности "заинтересованных групп", якобы объединявших индивидов по признакам сходства их материального положения, профессии, рода занятий, религиозных убеждений, места жительства и охраняющих их социально-групповые интересы. Ввиду того что интересы каждой группы могли носить различный характер, четкой классификации признаков "заинтересованных групп" не давалось. Критерием здесь служили социологические воззрения сторонников этой концепции, целиком поддерживавших схему "социальной стратификации" и поэтому стремившихся включить в "заинтересованные группы" большинство членов общества.

Об этом свидетельствовал перечень 1044 различных южнокорейских организаций, включенных в разряд важнейших "групп" /212, с. 341/. Примерно в том же количестве и составе перечислены "группы" в приложении к ежегоднику агентства Хаптон за 1973 г. Среди этих групп названы и международные организации (южнокорейская федерация международной организации по правам человека, южнокорейские общества дружбы и т.д.); научные (общество политологов, медицинское научное общество и т.д.); культурно-просветительские (федерация учителей, Общество по оказанию помощи учащимся, Общество памяти короля Седжона, южнокорейская ассоциация журналистов, Общество издателей газет, Всеобщая федерация работников культуры и искусства); физкультурные и спортивные организации; организации типа южнокорейского Общества инвалидов войны, Национального союза резервистов, Общества альпинистов, Общества матерей, южнокорейского женского союза и объединения южнокорейских бойскаутов (сюда же включены такие антикоммунистические организации, как Общество национального возрождения, Южнокорейская антикоммунистическая лига, Общество содействия освобождению Северной Кореи); рабочие организации (Южнокорейская всеобщая федерация труда и подчиненные ей союзы); организации юристов (общество адвокатов и т.д.), медиков (общество фармацевтов и т.д.); "культурно-бытовые" объединения, к которым причислено Общество Красного Креста Южной Кореи; религиозные организации (южнокорейское отделение международного союза христиан и т.д.). Самую обширную категорию представляют собой так называемые "экономические организации" (234 группы), разбитые по отраслевому признаку и объединяющие в основном союзы предпринимателей. Особо подчеркивалось, что

все эти группы в отличие от партий не ставили целью завоевание власти, а представляли собой эффективный инструмент воздействия на политику правительства по вопросам законодательства или политической ориентации в целом.

Характерно, что, несмотря на произвольность критериев определения "групп давления", в этот перечень были включены главным образом организации, отличавшиеся лояльностью к правительству. Так, право называться "группой давления" признавалось за организациями бойскаутов и альпинистов, но многочисленные и активные студенческие союзы были лишены этого права. Поскольку отношение южнокорейских идеологов к "заинтересованным группам" было обусловлено классовыми, социальными мотивами, то раскрыть природу "групп давления" в Южной Корее можно только с учетом их роли в демократическом движении и их классовых функций в системе государственных отношений. Этот главный аспект умышленно маскировался идеологами южнокорейской буржуазии.

Трактовка южнокорейских "заинтересованных групп" как организаций, не обладавших властью, противоречила фактическому положению многих из них и создавала, в частности, искаженное представление о так называемых экономических организациях – объединениях предпринимателей, которые в действительности обладали реальной властью, способной оказывать решающее воздействие на принятие решений сеульской администрацией.

Руководство южнокорейских чэболь играло самую активную роль в деятельности экономических "заинтересованных групп". Так, Чон Су Чхан, глава монополистической группы "ОБ", с 1971 г. находился на посту заместителя Южнокорейской ассоциации предпринимателей, рассматривавшейся как "группа давления". Заместителями председателя этой же ассоциации являлись глава объединения "Накхи" Ку Джа Ген и глава "Хангук сыретхы" Ким Ин Дык, которые одновременно входили в директорат другой "заинтересованной группы" – Общенационального союза промышленников. В директорат этого союза входили 63 крупнейших капиталиста Южной Кореи, и среди них – Ким Хан Су (глава корпорации "Ханъиль хапсом"), Чо Хон Дже (глава "Хесон чэболь"), Ким Сан Хон (глава "Самъянса"), Пак Хын Сик ("Хвасин чэболь"), Цой Сон Мо ("Син Доньа чэболь"), Цой Джун Мун ("Тонъа чэболь"), Ли Бен Чхоль ("Самсон чэболь"), Чон Джу Ён ("Хёндэ") и Чо Джун Хун ("Ханджин чэболь") /45, 1973, с. 270, 271/. Кроме того, Ким Хан Су, Цой Сон Мо, Ку Джа Гён, Чо Джун Хун и Ким Ин Дык являлись до 1979 г. депутатами Национальной конференции по самостоятельному объединению, избиравшей президента Южной Кореи.

Южнокорейские власти пытались скрыть прямую зависимость деятельности государственных органов от могущественных объединений промышленников. В 1967–1968 гг. сеульские политологи У Бён Гю и Ким Джон Ним провели опрос депутатов Национального собрания. Среди прочих вопросов их попросили ответить и на

такой: "Чьи поручения вы ставите на первое место?" /212, с.320/. Южнокорейские авторы пытались утверждать, что ответы депутатов служили доказательством слабого влияния "групп давления" на законодателей. Среди опрошенных депутатов от ДРП лишь 1,6% признались, что они действуют по указаниям "группы давления", а среди депутатов от оппозиции таких смельчаков не нашлось. В то же время выяснилось, что только 51,6% депутатов ДРП и 23,8% от оппозиции указали на свою связь с избирателями районов, выдвигавших их. Остальные же - 48,4% депутатов ДРП и 76,2% оппозиционных депутатов - признали свою зависимость от "общественных организаций, родственных связей и отдельных влиятельных лиц". Кроме того, 48,7% депутатов от ДРП и 36,7% от НДП ответили положительно на вопрос о том, одобряют ли они деятельность "групп давления" в законодательном процессе /212, с. 76/.

Все это говорит о том, что под вывеской "групп давления" маскировались новые формы влияния деловых кругов на политику режима Пак Чон Хи. Большинство предпринимателей - руководителей чэболь, к которым общественное мнение было настроено враждебно, предпочитали держаться в тени, используя косвенные методы воздействия на политическую власть (хотя некоторые из них, как было показано, решались и на непосредственное участие в правительственных органах и политических партиях).

К "группам давления" были умышленно отнесены и организации, определявшие направление и характер государственной политики и представлявшие реальную власть, и объединения южнокорейских граждан, не обладавшие никакой властью. Примером такой "группы давления" могла служить Корейская федерация просветительских союзов, объединявшая около 200 тыс. преподавателей, во главе которой стоял некий Пак Тон Ме - активный сторонник Пак Чон Хи, являвшийся в 1966-1967 гг. министром сельского хозяйства и лесоводства. Деятельность этой многочисленной организации, причислявшейся к "заинтересованным группам", явилась предметом специального исследования, проведенного в 1975 г., из которого видно, что работа федерации сводилась в основном к вопросам "поощрения преподавателей". Основными методами и средствами работы федерации являлись "личные беседы, подачи прошений, внесение предложений в парламент, публикации заявлений и статей в прессе" /212, с.347/. Деятельность федерации, следовавшей проправительственным курсом, никоим образом не затрагивала коренных социальных проблем и сводилась к робким прошениям и предложениям, имевшим преимущественно узкопрофессиональную направленность.

Помимо маскировки роста влияния монополий южнокорейские "заинтересованные группы" активно использовались для националистических и антикоммунистических измышлений, связанных с вопросами социальной организации Южной Кореи. Как было показано выше, в фальсификации классового деления южнокорейского общества при помощи

схемы "социальной стратификации" выявились два основных направления. Первое, продиктованное концепцией "чучхесон", заключалось в выдвижении внутриобщинных и кровнородственных отношений в качестве готовой формы "демократии". Второе, сложившееся под влиянием антикоммунистических западных теорий, сводилось к признанию ведущей роли "заинтересованных групп" в общественной жизни.

Для эклектического слияния этих направлений и создания подобия целостности в середине 70-х годов была выдвинута концепция корпоративной организации южнокорейского общества[15]. Согласно этой концепции, современные "заинтересованные группы", т.е. многочисленные и разнородные негосударственные объединения, рассматривались как "новые разновидности корпораций", воплощавшие в себе традиционные черты корейских общин /213, с. 317/. Подчеркивалось, что эти корпорации, построенные строго по профессиональному признаку, должны стать в будущем основными ячейками общества "кореизированной демократии".

Все общество, по замыслу авторов этой концепции, должно было состоять из групп (корпораций), члены которых подбирались бы по "общности интересов", определяемых размерами "собственности, власти и престижа". Состав групп мог быть, согласно этой схеме, подвижен. Переход из одной группы в другую, отличавшуюся более высоким статусом, связывался с накоплением определенного капитала и ставился в прямую зависимость от степени лояльности режиму.

Южнокорейская концепция корпоративизма имела немало общего с нацистской идеей корпоративного общества, члены которого должны быть объединены в сословия с общими профессиональными интересами. Согласно нацистской идеологии, в каждом из сословий (например, сословие промышленников рассматривалось как объединение рабочих и предпринимателей) должен был царить дух солидарности и строгого послушания государству /88, с. 285, 286; 122, с. 216, 217/. Сеульская разновидность этой концепции предусматривала создание развитой и всесторонней системы бюрократического регламентирования всех сторон жизни южнокорейского общества. Практическое применение эта концепция нашла в "движении за новую деревню", которым к концу 70-х годов было охвачено не только сельское, но и городское население. Концепция корпоративизма имела ярко выраженную мелкобуржуазную направленность, поскольку создавала среди огромной массы мелкой и средней буржуазии, недовольной ростом крупного капитала, иллюзию "социальной мобильности", возможности продвижения по иерархической лестнице южнокорейского государственного аппарата.

Таковы были основные черты политической системы "кореизированной демократии", полное осуществление которой южнокорейские власти намечали к 2000 году. Однако характер политического развития Южной Кореи после 1972 г. явно противоречил хвастливым обещаниям Пак Чон Хи превратить Южную Корею в "демо-

кратическую и единую нацию, развитое государство всеобщего благоденствия" /214, с. 409/. Результатом влияния идей "кореизированной демократии" стало дальнейшее усиление реакции во всех областях общественной жизни.

Углубление политического кризиса сеульского режима и требования демократического обновления Южной Кореи

Политическое развитие Южной Кореи в 70-е годы привело к нарастанию противоречий между авторитарными методами управления страной и либеральными устремлениями окрепшей и рвавшейся к власти национальной буржуазии, требованиями демократизации общественной жизни со стороны широких слоев населения.

Практическое внедрение системы "кореизированной демократии" вело к обострению внутриполитической обстановки, подрывало позиции режима Пак Чон Хи, усиливало движение протеста. В середине 70-х годов сеульские власти предприняли попытки стабилизировать обстановку в стране при помощи различных общенациональных пропагандистских кампаний под общим названием "тихой духовной революции", направленных на ликвидацию коррупции и взяточничества, принявших в Южной Корее огромные масштабы. Такие кампании начались в марте 1975 г. с указания Пак Чон Хи провести чистку среди служащих центрального государственного аппарата. С этого времени такие чистки приняли повсеместный характер и проводились до 1979 г. регулярно каждые три месяца, однако не приносили ощутимых результатов. Наоборот, число злоупотреблений среди государственных чиновников неуклонно росло. С марта 1975 г. по октябрь 1976 г. было вскрыто 58 582 злоупотребления /407, 22.11.1976, с. 5/. Причем только с 1 июля по 30 сентября 1976 г. были раскрыты 39 132 различные махинации южнокорейских чиновников /389, 27.11.1976, с. 7/.

Большие надежды сеульский режим связывал с активизацией "движения за новую деревню", именовавшегося Паком "колыбелью кореизированной демократии". По официальным данным МВД Южной Кореи, к участию в различных мероприятиях в рамках ДНД с 1971 по 1979 г. было привлечено 274 млн. 436 тыс. человек /67, с. 55/. ДНД по-прежнему широко использовалось для усиления антикоммунистической и националистической пропаганды среди населения, усиления правительственного контроля над общественной жизнью. Особая роль отводилась системе подготовки руководящих кадров для ДНД. В 1972 г. в г.Сувоне (пров. Кенгидо) был создан специальный центр по подготовке функционеров ДНД. Особое внимание в программе обучения уделялось антикоммунистической обработке слушателей. В обстановке запугивания "военными приготовлениями Севера", лишенные каких-либо контактов с внешним миром (без радио, газет и т.д.), будущие лидеры движения в

течение нескольких недель штудировали "труды" Пак Чон Хи, занимались "самокритикой", улучшением "нравственной и физической подготовки" /395, 17.11.1975, с. 23/. В конце 70-х годов помимо центра в Сувоне функционировали около 78 институтов подготовки кадров ДНД во всех провинциях и крупнейших городах, а также 9339 курсов при начальных и средних школах /67, с.36/. С 1972 по 1979 г. в тренировочных центрах ДНД прошли специальное обучение 63,3 млн. человек /67, с. 36/.

С 1974 г. "движение за новую деревню" было распространено и на городское население. В нем принуждали участвовать рабочих и служащих, студентов и преподавателей университетов, учащихся школ. В учебные программы школ, колледжей и университетов Южной Кореи были введены зачеты по курсу ДНД /389, 28.05.1977, с. 19/.

При помощи ДНД правительство пыталось повысить роль так называемых "соседских групп" ("пан"), рассматривавшихся как средство внедрения в стране системы круговой поруки и взаимной слежки, а также в качестве одной из основ пресловутого корпоративного общества. В июле 1976 г. южнокорейские власти, стремясь повысить эффективность этих групп в осуществлении проектов ДНД, произвели организационную перестройку, уменьшив число их членов с 40 до 15 семей /407, 08.07.1976, с. 8/. По существу, это означало возрождение на новой основе существовавшей в феодальной Корее системы "пятидворок".

Пропагандистская обработка населения в ходе ДНД использовалась также в целях милитаризации страны. Из групп ДНД повсеместно формировались "отряды самообороны". На их основе в сентябре 1975 г. был создан четырехмиллионный "корпус гражданской обороны", в который вошли более 60 тыс. региональных отрядов, объединявших 3,4 млн. человек и свыше 2,5 тыс. отрядов на рабочих местах, насчитывавших 600 тыс. человек /389, 02.10.1976, с. 4/. Во всех учебных заведениях были созданы студенческие "отряды самообороны". Кроме того, существовал "корпус резервистов" численностью 2,8 млн. человек.

Рассматривая милитаризацию страны как важное условие создания авторитарной политической системы, власти Южной Кореи постоянно увеличивали военных расходы. В 1976 г. правительство ассигновало на военные нужды 1,6 млрд. долл., что в четыре раза превысило уровень 1974 г. /370, 1977, т. 17, № 11, с. 1066/. В 1978 г. эта сумма достигла уже 2,5 млрд. /370, 1978, т.13, № 1, с. 52/. В 1976 г. правительство разработало вторую пятилетнюю программу "модернизации" вооруженных сил (1976-1981) общей стоимостью около 5 млрд. долл.

В этих условиях в начале 1974 г. в Южной Корее были изданы четыре чрезвычайных правительственных декрета, запрещавшие любые формы протеста против введенной конституции и установившие специальный институт военных трибуналов для судебного прес-

ледования нарушителей президентских законов. Весной 1974 г. органы южнокорейской пропаганды сообщили о раскрытии тайной политической студенческой организации, ставившей якобы целью свержение правительства Пака. Поднявшаяся шумиха была использована для развертывания широкой кампании репрессий. По официальному признанию американского юриста У.Батлера, побывавшего в июне 1974 г. в Южной Корее, с 1972 по 1974 г. там было арестовано свыше 1500 человек, выступавших против "реформы обновления" /73, с. 36–48/. Из них к концу 1974 г. выпустили на свободу лишь 400 человек, восемь были осуждены на смертную казнь, двенадцать были приговорены к пожизненному заключению, остальные получили различные сроки тюремного заключения или каторжных работ.

Поражение американского империализма во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже послужило для сеульских властей поводом к дальнейшему ужесточению политической реакции. С этой целью 13 мая 1975 г. был принят чрезвычайный закон № 9, грозивший немедленным арестом и заключением в тюрьму за малейшую критику действий правительства. Этот закон позволил режиму Пак Чон Хи развернуть очередное наступление на политическую оппозицию. Были закрыты органы печати, допускавшие критику "реформ обновления" (в том числе "Сасанге"), запрещены антиправительственные выступления политических деятелей, из университетов страны были уволены более 500 преподавателей, выразивших несогласие с политикой властей. Волну арестов вызвало публичное чтение 1 марта 1976 г. "Декларации демократии и национального спасения" в католическом Мендонском соборе Сеула. Ким Дэ Джун, Юн Бо Сон и 12 других деятелей оппозиции, подписавшие этот документ, в котором выражался протест против диктаторских методов правления Пак Чон Хи, были арестованы и отданы под суд, приговоривший их к различным срокам тюремного заключения /48, 1977, с. 396/. Однако усиление реакции все чаще сталкивалось в Южной Корее с противоборствующей тенденцией – с требованием отменить антинародную конституцию, восстановить демократические свободы.

Первая волна протеста поднялась после издания в январе 1973 г. правительственного закона о запрещении всех забастовок. Несмотря на то что Корейская федерация профсоюзов находилась под полным контролем правительства, отраслевым профсоюзам удалось организовать по всей стране сидячие забастовки или шествия. Забастовщики требовали освобождения арестованных членов профсоюзов, повышения заработной платы, легализации права на забастовку. Особенно активно выступили рабочие, занятые обслуживанием американского военного персонала и иностранных фирм. Осенью 1974 г. всю страну потрясли забастовки на верфях Ульсана, продемонстрировавшие растущую мощь южнокорейского пролетариата. Однако южнокорейский пролетариат был еще разобщен, и не ему принадлежала ведущая роль в демократическом движении. Одной

из причин разобщенности рабочего класса Южной Кореи являлась активность многочисленных клерикальных организаций, оказывавших большое влияние на некоторые профсоюзы. Активную пропаганду среди рабочих вели созданные католической церковью Южной Кореи "Общество молодых рабочих-христиан" и "Городская промышленная миссия". До конца 70-х годов правительство не препятствовало деятельности этих организаций, значительно ослаблявших боеспособность рабочего класса. Однако в последний период существования режима Пак Чон Хи антиправительственные выступления кардинала Стефана Кима, католического священника Чжи Хак Суна и других видных религиозных деятелей привели к обострению отношений режима с церковью.

В конце 70-х годов активизировалась деятельность легальной оппозиции, и в первую очередь ее наиболее организованной и многочисленной части - Новой демократической партии. Начало этому положили изменения в руководстве партии, уход с поста президента Ли Чхоль Сына и избрание новым главой в мае 1979 г. Ким Ён Сама. Поражение Ли отражало недовольство либерально настроенных членов партии его соглашательской политикой.

Одним из первых шагов Ким Ён Сама, приведших к обострению отношений НДП с правительством, стало заявление от 12 июня 1979 г., в котором подчеркивалась неправомочность одного человека - Пак Чон Хи единолично решать проблемы объединения и выражалась готовность встретиться с ответственными представителями КНДР. Власти развернули кампанию критики Ким Ён Сама, обвиняя его в содействии осуществлению "замыслов Севера", в подрыве национального единства Южной Кореи, в использовании проблемы объединения для получения определенных выгод в межпартийной борьбе.

Тем временем Ким Ён Сам активизировал антиправительственную борьбу в Национальном собрании, требуя от властей гарантировать права и свободы населения, освободить политзаключенных, отменить чрезвычайные декреты. В ответ на это правительство предприняло новые репрессивные меры. Полиция ворвалась в здание НДП в Сеуле и разогнала устроивших там сидячую забастовку работниц обанкротившейся торговой компании "Уай Эйч". В ходе этого инцидента одна участница забастовки была убита и более 20 человек, включая нескольких членов НДП и журналистов, ранены.

Вслед за этим решением суда Ким Ён Сам был лишен юридических полномочий президента НДП. Ким, однако, отказался признать решение суда и на пресс-конференции в штаб-квартире НДП потребовал отставки Пак Чон Хи, назвав его режим политическим террором и диктатурой одной партии. Ким Ён Сам призвал военных не вмешиваться в политическую деятельность и заявил, что в случае отказа Пака уйти в отставку НДП призовет все оппозиционные силы на борьбу за свержение правительства.

4 октября 1979 г., не допустив депутатов от НДП на сессию Национального собрания, правящий блок принял резолюцию о лишении Ким Ён Сама депутатского мандата. Выражая возмущение решением властей, все депутаты от НДП и Демократической партии объединения подали в отставку, и вслед за этим в Пусане, Масане и других городах Южной Кореи (где в отличие от сельской местности традиционно велико влияние оппозиции) начались крупные волнения. Власти были вынуждены объявить в Пусане и Масане чрезвычайное положение и ввести в города войска.

Таким образом, в конце 70-х годов в борьбе против диктаторского режима Пак Чон Хи начал складываться широкий демократический фронт оппозиционных сил, включавший представителей национальной буржуазии, студентов и преподавателей университетов и колледжей, журналистов и литераторов, адвокатов, врачей и религиозных деятелей. Все больше южнокорейских граждан убеждались в антинародном характере навязанной им "кореизированной демократии", в реакционной сущности буржуазно-националистической "модернизации", осуществлявшейся правящей верхушкой.

Характер развития Южной Кореи в конце 70-х годов позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что к этому времени режим Пак Чон Хи в основном выполнил свою экономическую и социально-политическую роль, заключавшуюся в ускорении вызревания капиталистических отношений в стране. Объективный ход развития Южной Кореи ставил новые задачи, которые невозможно было решить при Пак Чон Хи. Его убийство 26 октября 1979 г. военными заговорщиками стало символом краха диктаторского режима в Южной Корее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале 60-х годов обстановке дальнейшего обострения противоречий мировой капиталистической системы, в условиях усиления влияния мирового социализма и международного коммунистического движения стратеги империализма прибегли к новым, более гибким методам экономического, политического и идеологического воздействия на развивающиеся страны, стремясь во что бы то ни стало удержать их в орбите мирового капиталистического хозяйства. Одним из примеров применения этих новых методов может служить Южная Корея.

Следует особо отметить, что взаимосвязь между неоколониалистской стратегией империализма и внутренним развитием Южной Кореи никогда не была односторонней. Не только этот неоколониалистский курс обусловливал состояние экономики, политики и идеологии Южной Кореи, но и течение социально-экономических и идейно-политических процессов в стране вынуждало неоколониализм приспосабливаться к ним, когда прежние методы влияния оказывались недейственными. Так, движение народных масс Южной Кореи, вызвавшее падение диктатуры Ли Сын Мана, хотя и было приостановлено военным переворотом 1961 г., однако заставило и неоколониалистов, и реакционную военщину более серьезно заняться проблемами развития страны.

При этом задача политики неоколониализма состояла в том, чтобы обеспечить такой рост капитализма в Южной Корее, который ускорил бы ее интеграцию с мировой хозяйственной системой капитализма, в то время как целью военного режима было ослабление внутренних противоречий и укрепление своей власти. Таким образом, на определенном этапе совпало действие трех факторов – внутренней потребности в социально-экономических преобразованиях, деятельности неоколониализма и его ставленников, управлявших страной, потенциальных возможностей развития, давших толчок росту производительных сил, допустимому в рамках капиталистического способа производства.

Стремление империализма укрепить свое положение в Южной Корее содействовало решению одной из основных проблем экономического развития страны – проблемы накопления. Индустриализа-

ция Южной Кореи была проведена за счет многочисленных иностранных кредитов, позволивших резко ускорить темпы роста. В то же время опора на внешнее накопление усилила финансовую зависимость страны, привела к образованию огромного внешнего долга, закрепила наметившиеся диспропорции в развитии экономики. Позднее рост национального дохода позволил увеличить долю фонда накопления и перейти в значительной мере на внутреннее финансирование. Однако стремление правящего режима сохранить высокие темпы экономического роста, чрезмерные непроизводительные расходы, связанные с его милитаристской политикой, не позволили отказаться от внешнего финансирования, поэтому Южная Корея постоянно расширяла географию внешнеэкономических контактов и изыскивала новые формы привлечения иностранного капитала.

Политика опоры на внешнее финансирование, особенности социально-экономического положения Южной Кореи и отношений режима Пак Чон Хи с основными классами обусловили проведение курса на "экспортное развитие". Поэтому росли прежде всего трудоемкие отрасли с быстрым оборотом капитала, использовавшие для выхода на внешние рынки пониженные издержки производства товаров за счет низкой стоимости рабочей силы. Хотя эти отрасли производили в основном потребительские товары и зависели от состояния внешних рынков, благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, сохранявшаяся до 1973 г., позволила Южной Корее создать промышленный потенциал, давший возможность перейти к формированию некоторых отраслей тяжелой индустрии.

Отдельные успехи южнокорейской "экспортной модели развития" основывались на превосходных качествах рабочего класса страны, обеспечивавшего высокую производительность труда, легко осваивавшего новые виды производства. Поскольку Южная Корея использовала для международного обмена овеществленный труд своих рабочих, то эта независимость от конкретной формы вывоза позволяла легко диверсифицировать экспорт, завоевывать новые рынки сбыта, а в начале 70-х годов дала возможность быстро освоить самые сложные отрасли тяжелой индустрии. Однако продвижение южнокорейского экспорта на внешние рынки зависело не только от высоких качеств рабочей силы, но и от ее низкой стоимости, поэтому, обеспечив своим трудом развитие страны, пролетариат Южной Кореи получил лишь самую ничтожную часть его результатов.

Оборотной стороной "экспортного развития" стало глубокое втягивание экономики Южной Кореи в систему хозяйственных связей мирового капитализма, усиление экономической и финансовой зависимости от высокоразвитых стран, прежде всего от США и Японии. Эта зависимость определялась следующими факторами:

1. США и Япония предоставили Южной Корее подавляющую часть заемного капитала и инвестиций, оказав тем самым влияние

на рост ее экономики; привязали страну огромным и все возрастающим внешним долгом.

2. США и Япония принимали на свои рынки большую часть южнокорейского экспорта и посредством протекционистских мер имели возможность оказывать влияние на промышленное производство страны.

3. Многократный рост промышленного производства Южной Кореи вызвал столь же возросший спрос на средства производства, которых сама она почти не производила, поэтому всецело зависела от их импорта (так же как и от импорта многих сырьевых материалов) из США и Японии.

4. Посредством прямых вложений капитала монополии этих стран глубоко проникли в экономику Южной Кореи, обосновались в важнейших отраслях и активно влияли на внешнеэкономические связи. Они создали в Южной Корее незавершенные циклы производства, замыкавшиеся на предприятиях США и Японии. Это особенно характерно для японского капитала, превращающего Южную Корею в периферию своего хозяйства. Так что при всей значительности экономических и социальных сдвигов в Южной Корее ее отношения с США и Японией изменялись мало и оставались отношениями зависимости и подчинения.

Экономическое развитие Южной Кореи привело к укреплению в стране капиталистических отношений. Создание современной промышленности стимулировало рост наемного труда и обусловило вытеснение из сферы производства других форм занятости, характерных для мелкотоварного и эволюционно низших форм капиталистического уклада. Это сказалось в увеличении доли рабочего класса в структуре самодеятельного населения, в превращении его в один из основных классов южнокорейского общества.

В то же время резко возросло влияние класса буржуазии. В годы экономического роста усилилась концентрация капитала, приведшая к преобладанию в промышленности, инфраструктуре и внешней торговле крупнокапиталистического сектора, определяющего ныне лицо южнокорейской экономики. Значительно уменьшилась роль мелкотоварного и мелкокапиталистического производства, однако ряд причин, таких, как сотрудничество с крупным капиталом, поддержка государством и усиленная эксплуатация рабочей силы, позволили ему пока удержать позиции.

Мелкая буржуазия сохранила прочные позиции в торговле и особенно в сельском хозяйстве. Политика правящего режима была направлена на сохранение и укрепление в деревне мелкого производства, чтобы затормозить социальную дифференциацию крестьянства, уберечь этот крупнейший класс южнокорейского общества от нарастающих социальных конфликтов.

Характерными чертами южнокорейского крупного капитала стали его тесный союз с иностранными монополиями и распространение экономических и политических интересов за пределы Южной

Кореи. Это было связано с тем, что рост крупнокапиталистического уклада опирался прежде всего на экспортное производство и внешнюю торговлю. Местный капитал и сам рано проявил монополистические тенденции, развитию которых способствовала политика правящего режима.

Рост экономического потенциала Южной Кореи, ее втягивание в мировую хозяйственную систему капитализма, возросшая сила класса буржуазии свидетельствовали о том, что в конце 70-х годов объективная задача режима Пак Чон Хи по укреплению в стране капиталистических отношений в основном была выполнена.

Противоречивый и сложный процесс социально-экономического развития Южной Кореи отразился на идеологии и политике режима, ставших концентрированным выражением экономических воззрений сеульской правящей верхушки. Ускоренное развитие капитализма в Южной Корее повлияло на установление более тесной связи между экономикой и идеологией режима, выразившейся в том, что каждому этапу экономического развития страны соответствовала определенная доминирующая политико-идеологическая доктрина, выполнявшая специфическую социальную функцию.

Наиболее тесная взаимосвязь между политической идеологией сеульского режима и характером социально-экономической "модернизации" Южной Кореи прослеживалась в так называемый период "ускоренного экономического роста" (1962-1972). Политические теории режима в этот период были направлены на доказательство того, что в условиях форсированного экономического развития ведущей роли южнокорейского государства в экономике должно соответствовать верховенство военно-бюрократического чиновничьего аппарата в социально-политической жизни, доминирование администрации над представительными органами и, наконец, укрепление режима личной власти Пак Чон Хи.

Одновременно были предприняты попытки поставить реакционный корейский буржуазный национализм на службу капиталистической "модернизации" общества. При этом стержнем "экономического" или "модернизирующего" национализма правящих кругов Южной Кореи стала концепция "национального субъективизма" ("чучхесон"), в которой самобытность истории и культуры корейского народа трактовались идеологами режима как проявление "национальной исключительности".

Проявлением кризиса государственно-политической системы Южной Кореи, вызванного последствиями ускоренного развития капитализма, стала реакционная перестройка механизма политической власти в 1972 г., вошедшая в историю страны под названием "октябрьских реформ обновления". Они привели к дальнейшему повышению относительной самостоятельности южнокорейского государственного аппарата, к увеличению численности бюрократии, к безраздельному господству исполнительной власти и укреплению личной диктатуры Пак Чон Хи.

Преобладание исполнительной власти, огромные полномочия президента, фактическое непризнание принципа разделения власти законодательной и исполнительной, строгая централизация механизма принятия решений показывают, что в 70-е годы в Южной Корее утвердилась автократическая система политической власти, характерная для ряда афро-азиатских стран, развивающихся по капиталистическому пути /141, с. 217/.

Таким образом, модернизированная в 60-е годы политика неоколониализма выполнила задачу втягивания Южной Кореи в капиталистическую систему хозяйства, сохранения ее в качестве плацдарма империализма на Дальнем Востоке. Более того, быстрый рост многих макроэкономических показателей, характеризующих экономический потенциал Южной Кореи, дал основание апологетам капитализма для определенных идеологических спекуляций, пропаганды развития по капиталистическому пути. Однако это вовсе не означает, что были ликвидированы все те вопросы, которые так беспокоили политические круги США и Японии, реакционные силы в самой Южной Корее. Они просто видоизменились, став более серьезными, превратились из проблем развивающейся страны в проблемы зависимого капиталистического государства. В конце 70-х годов более четкие очертания стал принимать конфликт между рабочим классом и буржуазией, между мелкой и средней буржуазией города и деревни и крупным капиталом, активизировалась борьба оппозиционных сил за демократизацию общественной жизни и политических институтов, все большее раздражение империалистических партнеров Южной Кореи вызывали возросшие националистические амбиции Пак Чон Хи.

В сложившихся условиях устранение скомпрометировавшего себя и ставшего бесполезным диктатора было своего рода "косметической операцией", проведенной сеульскими правящими кругами и их американскими покровителями с целью очередного "обновления" политического фасада Южной Кореи, стабилизации положения в стране.

После убийства Пак Чон Хи на политическую арену в Южной Корее сразу же выдвинулась новая группировка военных, возглавляемая генерал-майором Чон Ду Хваном, не скрывавшим своей проамериканской ориентации. Захватив ведущие посты в южнокорейской армии в декабре 1979 г. и сосредоточив в своих руках реальную власть в стране, Чон Ду Хван направил усилия на подготовку условий для беспрепятственного избрания на пост президента Южной Кореи. Чон умело использовал народное восстание в Кванджу, студенческие демонстрации в Сеуле и других городах Южной Кореи весной 1980 г. для устранения своих возможных политических противников. 17 мая 1980 г. в Южной Корее было объявлено о запрещении политической деятельности и о введении чрезвычайного положения, а 18 мая арестованы лидер ДРП Ким Чжон Пхиль, бывший директор корейского ЦРУ Ли Ху Рак и еще семеро других видных политических деятелей, обвиненных в незаконном обогащении

в период правления Пак Чон Хи. Вновь был заключен в тюрьму Ким Дэ Джун – на этот раз по обвинению в разжигании студенческих волнений.

Важную роль в укреплении политических позиций сторонников Чон Ду Хвана сыграл Комитет чрезвычайных мер по защите государства, созданный 31 мая 1980 г. якобы для координации действий между правительством и военным командованием. Из 25 членов комитета 14 являлись высокопоставленными армейскими чинами. В рамках этого органа был образован постоянный комитет, председателем которого назначили являвшегося в тот период начальником Управления безопасности южнокорейской армии и исполнявшего обязанности директора южнокорейского ЦРУ Чон Ду Хвана.

Полностью контролируя действия правительства, военщина, однако, не решилась узурпировать власть в Южной Корее весной 1980 г. Это объяснялось в первую очередь сдерживающим влиянием Соединенных Штатов, которые не скрывали своей заинтересованности в буржуазно-демократических преобразованиях в Южной Корее. Мощные антиправительственные выступления в марте – мае 1980 г. нагляднее всего показали, что страна нуждается хотя бы в частичной либерализации общественной жизни, невозможной в условиях военного правления.

3 июня 1980 г. премьер-министр южнокорейского правительства Пак Чхун Хун заявил о намерении властей осуществить "демократические преобразования", в соответствии с которыми планировалось принятие новой конституции в 1980 г. и проведение президентских выборов в первой половине 1981 г. /408, 03.06.1980/. Энергичный нажим со стороны Соединенных Штатов привел к ускорению этих преобразований, и уже в августе 1980 г. в Южной Корее спешно были проведены президентские выборы, на которых, при отсутствии других кандидатов, президентом был избран Чон Ду Хван, предварительно сменивший, подобно своим предшественникам, военный мундир на гражданскую одежду.

Смирившись с неизбежностью частичной либерализации южнокорейского общества, сеульские власти сосредоточили усилия на том, чтобы данный процесс коснулся лишь поверхности общественно-политической жизни, не затронув основ существующего строя. С этой целью была разработана новая конституция, вступившая в силу в октябре 1980 г.

Конституция определила основной характер подновленной политической системы Южной Кореи, предусматривавшей сохранение президентской формы правления и по-прежнему наделявшей главу государства практически неограниченными полномочиями. В соответствии с конституцией 1980 г., действующей и поныне, президент имеет право вводить в стране чрезвычайное военное положение и принимать чрезвычайные декреты (формально это право ограничено теперь необходимостью одобрения со стороны Национального собрания), может по своему усмотрению распустить парламент.

По сравнению с конституцией 1972 г. была несколько изменена лишь процедура президентских выборов. Вместо Национальной конференции по самостоятельному объединению, избиравшей президента и треть депутатов, введена специальная коллегия выборщиков – орган, призванный обеспечивать избрание только президента. Ликвидация Национальной конференции являлась основным требованием оппозиционных Пак Чон Хи сил, поскольку этот орган, по их мнению, способствовал узурпации власти. В новой конституции было зафиксировано также право президента Южной Кореи оставаться у власти только один семилетний срок. Как мы уже говорили, конституция 1972 г. не содержала никаких ограничений срока правления.

В соответствии с конституцией 1980 г. была усилена независимость судебной власти от президента: Верховный судья получил право назначать других судей, что раньше мог делать только глава правительства.

Особенностью новой политической системы Южной Кореи стал некоторый крен в сторону буржуазного парламентаризма, расширение полномочий Национального собрания. Теперь Национальное собрание должно полностью избираться на основании прямых всеобщих выборов на четырехлетний срок. Такие изменения должны создать видимость того, что отныне в Южной Корее именно Национальному собранию будет принадлежать инициатива в разработке государственной политики. Однако, даже по признанию буржуазной печати, целью маневров Чон Ду Хвана было создание "молчаливого парламента", который незамедлительно и безропотно утверждал бы правительственные законопроекты /55, 1982, с. 53/.

Необходимым элементом новой системы должен был стать и так называемый "политический плюрализм", предусматривающий "свободное" соперничество нескольких партий в парламенте. Сняв в ноябре 1980 г. запрет с политической деятельности в стране, правящий режим начал намеренно поощрять создание многочисленных партий, стремясь тем самым ослабить и разъединить оппозицию, ввести ее в заблуждение этими ложными атрибутами буржуазной демократии.

С ноября 1980 г. по март 1981 г. под контролем властей в Южной Корее активно протекал процесс создания политических партий, размежевания политических сил, шла подготовка к президентским и парламентским выборам, предусмотренным в первой половине 1981 г. Предвыборный период Чон Ду Хван использовал для укрепления своих позиций и устранения возможных соперников. В феврале 1981 г. Чон Ду Хван без особых усилий обеспечил себе переизбрание на семилетний срок (до февраля 1988 г.) и 3 марта принял присягу на пост президента Южной Кореи.

Выборы в Национальное собрание, состоявшиеся 25 марта 1981 г., окончательно прояснили расстановку сил на политической арене Южной Кореи. Из 12 партий, участвовавших в этих выборах, лишь восьми удалось добиться избрания своих кандидатов в парла-

мент, а четыре партии вынуждены были объявить о самороспуске. Из 276 мест в Национальном собрании 151 получила Демократическая партия справедливости, 81 – Партия демократической Кореи, 25 – Национальная партия Кореи, 2 – Партия новой политики, 2 – Партия гражданских прав, 2 – Социал-демократическая партия, 1 – партия Анмин, 1 – Партия демократических фермеров, 11 – независимые кандидаты /63, 1981, с. 73-74/.

Таким образом, правящей партией Южной Кореи стала Демократическая партия справедливости (ДПС). По замыслу ее создателей, она была призвана не только стать инструментом политической власти режима Чон Ду Хвана, но и закрепить традиционный для Южной Кореи союз военных, политиков и крупного капитала. Не случайно в оргкомитет по созданию партии входил и Чон Си Чхан – председатель Корейской торгово-промышленной палаты.

ДПС имеет строго централизованную, единую систему руководства. Президент партии (на учредительном съезде 15 января 1981 г. им стал Чон Ду Хван) обладает всей полнотой власти. Он возглавляет центральный исполнительный совет партии, в который входит пять человек – президент партии (он же председатель совета), председатель партии (вице-председатель совета)[1], генеральный секретарь партии, спикер и главный политический советник.

Анализ идеологической платформы правящей ДПС, программных заявлений сеульских лидеров свидетельствует о том, что пропагандистский аппарат Чон Ду Хвана взял на вооружение многие националистические и антикоммунистические концепции предшествующего режима. Отличительной особенностью официальной идеологии режима Чон Ду Хвана является ее ярко выраженная псевдолиберальная окраска, широкое использование концепций западной политологии, идейного арсенала правых социал-демократов. От прямолинейных и одиозначных концепций Пак Чон Хи политические установки нынешних сеульских властей отличаются большей гибкостью, позволяющей эффективнее использовать их в целях социальной демагогии внутри страны и во внешнеполитической пропаганде.

Идеологическая платформа ДПС призывает к достижению пяти главных целей – "демократии, благосостояния, справедливости, национализма и объединения". В программе ДПС отчетливо прослеживается стремление убедить широкие слои населения в возможности социальной гармонии, создать видимость заботы о всех слоях населения.

Положения программы противоречивы и непоследовательны. Объявляется о стремлении ко "всеобщему благосостоянию", обещается "уменьшить разрыв в доходах между сельским и городским населением", гарантировать минимальные доходы рабочим. Одновременно подчеркивается необходимость "свободной экономической системы", основанной на преимущественном развитии частного сектора.

Программа ДПС, имеющая явный антикоммунистический характер, призывает бороться против "любых форм диктатуры", развивать

демократические институты общества. В ней содержатся демагогические заявления о стремлении к развитию диалога с КНДР, к заключению договора между двумя сторонами о взаимном ненападении. Главной задачей внешней политики выдвигается так называемая "многосторонняя дипломатия", провозглашающая проведение курса, "независимого от идеологических различий". Особая роль отводится укреплению связей с США и 15 странами, участвовавшими в войне 1950–1953 гг. на стороне Южной Кореи. Большое внимание обращается на расширение связей с государствами, располагающими богатыми природными ресурсами, подчеркивается необходимость расширения сети корейских обществ за рубежом.

Как и прежде, большое значение придается разжиганию национализма в стране. Повторяя идеологические лозунги Пак Чон Хи, Чон Ду Хван постоянно подчеркивает необходимость установления "кореизированной демократии", внедрения в сознание широких слоев населения чувства "национальной самобытности".

В пропагандистской деятельности ДПС важное место отводится социальной демагогии. В ходе предвыборной кампании в Национальное собрание особенно отчетливо проявлялась тактическая линия ДПС, направленная на расширение социальной базы партии. Рассчитывая привлечь на свою сторону мелкую и среднюю буржуазию, руководство партии обещало снизить налоги на прибыль с 13 до 7%, понизить банковские процентные ставки и покупать больше продукции у мелких и средних предпринимателей. Сеульские власти снизили с 250 до 100 тыс. долл. минимальный размер капитала, необходимый для регистрации в качестве мелкой торговой фирмы.

На расширение поддержки партии со стороны населения были направлены обещания лидеров ДПС соорудить к 1987 г. железную дорогу Инчхон–Мокпхо, построить 1460 тыс. жилых домов, изменить административный статус городов Тэгу и Инчхона (сделать их городами центрального подчинения).

Для улучшения подготовки "технической элиты" и повышения уровня исследований в области естественных наук и технологии в 80-е годы было обещано сокращение сроков воинской службы для студентов, в первую очередь Сеульского университета и Чоннамского технологического колледжа. Видимо, этой мерой предусматривалось несколько успокоить южнокорейское студенчество.

В апреле 1981 г. руководство ДПС начало широкую кампанию по укреплению организационной структуры партии, увеличению ее численности, выдвигало псевдодемократические лозунги превратить ДПС в "партию миллиона, берущую корни в народе" /407, 19.06.1981/. Программа организационного укрепления ДПС предусматривала подготовку новых членов на специальных курсах в Центральном институте политической подготовки в Сеуле. 1 июня 1981 г. около 400 человек приступили к занятиям по специальной программе под лозунгом "ДПС – партия миллионной элиты". Программа предусматривала "лекции и дискуссии" на такие темы,

как идеология ДПС, "система руководства в новую эру", экономика и история Кореи и т.д. Руководство ДПС рассчитывало на то, что осуществление этого плана не только увеличит численность партии, но и омолодит ее состав (количество членов в возрасте от 20 до 30 лет планируется довести до 60%).

ДПС в Национальном собрании формально противостояли 7 партий, однако из них реальным политическим влиянием обладали лишь Партия демократической Кореи (ПДК) и Национальная партия Кореи (НПК). ПДК, объявившую себя ведущей оппозиционной партией, возглавил Ю Чи Сон, бывший генеральный секретарь Новой демократической партии – главной оппозиционной партии в период правления Пак Чон Хи[2] /407/. По существу, линия ПДК полностью совпадает с соглашательской, "серединной" позицией НДП, которую она занимала в первой половине 70-х годов. Ю Чи Сон неоднократно заявлял о стремлении сотрудничать с правительством по основным вопросам государственной политики, оставляя за собой право умеренной критики отдельных недостатков /407, 03.03.1981/. Время от времени руководители ПДК выступают с демагогическими призывами покончить с инфляцией путем замораживания цен на товары первой необходимости, призывают к расширению свободы прессы. Внешнеполитические установки ПДК полностью совпадают с курсом ДПС.

Национальная партия Кореи, заимствовавшая свое название у реакционной лисынмановской партии, имеет еще менее оппозиционный характер, чем ПДК, хотя лидер НПК заявлял накануне парламентских выборов о стремлении возглавить оппозицию /407, 22.03.1981/. Национальная партия Кореи создана бывшими функционерами ДРП[3], из программы которой и был заимствован лозунг "идеологии национальной модернизации и процветания", подразумевающий всемерное поощрение мелкого и среднего капитала, еще более активное распространение антикоммунизма и национализма в Южной Корее. Предложения НПК в области внешней политики в основном совпадают с правительственным курсом. Отсутствие принципиальных расхождений в программных установках трех крупнейших партий Южной Кореи привело к тому, что в июне 1981 г. между ними и правительством было достигнуто соглашение о сотрудничестве в разработке государственной политики, совместном выдвижении законопроектов /407, 02.06.1981/.

Робкие попытки противостоять фактически сложившейся проправительственной коалиции трех крупнейших партий предпринимали так называемые "партии меньшинства", которые в конце апреля 1981 г. создали Консультативный совет для борьбы с "коллаборационизмом и догматизмом" ведущих партий /407, 29.06.1981/.

Среди пяти партий этой группы несколько выделяется Социал-демократическая партия (СДП), сумевшая победить на выборах своего основного конкурента – Социалистическую партию. Впервые за последние 20 лет в южнокорейский парламент были избраны двое

социал-демократов. Как отмечали зарубежные обозреватели, допуск Чон Ду Хваном социал-демократов к участию в политической жизни использовался в качестве "удобного предлога для отождествления нового режима с многополярными демократическими системами" /378, 15.05.1981, с. 43/.

СДП представляет собой типичную реформистскую партию. Уже вскоре после парламентских выборов ее президент Ко Чун Хун заявил о поддержке антикоммунистического курса правительства и о готовности сотрудничать с ним в обмен на разрешение легальной деятельности /407, 29.03.1981/. В программе СДП повышенное внимание уделяется внешнеполитическим задачам, в частности вопросам взаимоотношений с неприсоединившимися и социалистическими странами, и укреплению связей с Социнтерном.

С большим трудом удержавшиеся во время парламентских выборов на поверхности политической жизни Южной Кореи Партия гражданских прав, Партия новой политики[4], партия Анмин и Партия демократических фермеров не играют практически никакой политической роли в стране, блокируясь по основным проблемам с более крупными партиями.

Таким образом, анализ политического развития Южной Кореи после октября 1979 г. показывает, что под фальшивыми лозунгами либерализации "многопартийной системы" режиму Чон Ду Хвана удалось укрепить свои позиции и достичь главной цели – разобщения оппозиционных сил и утверждения полного господства правящей ДПС. Оппозиция действует формально, ее возглавляют соглашательски настроенные бывшие функционеры ДРП и НДП, от которых невозможно ожидать проведения радикальной политики даже в дозволенных режимом Чон Ду Хвана рамках.

Сходство официальной идеологии и методов политического господства режимов Чон Ду Хвана и Пак Чон Хи в значительной степени объясняется преемственностью основных тенденций и направлений социально-экономического развития Южной Кореи до и после 1979 г.

В 80-е годы для Южной Кореи, как и в 70-е годы, была характерна быстрая концентрация капитала, монополизация внутреннего рынка и внешней торговли крупными фирмами. В 1981 г. на предприятиях с числом занятых более 300 человек, составляющих лишь 2% всех предприятий, работало свыше 41% южнокорейских рабочих. А к 1983 г. девять крупнейших торговых компаний, входящих в чэболь, обеспечили 50,5% всего южнокорейского экспорта. Заправилы южнокорейских монополий активно поддерживают правящую ДПС, оказывают ей значительную финансовую помощь, входят в руководящие органы партии.

Отдавая предпочтение крупной буржуазии и военщине, сеульские власти одновременно продолжают политику социального лавирования, искусственного поддержания средней и мелкой буржуазии, противодействуют естественному процессу вытеснения ее с рынка. Так, в

1982 г. было объявлено об увеличении финансовой поддержки и других льготах предприятиям с числом занятых менее 50 человек. В феврале 1984 г. в целях улучшения условий кредитования мелкому бизнесу было дано право продавать ценные бумаги.

Характер социально-политического развития Южной Кореи в начале 80-х годов свидетельствует о том, что при Чон Ду Хване власть сохранилась в руках социального блока монополистической буржуазии, высших армейских чинов и верхушки партийно-государственной бюрократии. В этих условиях практически не изменились и основные задачи экономической политики сеульского режима, не оставлявшего надежду извлечь выгоду из "экспортной модели развития".

Ослабление внешнеэкономической конъюнктуры и смена властей в 1979 г. хотя и вызвали на некоторое время спад в промышленном производстве, но он был вскоре преодолен. В 1983 г. объем валового национального продукта Южной Кореи достиг 75 млрд. долл., а в подушевом исчислении - 1875 долл. Экспорт страны составил в том же году 23,2 млрд.долл. при импорте в 25 млрд. /407, 23.12.1983/. При этом во внешнеторговом обмене с США с 1982 г. был достигнут устойчивый положительный баланс. На внешних рынках Южная Корея стала признанным экспортером не только текстиля и обуви, но и технически сложных видов продукции - судов, электротехники, автомобилей, вооружения.

В целом в вывозе Южной Кореей промышленных товаров неуклонно повышалась доля продукции тяжелой промышленности, возросшая за 1977-1983 гг. с 36,7 до 55,2% всего экспорта. К 1983 г. Южная Корея стала одной из крупнейших индустриальных держав Азиатского континента, прочно вошла в число капиталистических государств, составляющих "второй эшелон" мировой капиталистической системы. Ряд южнокорейских монополий закрепились на международной арене, потеснив в некоторых отраслях (например, строительстве) американских и японских конкурентов.

Временные успехи южнокорейской экономики привели к явной переоценке Сеулом перспектив развития страны. Был выработан очередной амбициозный план на 1984-1988 гг., предусматривающий быстрый рост всех основных макроэкономических показателей, - ВНП до 121,7 млрд. долл. при среднегодовом приросте в 7,5%, экспорта и импорта соответственно до 45,2 и 43,8 млрд. /407, 23.12.1983/. Причем составители плана явно исходили из того, что резервы "экспортной модели" еще далеко не исчерпаны и Южная Корея сможет и в дальнейшем наращивать экономический потенциал.

Между тем к середине 80-х годов все с большей очевидностью проявляются факторы, свидетельствующие, что во многих отношениях южнокорейская экономика достигла предела. Несмотря на энергичные усилия, предпринимавшиеся сеульской администрацией в последние годы, попытки добиться решительной перестройки структуры

внешней торговли успеха не принесли. По-прежнему основными торговыми партнерами Южной Кореи остаются США и Япония, на долю которых приходится около 45% всего ее внешнеторгового оборота. В этой связи остается открытым вопрос о зависимости Южной Кореи от торговой политики этих крупнейших империалистических государств. Например, в 1983 г. США, Япония, а также Канада и страны Европейского экономического сообщества (ЕЭС) ввели импортные ограничения на 152 вида южнокорейских товаров, включая текстиль, сталепродукты, электротехнические изделия. Всего же под ограничения попали 53,3% всего южнокорейского экспорта текстиля, 52,4% металлоизделий, 18,7% экспорта обуви.

В то же время Сеул постоянно подвергается давлению Вашингтона и Токио с целью увеличения ввоза американских и японских товаров и вынужден был снять ограничения на импорт 80,4% всех товаров. К 1987 г. этот показатель должен возрасти до 97% /407, 19.08.1983; 16.02.1984/.

По-прежнему сохранилась высокая степень зависимости южнокорейской экономики от внешнего финансирования. Хотя в 1981-1983 гг. внешние капиталовложения составляли 7,7-3,0% стоимости ВНП и значительно уступали по объему внутренним накоплениям, их абсолютная величина оставалась большой, и, главное, они направлялись в наиболее перспективные отрасли промышленности, регулируя их рост в интересах иностранных монополий. Так, в последние годы крупнейшие прямые инвестиции иностранного капитала были осуществлены в электронике, химической, фармацевтической промышленности, туристической индустрии /55, 1983, с. 127/. В то же время отрасли, основная продукция которых потребляется внутренним рынком, не получая валютных инъекций, зачастую расширяли производство на основе низкокачественного устаревшего оборудования. Это положение продолжает оставаться источником серьезных диспропорций в межотраслевом развитии, ослабляет и взаимосвязи хозяйственного механизма.

В связи с усилением протекционистских тенденций на основных рынках сбыта южнокорейских товаров в 80-е годы остро встала проблема сохранения их конкурентоспособности. Южная Корея хотя и медленно, но утрачивает свое преимущество перед основными конкурентами в низкой стоимости рабочей силы. Так, в 1982 г. стоимость труда возросла в Южной Корее на 10,8%, на Тайване на 2,2% и в Японии - на 4,8%. Однако в целом заработная плата южнокорейского рабочего по-прежнему значительно отстает от оплаты труда в аналогичных отраслях других стран, что позволяет Южной Корее успешно конкурировать на мировом рынке продукции трудоемких отраслей. Поэтому на 1983 г. впервые с середины 70-х годов в экспорте Южной Кореи были предусмотрены опережающие темпы прироста продукции легкой промышленности над товарами тяжелой и химической индустрии. Это явилось отступлением от экономической стратегии, последовательно проводившейся Сеулом длитель-

ное время, вынужденной уступкой рыночной конъюнктуре, свидетельствующей о том, что количественные показатели в планах к нокорейской администрации преобладают над качественными. Именно такая система приоритетов в планировании экономического роста, ориентация на его формирование за счет экстенсивных факторов создали, на наш взгляд, предпосылки для разочарования в мифе о "чуде на Хангане". После двух десятилетий быстрого экономического роста, имевшего целью не только создать мощный промышленный потенциал, но и войти в число передовых государств, Южная Корея в известном смысле оказалась в начале пути – в роли аутсайдера, вынужденного занимать место на периферии капиталистической системы. Итогом однобокого неоколониального развития Южной Кореи стало закрепление ее в определенной "ячейке" международного капиталистического разделения труда, с четко определившейся специализацией и довольно очевидными перспективами превращения в интегрированную часть мирового капиталистического производственного комплекса. Однако процесс этот еще далеко не завершен и будет идти под значительным влиянием ряда внешних факторов, включая такие моменты, как конкурентные устремления империалистических партнеров Сеула и политическая обстановка в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Ввиду большого количества научной и мемуарной литературы, посвященной событиям в Южной Корее в этот период, авторы сочли возможным ограничиться его краткой характеристикой.

[2] Есть мнение, что идея нейтрализма была непосредственно "подсказана" южнокорейским буржуазным реформистам американским сенатором-демократом М.Мэнсфилдом, который в своем выступлении 21 октября 1960 г. предложил "нейтралистскую" формулу объединения Кореи по образцу австрийского урегулирования 1954 г. (см. /410, 22.10.1960, с. 1/.

Глава 1

[1] Строго говоря, это соотношение было бóльшим в пользу второго подразделения, так как южнокорейская статистика включает в тяжелую промышленность производство потребительских товаров машиностроительной, химической, металлообрабатывающей и другими отраслями промышленности.

[2] Резкий скачок доли необработанного сырья в 1972–1975 гг. объясняется тем, что пропорция рассчитывалась по стоимости, а стоимость необработанного сырья, включающего сырую нефть, росла вследствие энергетического кризиса.

Глава 2

[1] Об особенностях идеологической направленности "движения за новую деревню" см. в гл. 3.

[2] В военном правительстве гражданские чиновники составляли лишь 33%.

Глава 3

[1] 19 мая 1961 г. ВРК был расширен до 32 членов и переименован в Верховный совет национальной реконструкции (ВСНР), сосредоточивший в своих руках всю полноту власти.

[2] Эти заявления делались вопреки совместному коммюнике, подписанному Пак Чон Хи и президентом Кеннеди во время визита Пака в ноябре 1961 г. в США. В коммюнике хунта обещала перейти к гражданским формам управления в 1963 г.

[3] Следует отметить, что в этот период полная монополия на формирование политических идей в Южной Корее принадлежала специальным правительственным и партийным органам, причем эти идеи излагались в основном от имени Пак Чон Хи в его "трудах" и выступлениях.

[4] На президентских выборах 15 октября 1963 г. Пак Чон Хи победил своего основного соперника Юн Бо Сона с преимуществом всего в 137 тыс. голосов.

[5] Концепция "нового" национализма была позднее изложена Л.Снайдером. См. /341/.

[6] Первые попытки южнокорейских идеологов использовать концепцию "национального субъективизма" для идеализации корейских традиционных феодальных институтов и представлений были сделаны еще при Ли Сын Мане. В марте 1956 г. южнокорейский публицист Хан Бё Ук опубликовал в журнале "Фар истерн экономик ревью" статью под названием "Корейская демократия". В этой статье автор, опираясь на реакционный принцип "единой нации" ("ильминджуый"), пытался выдать социально-политическую систему лисынмановского режима за самобытную корейскую демократию. "Под руководством президента Ли Сын Мана, – писал он, – мы начали эволюцию по новому пути республиканской демократии, в которой считаем необходимым сохранить принципы, прагматически выработанные в течение сорока веков". Подробнее об этом см. /188, с. 189–191/.

[7] "Хонъик инган" – "человек великих благодеяний".

[8] Так называлось совещание высшей аристократии в Силла, не имевшее ничего общего с демократией.

[9] В своих выступлениях он использовал даже созвучие лозунга выдвигавшейся им "массовой демократии" ("тэджун минджуджуый") со своим именем – Ким Дэ Джун.

[10] Чхонвадэ (Голубой дворец) – так называется резиденция президента.

[11] Его настоящее имя Хан Ги Сик. Диплом доктора политических наук получил в Калифорнийском университете (Беркли) США. Является членом Комитета советников исследовательского института по проблемам коммунизма при Колумбийском университете, директором которого долгое время был З.Бжезинский. В настоящее время – декан факультета внешней политики университета Корё. Автор ряда книг антисоветского содержания.

[12] Хан У Гын давал семиступенчатую периодизацию: 1) первобытные и племенные общества; 2) древность; 3) древнее объединенное государство; 4) средние века (коре); 5) новые века (кынсе); 6) новое время (кындэ); конец династии Ли; 7) современный период (хендэ) – до настоящего времени. Подробнее см. /100, с. 22–30/.

[13] "Декларация независимости" – документ, составленный корейскими буржуазно-националистическими деятелями в феврале 1919 г., в период нарастания массового протеста против японского колониального гнета.

В "Декларации", отражавшей робость и непоследовательность корейских буржуазных националистов, выдвигалась задача достигнуть национальной независимости путем развертывания сугубо петиционного движения и выражалась надежда на "справедливость" японских властей.

[14] Пак Тон Со в начале 60-х годов участвовал в разработке теории "административной демократии", основные положения которой были изложены в вышедшей в 1965 г. книге "Палчоннон сосоль" ("Ведение в теорию развития"). В 1972 г. он опубликовал "Теорию административного управления Южной Кореи", переизданную в 1975 г. большим тиражом.

[15] В 1973 г. в Сеуле вышла работа Сок Джон Бока "Теория корпоративизма", где он пытался обосновать "традицию корпоративного образа жизни" в Корее.

Заключение

[1] Первым председателем ДПС стал Ли Чже Хен (род. в 1914 г.). Он получил в Японии юридическое образование, политическую деятельность начал при Ли Сын Мане, в годы правления Пак Чон Хи входил в руководство оппозиционно · Новой демократической партии, избирался депутатом Национального собрания от НДП.

[2] Бывшим членом руководства НДП являлся и первый генеральный секретарь ПДК Син Сан У.

[3] Президент НПК Ким Чон Чер - крупный бизнесмен, в 1977-1980 гг. являлся членом руководства ДРП, входил в состав комиссии по вопросам корейско-японского сотрудничества.

[4] В марте 1982 г. Партия новой политики влилась в СДП.

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды основоположников марксизма-ленинизма[1]

1. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. – Т. 8.
2. Маркс К. Французский Crédit Mobilier (Статья вторая). – Т. 12.
3. Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль. – Т. 16.
4. Маркс К. Капитал. – Т. 23–25.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. – Т. 3.
6. Энгельс Ф. Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия. – Т. 16.
7. Энгельс Ф. К жилищному вопросу. – Т.18.
8. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – Т. 20.
9. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. – Т. 21.
10. Энгельс Ф. Приложение к американскому изданию "Положения рабочего класса в Англии". – Т. 21.
11. Энгельс Ф. Роль насилия в истории. – Т. 21.
12. Энгельс Ф. Марксу, 13 апреля 1866 г. – Т. 31.
13. Энгельс Ф. Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. – Т. 37.
14. Ленин В.И. Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов? – Т. 1.
15. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. – Т. 1.
16. Ленин В.И. К характеристике экономического романтизма. – Т. 2.
17. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. – Т. 3.
18. Ленин В.И. Ценное признание. – Т. 5.
19. Ленин В.И. По поводу государственной росписи. – Т. 6.
20. Ленин В.И. Войско и революция. – Т. 12.
21. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. – Т. 18.
22. Ленин В.И. Демократия и народничество в Китае. – Т. 21.
23. Ленин В.И. Социальное значение сербско-болгарских побед. – Т. 22.
24. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма. – Т. 23.
25. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу. – Т. 24.

---

[1] Работы К.Маркса и Ф.Энгельса даются по 2-му изданию Сочинений, работы В.И.Ленина – по Полному собранию сочинений.

26. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение. – Т. 25.
27. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма. – Т. 27.
28. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля "Наука логики". – Т. 29.
29. Ленин В.И. Из какого классового источника приходят и "придут" Кавеньяки? – Т. 32.
30. Ленин В.И. Государство и революция. – Т. 33.
31. Ленин В.И. Начало бонапартизма. – Т. 34.
32. Ленин В.И. 1 Всероссийский съезд по внешкольному образованию. – Т. 38.

Документы и материалы международного коммунистического и рабочего движения

33. Ким Ир Сен. Отчетный доклад Центрального Комитета Трудовой партии Кореи У съезду партии. Пхеньян, 1970.
34. Материалы XX1У съезда КПСС. М., 1971.
35. Материалы XXУ съезда КПСС. М., 1976.
36. Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969.
37. О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС. М., 1977.
38. Четвертый съезд Трудовой партии Кореи. Документы и материалы. Пхеньян, 1961.

Документальные и справочные издания

На русском языке

39. Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3. Т.13. М., 1973.
40. Ежегодник Большой Советской энциклопедии, вып. 18, М., 1974.
41. Корея. Сеул, 1974.
42. Современная Корея. М., 1971.

На корейском языке

43. Хангук минджу хекмен чхонса (История южнокорейской демократической революции). Сеул, 1962.
44. Хангук тхонге ёнгам (Статистический ежегодник Южной Кореи). Сеул, 1960–1970.
45. Хаптон ёнгам (Ежегодник агентства Хаптон). Сеул, 1973–1976.
46. Хэбан исимненса (История Южной Кореи за 20 лет после освобождения). Сеул, 1965.

На японском языке

47. Канкоку нэнкан (Ежегодник Южной Кореи). Токио, 1966, 1968, 1971.
48. Майнити нэнкан (Ежегодник Майнити). Токио, 1976–1978.
49. 70-нэндайно Адзиа (Страны Азии в 70-х годах). Т. 1–5. Токио, 1973.

На немецком языке

50. Allgemaine Statistic des Auslandes. Sud Korea. Bonn, 1972, 1973.

На английском языке

51. American Annual. Wash., 1962.
52. American Foreign Policy. Current Documents. 1961. Wash., 1961.
53. American-Korean Relations. Hearings before the Subcommittee of Asian and Pacific Affairs of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. 92nd- Congress. 1st Session. June 8, 9, 10, 1971. Wash., 1971.
54. Area Handbook for the Republic of Korea. Seattle, 1975.
55. Asia Yearbook. Hongkong, 1982, 1983.
56. Australasia and the Far East. L., 1974, 1975-1976.
57. Commodity Trade Statistics. L.-N.Y., 1971-1977.
58. Department of State Republic of Korea. Seoul, 1969.
59. Economic Comparison between South and North Korea. Seoul, 1976.
60. Facts about Korea. Seoul, 1976.
61. Japan. South Korea. L., 1969-1977.
62. Korea (1945-1975). Seoul, 1976.
63. Korea Annual. Seoul, 1970, 1974, 1976, 1981.
64. Korea. Its Land, People and Culture. Seoul, 1974.
65. Korea's Economy: Past and Present. Seoul, 1975.
66. Revolution's First Two Month's Achievements. Seoul, 1961,
67. Saemaul Undong. 1980. Ministry of Home Affairs. Seoul, 1980.
68. Socio-cultural Comparison between South and North Korea. Seoul, 1976.
69. The Fourth- Five-year Economic Development Plan. Seoul, 1976.
70. United States Foreign Policy. Complication of Studies Nos. 1-8. Prepared under the Direction of Committee on Foreign Relations. United States Senate. (86th Congress, 2nd Session). Vol. 1-2. Wash., 1960.
71. UN Statistical Yearbook for Asia and the Far East. N.Y., 1972, 1974, 1976.
72. UN Yearbook of Labour Statistics. Geneva, 1975.
73. US Congress. House of Representatives. Committee on Foreign Affairs. 93rd Congress. 2nd Session, July 30, August 5 and December 20, 1974. Wash., 1974.
74. World Armaments and Disarmament. SJPRJ Yearbook. Cambridge (Mass.), 1974.
75. World Banking. L., 1966.

На русском языке

76. Аваков Р.М. Проблема развития "третьего мира" в условиях НТР. М., 1974.
77. Авсенев М.М. Теории экономического роста развивающихся стран. М., 1974.
78. Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970.
79. Баграмов Э.А. Национальный вопрос и буржуазная идеология. М., 1966.
80. Богданов О.С. Валютная система современного капитализма. М., 1976.
81. Борьба идей в современном мире. Т. 1–3. М., 1975–1978.
82. Брутенц К.Н. Против идеологии современного колониализма. М., 1961.
83. Брутенц К.Н. Новая форма порабощения народов. М., 1969.
84. Брутенц К.Н. Современные национально-освободительные революции (Некоторые вопросы теории). М., 1974.
85. Бурлацкий Ф.М. Ленин. Государство. Политика. М., 1970.
86. Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.
87. Варга Е.С. Основные вопросы экономики и политики империализма. М., 1967.
88. Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967.
89. Галкин А.А. Социология неофашизма. М., 1971.
90. Гафуров Б.Г. Актуальные проблемы современного национально-освободительного движения. М., 1976.
91. Гулиев В.Е. Современное империалистическое государство. М., 1973.
92. Гулиев В.Е., Кузьмин Э.Л. Государство и демократия. Критика антимарксистских теорий. М., 1975.
93. Зайчиков В.Т. Корея. М., 1951.
94. Зарубежный Восток и современность. Т. 1–2. М., 1974.
95. Идейно-политическая сущность маоизма. М., 1977.
96. Идейно-политические течения империализма. М., 1975.
97. Идеологическая деятельность современного империалистического государства. М., 1972.
98. Идеологические проблемы научно-технической революции. М., 1974.
99. История Кореи. Т. 1, 2. М., 1974.
100. История Кореи в буржуазной историографии. М., 1976.
101. История корейской философии. Т.1. М., 1966.
102. История политических учений. Т. 1–2. М., 1972.
103. История Японии (1945–1975). М., 1978.
104. Казакевич И.Е. Аграрный вопрос в Южной Корее. М., 1964.
105. Каленский В.Г. Политическая наука в США. М., 1969.
106. Кауфман А.С. Бирма: идеология и политика. М., 1973.
107. Кейзеров Н.М. Власть и авторитет (Критика буржуазных теорий). М., 1973.
108. Ким Г.Ф. "Век национализма"... Так ли это? – "Азия и Африка сегодня". 1971, № 9.
109. Ким Г.Ф. Идеология национализма в странах Азии и Африки на современном этапе. – "Вестник МГУ". Востоковедение, 1973, № 1.

110. Ким Г.Ф. Идеология неоколониализма. – "Международная жизнь". 1978, № 10.
111. Ким Г.Ф., Кауфман А.С. Об идеологических течениях в странах "третьего мира". – "Народы Азии и Африки". 1972, № 5.
112. Ким Г.Ф., Шабшина Ф.И. Союз рабочего класса с крестьянством и опыт социалистических стран Азии. М., 1977.
113. Классы и классовая борьба в развивающихся странах. М., 1967.
114. Козловский Ю.Б. Современная буржуазная философия Японии. М., 1977.
115. Коллонтай В.М. Пути преодоления экономической отсталости. М., 1967.
116. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
117. Корея: Север и Юг. М., 1965.
118. Коробков А.Ф. Буржуазная общественно-политическая и философская мысль Индонезии. М., 1972.
119. Кортунов В.В. Идеология и политика. М., 1974.
120. Кортунов В.В. Коммунизм и антикоммунизм перед лицом современности. М., 1978.
121. Критика буржуазных политико-правовых концепций. М., 1977.
122. Критика идеологии неофашизма. М., 1976.
123. Кузьмин С.А. Развивающиеся страны, занятость и капиталовложения. М., 1965.
124. Кузьмин Э.Л. Идейное банкротство буржуазной демократии. М., 1977.
125. Левковский А.И. "Третий мир" в современном мире. М., 1970.
126. Ленинизм, классы и классовая борьба в странах Востока. М., 1973.
127. Ли В.Ф. Стратегия и политика неоколониализма США. М., 1971.
128. Мазуров В.М. Антияпонская борьба корейского народа. 1931–1940. М., 1958.
129. Мазуров В.М. Создание антинародного режима в Южной Корее (1945–1950). М., 1963.
130. Мазуров В.М. Южная Корея и США. М., 1970.
131. Мазуров В.М., Синицин Б.В. Южная Корея. Драматическое перепутье. М., 1963.
132. Марушкин Б.А. История и политика. М., 1969.
133. Мелкое производство города в Азии и Африке. М., 1974.
134. Мирский Г.И. "Третий мир": армия, власть, политика. М., 1976.
135. Митин М.Б. Проблемы современной идеологической борьбы. Критика социологических и социально-политических концепций. М., 1976.
136. Модржинская Е.Д. Ленинизм и современная идеологическая борьба. М., 1972.
137. Мюрдаль Г. Современные проблемы "третьего мира". М., 1972.
138. Некоторые вопросы идеологической борьбы в странах Азии и Африки. М., 1971.
139. Николаев Н.Э. Индонезия: государство и политика. М., 1977.
140. Политика США в Азии. М., 1977.
141. Политические системы современности. М., 1978.
142. Положение рабочего класса и рабочее движение в странах Азии и Африки. М., 1962.
143. Поспелов Б.В. Очерки философии и социологии современной Японии. М., 1974.
144. Проблемы индустриализации развивающихся стран. М., 1971.

145. Проблемы социально-политического развития освободившихся стран. М., 1974.
146. Проблемы экономической самостоятельности стран Юго-Восточной Азии. М., 1970.
147. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
148. Развивающиеся страны: накопление и экономический рост. М., 1977.
149. Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост. М., 1975.
150. Развивающиеся страны: проблема достижения экономической самостоятельности. М., 1974.
151. Развивающиеся страны Азии: проблемы экономического роста. М., 1975.
152. Растянников В.Г. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973.
153. Растянников В.Г. Аграрные структуры стран Востока. М., 1977.
154. Религия и общественная мысль Востока. М., 1974.
155. Рымалов В.В. Распад колониальной системы и мировое капиталистическое хозяйство. М., 1966.
156. Савельев Н.А. Национальная буржуазия в странах Азии. М., 1968.
157. Севортян Р.Э. Армия в политическом режиме стран современного Востока. М., 1973.
158. Селезнев Л.И. Национально-освободительные революции современности. Л., 1972.
159. Симония Н.А. Об особенностях национально-освободительных революций. М., 1968.
160. Симония Н.А. Страны Востока: пути развития. М., 1975.
161. Синицын Б.В. Очерки экономики Южной Кореи (1953-1964). М., 1967.
162. Синицын Б.В. Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945-1959). М., 1961.
163. Современное революционное движение и национализм. М., 1973.
164. Современные идеологические проблемы в странах Азии и Африки. М., 1970.
165. Современный антикоммунизм. Политика, идеология. М., 1973.
166. Современный национализм и общественное развитие зарубежного Востока. М., 1978.
167. Солодовников В.Г. Основные направления в общественно-политической мысли современной Африки и позиции социал-демократов. М., 1975.
168. Теория экономического развития освободившихся стран Азии. М., 1970.
169. Теория экономического роста: развивающиеся страны Азии. М., 1973.
170. Тихомиров В.Д. Южная Корея на современном этапе (1960-1971 гг.). М., 1972.
171. Торкунов А.В. Становление и развитие военно-бюрократического режима в Южной Корее (1961-1976). М., 1977 (канд. дисс.).
172. Тюльпанов С.И. Очерки политической экономии (развивающиеся страны). М., 1969.
173. Тягай Г.Д. Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971.
174. Ульяновский Р.А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972.
175. Хромушин Г.Б. Современный мир и идеологическая борьба. М., 1972.

176. Шабад Б.А. Империализм и буржуазная социально-политическая мысль. М., 1969.
177. Шабад Б.А. Кризис идеологии антикоммунизма. М., 1973.
178. Шабад Б.А. Политическая философия современного империализма. М., 1963.
179. Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953). М., 1958.
180. Шабшина Ф.И. Очерки новейшей истории Кореи (1918–1945). М., 1959.
181. Шабшина Ф.И. Южная Корея (1945–1946). Записки очевидца. М., 1974.
182. Шипаев В.И. Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966.
183. Шмелев Н.П. Проблемы экономического роста развивающихся стран. М., 1970.
184. Щетинин В.Д. Эволюция американского неоколониализма. М., 1972.
185. Эльянов А. На пути в XX век. М., 1972.
186. Эльянов А. Развивающиеся страны: проблемы экономического роста и рынок. М., 1976.
187. Энтин Л.М. Политические системы развивающихся стран. М., 1978.
188. Южная Корея. Экономическое и политическое положение (1945–1958). М., 1959.
189. Яковлев А.Н. Идеология американской "империи". М., 1967.

На корейском языке

190. Ким Дык Хван. Хангук сасанъса (История корейской идеологии). Сеул, 1973.
191. Ким Рян Дже. Нам чосон нодон ундон (Рабочее движение в Южной Корее). Пхеньян, 1963.
192. Ким Юн Сик, Ким Хен. Хангук мунхакса (История корейской литературы). Сеул, 1974.
193. Ли Гык Чхан. Чончхихак (Политология). Сеул, 1977.
194. Ли Джи Хо. Нам чосонесо юпхотвего иннын сильчонджуый чхорчагыи пандонджок понджиль (Реакционная сущность философии экзистенциализма в Южной Корре). Пхеньян, 1964.
195. Ли Джои Сик. Юсиньи чончхи нолли (Политическая логика реформ обновления). Сеул, 1977.
196. Ли Джон Хан. Хангук чончхиса (Политическая история Южной Кореи). Сеул, 1963.
197. Ли Дон Тхак. Намчосон-э тэхан мигук "кёнджже вонджо" – ва кы хуква (Американская "экономическая помощь" Южной Корее и ее последствия). Пхеньян, 1963.
198. Ли Ман Ги. Хангук кёнчжерон (Теория экономики Южной Кореи). Сеул, 1975.
199. Ли Хэ Нам. Хангук хендэ чончхи мунхваса (Новейшая политическая история Южной Кореи). Сеул, 1963.
200. Ли Чхан Нёль. Хангук кёнджже-ый куджо-ва сунхван (Структура и циклы экономики Южной Кореи). Сеул, 1969.
201. Нам чосонесоыи миджеыи кунса пхасе тхончхи (Военно-фашистский режим американского империализма в Южной Корее). Пхеньян, 1968.
202. Намчосон-э кёнджже-ый сикминджок сонгёк (Колониальный характер экономики Южной Кореи). Пхеньян, 1960.

203. Пак Нэ Ён. Ингу чынгага хангук кёндже-э мичхинын кёнхян (Влияние роста населения на экономику Южной Кореи). Сеул, 1971.
204. Пак Сын. Хангук кёндже сонджанънон (Теория экономического роста Южной Кореи). Сеул, 1973.
205. Пак Тон Со. Палчон хэнджоннон (Теория динамичного административного управления). Сеул, 1977.
206. Пак Чон Сик, Хан Джун Мо. Намгосон-э юнхо-твего инын пандонъ-чжок муне сасанъ-ый пончжиль (Реакционная сущность литературно-эстетических взглядов, распространенных в Южной Корее). Пхеньян, 1963.
207. Пак Чон Хон. Хангук сасанъса (История корейской идеологии). Сеул, 1972.
208. Сон Ин Су. Хангук кёюк сасанъса (История педагогической мысли в Южной Корее). Сеул, 1961.
209. Хан Ги Он. Хангук кеюкса (История образования в Южной Корее). Сеул, 1971.
210. Хан Ги Он. Хангук сасанъгва кёюк (Идеология и образование в Южной Корее). Сеул, 1973.
211. Хан Ги Он, Ким Джон Хак и др. Ильчеын мунхва чхимтхальса (История агрессии японского империализма в области культуры). Сеул, 1970.
212. Хангук чончхирон (Политическая теория Южной Кореи). Сеул, 1977.
213. Хан Сын Джо. Хангук минджуджуыи ва чончхи палчон (Южнокорейская демократия и политическое развитие). Сеул, 1976.
214. Хан Сын Джо. Хангук чончхиын чидо инем (Руководящая идея южнокорейской политики). Сеул, 1977.
215. Хан Тхэ Су. Хангук чонданса (История политических партий Южной Кореи). Сеул, 1961.
216. Цой Чхан Гю. Кындэ хангук чончхи сасанъса (История политической мысли Кореи в новое время). Сеул, 1974.
217. Чо Ги Джун. Хангук кёнджеса (История корейской экономики). Сеул, 1975.
218. Чон Джин Сок. Мигуксик сэнхваль янсик-ква намчосон-э мичхин кы хуква (Американский образ жизни и его последствия в Южной Корее). Пхеньян, 1965.

На японском языке

219. Иси Есикуни. Канкоку-но дзинко дзо: ка-но бунсэки (Анализ роста населения Южной Кореи). Токио, 1972.
220. Канкоку-но когё (Промышленность Южной Кореи). Токио, 1967.
221. Канкоку-но содзэй сэйто (Налоговая система в Южной Корее). Токио, 1971.
222. Ким Бён Сик. Гэндай тэйкокусюги то Минами Тесэн (Современный империализм и Южная Корея). Токио, 1972.
223. Ким Чхоль. Канкоку-но дзинко: то кэйдзай (Население и экономика Южной Кореи). Токио, 1965.
224. Минами Редзабуро. Канкоку дзинко-но кэйдзай бунсэки (Размещение населения Южной Кореи по экономическим районам). Токио, 1972.
225. Накагава Нобуо. Канкоку-но кэйдзай кодзо то санге хаттэн (Экономическая структура и промышленное развитие Южной Кореи). Токио, 1964.

226. Омуро Масуо, Кидзин Ватару, Ватанабэ Манабу. Канкоку-но сисо то кодо (Идеология и мораль Южной Кореи). Токио, 1973.
227. Пак Пёнъиль. Канкоку кэйдзай-то сангё: рёнкан бунсэки (Экономика Южной Кореи и анализ межотраслевых связей). Токио, 1964.
228. Цутагава Масаёси. Канкоку-но бэки то сангё (Торговля и промышленность Южной Кореи). Токио, 1972.

На английском языке

229. Abramovitz M. Moving the Glacier: the Two Koreas and the Powers. L., 1971.
230. Allen C.Richard. Korea's Syngman Rhee. Tokyo, 1960.
231. Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago, 1960.
232. Arnold H.J.P. Aid for Development. A Political and Economic Study. Philadelphia, 1966.
233. Bartz P. South Korea. Oxford, 1972.
234. Bentley A. The Process of Government. Cambridge (Mass.), 1967.
235. Brodiew B. War and Polititcs. L., 1974.
236. Brown G.T. Korean Pricing Policies and Economic Development in the 1960's. Baltimore-L., 1973.
237. Brzezinski Z.K. Ideology and Power in Soviet Politics. N.Y.-Wash.-L., 1967.
238. Buss C.A. The Era of Crisis. Nationalism and Neutralism in Asia today. Garden-City, 1961.
239. Chavan R.S. Nationalism in Asia. New Delhi, 1973.
240. Choi Woonsang. The Fall of the Hermit Kingdom. N.Y., 1967.
241. Choy Bong-youn. Korea. A History. Rutland-Tokyo, 1971.
242. Chung Kyung Cho. Korea. The Third Republic. N.Y.-L., 1971.
243. Clough R.N. Deterrence and Defence in Korea. The Role of US Forces. Wash., 1976.
244. Clough R.N. East Asia and US Security. Wash., 1975.
245. Cole D., Lyman N.P. Korean Development. The Interplay of Politics and Economies. Cambridge (Mass.), 1970.
246. Collins R., Lawton S. War in Peacetime. The History and Lessons of Korea. Boston, 1969.
247. Conflict and Stability in South-East Asia. Wash., 1971.
248. Contemporary American Foreign Policy. Columbus, 1969.
249. Crane P.S. Korean Patterns. Seoul, 1967.
250. Crisis in Korea. Nottingham, 1977.
251. Deitchman S.J. Limited War and American Defence Policy. Cambridge (Mass.), 1969.
252. Dispersed Families in Korea. Seoul, 1977.
253. Divided Nations in the Divided World. N.Y., 1974.
254. Economic Growth in Developing Countries. - Material and Human Resources. N.Y., 1975.

255. Educational Innovation in the Republic of Korea. P., 1974.
256. Fairbank John K. and Reishauer E. East Asia: Tradition and Transformation. Boston. 1973.
257. Fairbank J.K., Reishauer E.O., Craig A.M. East Asia. The Modern Transformation. Boston, 1965.
258. Final Country Report on Korea. Vol. 1, 2. Tokyo, 1975.
259. Foreign Aid in International Policy. N.Y., 1967.
260. Foreign Policy for Peace and Unification. Seoul, 1975.
261. Frank C., Kim K.S., Westphal L.E. Foreign Trade Regimes and Economic Development: South Korea. N.Y., 1975.
262. Gosfield F., Hurwood K.J. Korea: Land of the 38th Parallel. N.Y., 1971.
263. Government and Politics in Korea. Silver Spring. Maryland, 1972.
264. Greene F. US Policy and Security of Asia. N.Y., 1968.
265. Ha Tae-hung. Guide to Korean Culture. Seoul, 1968.
266. Hahm Pyong-Choon. The Korean Political Tradition and Law. Seoul, 1971.
267. Han Sunjoo. The Failure of Democracy in South Korea. Berkeley-L., 1974.
268. Han Woo-keun. The History of Korea. Honolulu, 1971.
269. Henderson G. Korea. The Politics of the Vortex. Harvard, 1968.
270. Henthron W.E. The History of Korea. N.Y., 1971.
271. Hong Yi-Sup. Korea's Self-Identity. Seoul, 1973.
272. Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Haven - L., 1968.
273. Ideologies of the developing nations. N.Y. - L., 1963.
274. International Conference on Korean Future. Seoul, 1973.
275. International Conference on the Problems of Modernization in Asia. Seoul, 1966.
276. Jeon Kyū-tae. Korean Heritage. Seoul, 1975.
277. Johnson L. The Promise of the New Asia. US and Policy in the Far East. Wash., 1966.
278. Jones L.P. Public Enterprise and Economic Development: the Korean Case. Seoul, 1975.
279. Kahn H., WienerA. The Year 2000: a Framework for Speculation on the Next 33 Years. N.Y. - L., 1967.
280. Kajima Morinosuke. Modern Japan's Foreign Policy. Tokyo, 1970.
281. Kennedy G. The Military in the Third World. L., 1974.
282. Kennedy J. Asian Nationalism in Twentieth Century. N.Y., 1968.
283. Keon M. Korean Phoenix (A Nation from the Ashes). New Jersey, 1977.
284. Kil Young Suk. Park Chung Hee. President of all the People. Seoul, 1972.

285. Kim Byong Sik. Modern Korea: The Socialist North, Revolutionary Perspectives in the South and Unification. N.Y., 1970.
286. Kim Chong Shin. Seven Years with Korea's Park Chung Hee. Seoul, 1967.
287. Kim C.J. Eugene. A Pattern of Political Development: Korea. Seoul, 1964.
288. Kim Hak-joon. The Unification Policy of South and North Korea. A Camparative Study. Seoul, 1977.
289. Kim J.A. Divided Korea: the Politics of Development. 1945-1972. Cambridge (Mass.), 1975.
290. Kim K.B. The Korean-Japan Treaty Crisis and the Instability of Korean Political System. N.Y., 1971.
291. Kim Se Jin. The Politics of Military Revolution in Korea. Chapel-Hill, 1971.
292. Kim Se-Jin, Cho Chang-Hyun. Government and Politics in Korea. Maryland, 1972.
293. Kim Seung Hee. Foreign Capital for Economic Development. A Korean Case. N.Y., 1970.
294. Kim Yersu. Cultural Policy in the Republic of Korea. P., 1976.
295. Kim Young Hum. East Asia's Turbulent Century. N.Y., 1966.
296. Kim Youngwon A. Divided Korea: the Politics of Government, 1945-1972. Cambridge (Mass.), 1975.
297. Kohn H. The Age of Nationalism. N.Y., 1962.
298. Korea and the Theory of Limited War. Boston, 1967.
299. Korea at a Glance. Seoul, 1963.
300. Korea: Past and Present. Seoul, 1972.
301. Korean Politics in Transition. Seattle-L., 1975.
302. Korean Unification. Source Materials, Seoul, 1976.
303. Kraczkiewiez T.M. Republic of Korea. Wash., 1970.
304. Lee Chong-sik. The Politics of Korean Nationalism. Berkeley, 1963.
305. Lee Hahn Been. Korea: Time, Change and Administration. Honolulu, 1968.
306. Lee Yung-Dug. Educational Innovation in the Republic of Korea. P., 1974.
307. Major Powers and Korea. Wash., 1972.
308. Major Speeches by Korea's Park Chung Hee (Compiled by Shin Bum Shik). Seoul, 1970.
309. Major Speeches by President Park Chung Hee. Seoul, 1975.
310. McCune S. Korea. Land of Broken Calm. Princeton, 1967.
311. McCune G. Korea Today. Cambridge (Mass.), 1950.
312. Michael F., Sigur G.S. The Asian Allance. Japan and US Policy. N.Y., 1972.
313. Military Revolution in Korea. Seoul, 1961.
314. Oh John Kie-Chang. Korea: Democracy on Trial. N.Y., 1968.

315. On Military Ideology. Vol. I-III. Rotterdam, 1971.
316. Park Chong Hee. Social Security in Korea. An Approach to Social-Economic Development. Seoul, 1975.
317. Park Chung Hee. The Country, the Revolution and I. Seoul, 1970.
318. Park Chung Hee. To Build a Nation. Wash., 1971.
319. Park Chung Hee. Leadership. - On the Revolutionary Process. Seoul, 1961.
320. Park Chung Hee. Our Nation's Path (Ideology of Social Reconstruction). Seoul, 1962.
321. Park Chung Hee. People's Path to the Fulfilment of Revolutionary Tasks. Direction of National Movement. Seoul, 1962.
322. Partners in Development. Reports of the Commission on International Development. N.Y.-Wash.-L., 1970.
323. Party Politics and Elections in Korea, Silver Spring, Maryland, 1976.
324. Paul R.A. American Military Commitments Abroad. N.Y., 1973.
325. Political Culture and Political Development. Princeton, 1965.
326. Political Leadership in Korea. Seattle - L., 1975.
327. Political Thought since World War II. L., 1964.
328. Politics in Transitional Societies. N.Y., 1968.
329. Practical Approaches to Development Planning: Korea's Second Five-Year Plan. Baltimore, 1969.
330. Proposed Foreign Aid Program. FY 1968. Wash., 1968.
331. Proposed Mutual Defence and Development Program. FY 1965. Washington, 1965.
332. Reeve W. The Republic of Korea. L., 1963.
333. Renauld B.M. Conflicts between National Growth and Regional Equality in a Rapidly Growing Economy: the Case of Korea. Honolulu, 1973.
334. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. N.Y.-L., 1969.
335. Sartori G. Democratic Theory. Detroit, 1962.
336. Scalapino R. American-Japanese Relations in a Changing Era. N.Y., 1972.
337. Scalapino R. The Communist Revolution in Asia. N.Y., 1965.
338. Scalapino R., Lee Chong-sik. Communism in Korea. Berkeley, 1972.
339. Simons R. The Strained Alliance. Peking, Pyongang, Moscow and the Politics of Korean Civil War. N.Y., 1975.
340. Sheldon R. Daybreak in Korea. Nashville, 1965.
341. Snyder L.L. The New Nationalism. N.Y., 1968.
342. Socio-Cultural Comparison between South and North Korea. Seoul, 1976.
343. Soldiers in Politics. Los Altos, 1974.
344. Source Materials on Korean Politics and Ideologies (Compiled by D.G.Tewksbury). N.Y., 1950.
345. Steinberg D.J. Korea: Nexus of East Asia. N.Y., 1968.

346. Suh Dae-Sook. The Korean Communist Movement (1918-1948). Princeton, 1967.
347. Theses on South-North Dialogue. Seoul, 1977.
348. The two Koreas in East Asian Affairs. N.Y., 1976.
349. Toward Peaceful Unification (Selected Speeches by President Park Chung Hee). Seoul, 1976.
350. Trade Strategy and the Asian-Pacific region. N.Y.,1969.
351. Tullis F.L. Politics and Social Changes in Third World Countries. N.Y., 1973.
352. Westwood A.F. Foreign Aid in a Foreign Policy Framework. Wash., 1966.
353. Without Parallel. American-Korean Relationship since 1945. N.Y., 1974.
354. Yoo Tae-Ho. The Korean War and the United Nations. Louvain, 1965.

Журналы

На русском языке

355. "Азия и Африка сегодня".
356. "Вестник МГУ" (Востоковедение).
357. "Коммунист".
358. "Мировая экономика и международные отношения".
359. "Народы Азии и Африки".
360. "Новое время".
361. "Проблемы Дальнего Востока".
362. "Проблемы мира и социализма".
363. "Советское государство и право".

На корейском языке

364. "Асеа ёнгу".
365. "Сасанге".
366. "Сон Донъа".

На английском языке

367. "American Political Science Review".
368. "Asian Forum".
369. "Asian Research Bulletin".
370. "Asian Survey".
371. "Canadien Far Eastern Newsletter".
372. "Canadien Forum".
373. "Depaetment of State Bulletin".
374. "East Asian Review".
375. "Eastern Horizon".
376. "Economic Development and Cultural Change".
377. "Economist".
378. "Far Eastern Economic Review".
379. "Foreign Affairs".

380. "International Labour Review".
381. "Journal of Asian Studies".
382. "Journal of East and West Studies". Seoul.
383. "Journal of Contemporary Asia".
384. "Journal of International Affairs".
385. "Journal of Korean Affairs".
386. "Korea and World Affairs".
387. "Korea Business".
388. "Korea Journal".
389. "Korea Newsreview".
390. "Korea Observer".
391. "Korean Affairs". Seoul.
392. "Korean Journal of International Studies".
393. "Korean Research Bulletin".
394. "New Left Review". New Delhi.
395. "Newsweek".
396. "Pacific Affairs".
397. "Social Science Journal".
398. "Time".
399. "US News and World Report".

Газеты

На русском языке

400. "Известия".
401. "Правда".

На корейском языке

402. "Нодон синмун".
403. "Тонъя ильбо".
404. "Хангук ильбо".

На английском языке

405. "Financial Times".
406. "International Herald Tribune".
407. "Japan Times".
408. "The Korea Herald". Seoul.
409. "The Korea Times". Seoul.
410. "The Korean Republic". Seoul.
411. "The New York Times".
412. "The Toronto Star". Montreal.
413. "Washington Post".

SUMMARY

The monograph *US Neocolonialism and South Korea* by A.A.Proshin and A.A.Timonin pinpoints the specifics of imperialism's neocolonialist policy towards South Korea. The authors show that within the context of imperialism's global strategy aimed at retaining that country within the capitalist orbit the policy of US neocolonialism has undergone a considerable evolution - under the influence of world socialism and the specific nature of South Korea's socio-economic development and the political evolution of the Seoul regime.

South Korea is used as an example to show the reactionary essence of capitalist "modernization" persistently forced by neocolonialist strategists on Afro-Asian countries. The book discloses the unviability of attempts by the proponents of capitalism to explain certain growth in South Korea's economic performance by the alleged advantages of bourgeois evolution of developing countries.

The monograph considers the most typical features of neocolonialism's ideological expansion in South Korea, and traces the dependence of the Seoul regime's ideology and politics on the nature of the country's socio-economic development. The causes for the growth of anticommunist and nationalistic propaganda in the 1960-70 in South Korea are analysed.

The authors show that behind in much advertized South Korean model of development there is further drawing of South Korea into the system of world capitalist links, the growing and total dependence of it from imperialist countries, first of all from the USA and Japan. After two decades of comparatively fast economic growth, South Korea has found itself at the backyards, playing the role of the capitalist system periphery.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Политика американского неоколониализма в Южной Корее 3
Глава 1. Основные направления и особенности экономического развития Южной Кореи (1961–1979 гг.) . . . 14
Экономическая политика военного режима 14
Решение проблемы накопления в Южной Корее 17
Особенности развития капитализма в Южной Корее в период индустриализации 30
Глава 2. Социально-классовые изменения в Южной Корее в 1961–1979 гг. 57
Изменения в социальной структуре южнокорейского общества 57
Положение основных классов и социальных групп и их отношение к правящему режиму 63
Социальное содержание государственной власти в Южной Корее 84
Глава 3. Идеология и политика сеульского режима в 1961–1979 гг. 90
Политическая идеология режима Пак Чон Хи в период ускоренного экономического роста (1962–1972 гг.) . . . 93
Предпосылки создания политической платформы режима Пак Чон Хи 93
Теория "модернизации" – идеологическое оружие неоколониализма в Южной Корее 96
Теория "административной демократии" – основа первой политической программы сеульских властей (1962–1966 гг.) 101
Усиление националистической направленности южнокорейской идеологии в 60-е годы 111
Кризис политической системы в Южной Корее и характер идеологии в 70-е годы 121
"Реформы обновления" 1972 г. – проявление кризиса государственно-политической системы Южной Кореи 122
Идейные источники новой политической теории правящих кругов Южной Кореи 130

"Кореизированная демократия" – авторитарная националистическая модель государственно-политической системы Южной Кореи 138
Углубление политического кризиса сеульского режима и требования демократического обновления Южной Кореи . . 152
Заключение 157
Примечания 171
Библиография 174
Summary 188

А.А.Прошин, А.А.Тимонин
НЕОКОЛОНИАЛИЗМ США И ЮЖНАЯ КОРЕЯ

Утверждено к печати
Институтом стран Азии и Африки
Московского государственного университета
им.М.В.Ломоносова

Редактор *В.С.Свиткова*
Младший редактор *Е.В.Степанова*
Художник *Н.П.Ларский*
Художественный редактор *Б.А.Резников*
Технический редактор *Е.А.Пронина*
Корректоры *К.Н.Драгунова* и *В.Н.Багрова*

ИБ №15170

Сдано в набор 12.01.85
Подписано к печати 29.04.85
А-04398. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная № 1
Печать офсетная. Усл. п.л. 12,0. Усл.кр.-отт. 12,25
Уч.-изд.л. 13,23. Тираж 1100 экз. Изд. № 5734.
Зак. № 139. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

Офсетное производство типографии №3
103031, Москва К-31, ул.Жданова, 12/1

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"

выйдет в 1985 году

Топливно-энергетические проблемы стран Азии и Северной Африки. 16 л.

В монографии рассматриваются технико-экономические и социально-политические аспекты энергоснабжения стран Азии и Северной Африки в 1960 — 1980 гг. и дана оценка перспектив развития этого процесса до конца столетия. Охарактеризованы проблема обеспеченности развития энергетики капиталистического мира соответствующими ресурсами, роль взаимозависимости главных поставщиков энергоносителей и основных потребителей, последствия энергетического кризиса и его влияние на социально-экономическое развитие стран. Значительное внимание уделяется современной роли ОПЕК и нефтяного фактора в экономическом развитии стран региона.

Подчеркивается, что в современной сложной обстановке эффективное решение топливно-энергетических проблем обеспечивается только на путях международного сотрудничества и объединения усилий, природных, материальных и трудовых ресурсов стран с различным общественным строем, разрядки международной напряженности и упрочения мира.

Заказы на книгу принимаются всеми магазинами книготоргов и "Академкниги", а также по адресу: 117192, Москва В-192, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 "Академкниги" ("Книга — почтой").

1 p. 80 к.